

Татьяна Горичева

Блажен иже и скоты милует

Татьяна Горичева

Блажен иже и скоты милует

Любляна 2010

Татьяна Горичева
Блажен иже и скоты милует

Художественный редактор *Луциян Братуш*

Издательство

За издателя *Милица Кач*

Отпечатано в типографии
Партнерграф

Любляна, 2010

CIP – Kataložni zapis o publikaciji
Narodna in univerzitetna knjižnica, Ljubljana

123

123

GORIČEVA, Tatjana
Blažen iže i skoti milujet,
Ljubljana, KUD Logos

ISBN 978–961–6519–xx–x

123

Содержание

Часть первая

7	Святые животные (К православной экологии)
65	<i>Приложение</i>
	Архимандрит Юстин Попович, «Жития святых» (избранные страницы)
	<i>Интервью и статьи:</i>
77	Пустыня растет
83	«Возвратиться в рай...»
100	Теплота бытия
109	Животные как архетип современной культуры
124	Duineser Elegie

Часть вторая

129	Молчание животных
-----	--------------------------

Часть третья

195	Они не оставили рая
225	<i>Приложение I</i>
	Жак Деррида, «Животное, которым я являюсь» (избранные страницы)
248	<i>Приложение II</i>
	Письмо Его Святейшеству Патриарху Московскому и Всея Руси Кириллу

Татьяна Горичева
Блажен иже и скоты милует

Часть первая

СВЯТЫЕ ЖИВОТНЫЕ

(К православной экологии)

От автора

Часто христиане интерпретируют заповедь любви к ближнему, руководствуясь биологическими и биографическими критериями. Кто мой ближний? Многие ответят: мои дети, мои друзья, мои сослуживцы.

Эта близорукость и довела нас до апокалиптической ситуации, когда мы больше не «хозяева» на нашей земле. Мы скорее напоминаем разбойников. Земля же переживает судьбу человека, «с которого сняли одежду, изранили и ушли, оставив его едва живым» (Лука, 10,30).

Господь Иисус Христос иначе понимал заповедь любви. Когда его спросили: «Кто мой ближний?», он тут же заговорил о том, кто больше всего страдает: «Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам...»

Сегодня милосердный самаритянин поспешил бы на помощь земле, животным, воздуху, деревьям. Они наши ближние, изуродованные и обокраденные нами.

Чтобы облегчить душу, и писались эти статьи. Все это первые попытки «православной экологии», когда-нибудь, надеюсь, будут написаны более фундаментальные труды. Но время не терпит, нельзя, подобно священнику и левиту из евангельской притчи, проходить мимо. Как мы, православные, можем помочь в ситуации экологического кризиса? И можем ли?

«Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчелка золотая, все-то до изумления знают путь свой, не имея ума, тайну Божию свидетельствуют, беспрерывно совершают ее сами, и, вижу я, разгорелось сердце милого юноши. Поведал он мне, что лес любит, птичек лесных; был он птицелов, каждый их свист понимал, каждую птичку приманить умел; лучшие того, как в лесу, ничего я, говорит, не знаю. Да и все хорошо. «Истинно, – отвечаю ему, – все хорошо и великолепно, потому что все истина. Посмотри, – говорю ему, – на коня, животное великое, близ человека стоящее, али на вола, его питающего и работающего ему, понурого и задумчивого, посмотри на лики их: какая кротость, какая привязанность к человеку, часто бьющему его безжалостно, какая незлобивость, какая доверчивость и какая красота в его лице. Трогательно даже это и знать, что на нем нет ни какого греха, ибо все совершенно, все, кроме человека, безгрешно, и с ними Христос еще раньше нашего». – «Да неужто, – спрашивает юноша, – и у них Христос?» – «Как же может быть иначе, – говорю ему, – ибо для всех Слово, все создание и вся тварь, каждый листик устремляется к Слову, Богу славу поет, Христа плачет, себе неведомо, тайной жития своего безгрешного совершает сие. Вон, – говорю ему, – в лесу скитается страшный медведь, грозный и свирепый, и ничем-то в том не повинный».

Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы»

I.

СПАСТИ ТВОРЕНИЕ

В наше время темы природы, «окружающей среды», безмолвного (и от этого еще более жуткого) страдания твари самым прямым образом связываются с христианской идеей спасения. От человека зависит судьба земли и космоса, и от судьбы земли и космоса зависит то, выживет ли человек физически и духовно.

Это время уникально тем, что впервые человек осознает свою беспомощность перед самим собой. И верующим, и неверующим сегодня ясно: возможности человеческого «преобразования» природы намного превосходят возможности предвидения всех тех последствий, к которым приведут данные преобразования. Если еще совсем недавно человек был хоть и мыслящим, но слабым «тростником», если в былые века он боялся могучей природной стихии, то теперь он боится собственной слепой безответственной силы. Реальностью стала сказка об ученике чародея. И разговоры об «ответственности» перестали быть только пустым морализированием. Ибо сама ответственность представляется чем-то очень тяжелым, она трагична. Не зря в наше время одной из самых популярных книг стала книга Ганса Ионаса «Принцип ответственности».

Новое время существовало под знаком первого закона термодинамики о «сохранении энергии». Казалось, что вселенная неисчерпаема и ее богатствами можно пользоваться бесконечно.

Современная, постмодернистская эпоха определяется тем, что на смену закона «сохранения энергии» пришел второй закон

термодинамики (самый метафизический из всех законов – Бергсон). Согласно этому закону, все в мире стремится к энтропии. Тепло переходит только от более теплых тел к менее теплым. Но не наоборот. Этот закон говорит нам, что энергия ограничена, конечна. По существу, второй закон термодинамики положил конец оптимистическому мифу о прогрессе, «вере» человека в бесконечные возможности науки. Есть мнение, что миф о фаустовской и прометеевской личности возник благодаря христианству. Это была христианская идея: богоподобность человека, человекоподобность Бога. Конечно, безудержно рвущийся вперед «фаустовский» субъект – только искажение христианской мысли. Но и это искажение стало возможным только потому, что Бог вочеловечился.

Экологически мыслящие деятели, писатели до сих пор бросают упреки нам, христианам. В дискуссиях 70-х годов именно христианство обвиняли в том, что оно породило антропологический нарциссизм и рационалистическую мегаломанию.

В христианстве Бог-Творец резко отделен от твари. Происходит своеобразное обезбоживание мира и твари. Человек – это царь творения, его венец, все остальное ниже его, должно ему подчиняться. Новое Время, соединившись с акосмической идеологией протестантизма, усугубило проблематику. Деистические тенденции, представление о Боге как об универсальном механизме, запускающем в работу механизм «творения», ненужность Бога-Творца – ибо естественные науки смогли и без Него объяснить устройство мира, этой огромной машины, – все это в конце концов привело к тому, что на природу стали смотреть только как на объект использования и потребления.

В наше время богословы всех христианских конфессий пытаются восстановить справедливость, «оправдать христианство» и создать христианскую экологию, соответствующую задачам времени. Особенно стараются протестанты, так как именно их традиция наиболее «оголена», механистична и редуccionистична. Они оправдывались только благодатью – природа была изгнана как грех. И у православных появляются отдельные работы на эту тему (хочется особо отметить сочинение Патриарха Антиохийского святейшего Игнатия IV «Спаси творение»), Священный Синод вселенской Патриархии объявил 1 сентября Днем вознесения молитв в защиту окружающей среды.

В православии (особенно в русском) космизм является неотъемлемой частью мироощущения и мировоззрения. Даже светская научная мысль в России движется в том же направлении: освоение космоса, идея о ноосфере.

«Космическая литургия», теофания стихий: освящение воды, дома, животных, всякой вещи, ощущение рая и стремление к райскому миру, к извечной справедливости, «руссоизму» (неизбывный русский утопизм), особое поклонение Святому Духу, «все исполняющему», любовное заступничество Царицы Небесной, о которой «радуется всякая тварь», монастыри, затерянные в лесах, святые, разговаривающие с медведями и птицами – все это не ушло от нас, сохранено в православной традиции вместе с запрещением думать, что между благодатью и природой пролегла непреодолимая пропасть. «Всякое дыхание да хвалит Господа!»

И все же каждое время ставит свои проблемы. И сегодня мы, православные, оглядываемся вокруг себя и обнаруживаем, что в наших странах с экологией дела обстоят не лучше (а хуже),

чем в протестантском и католическом мире. В силу трагических событий советской истории. Когда совершенно обесценилась жизнь человеческая, нечего и говорить об уважении к жизни бессловесной и о сострадании к «стенающей» твари. Мы столкнулись – особенно во времена перестройки – как с проблемами первого, так и с проблемами третьего мира. Катастрофы, вызванные чрезмерным развитием техники («Техника – это война, она прежде всего разрушает» – вывод Поля Вирилье), бездушные механистической цивилизации, отрицающей Бога и тайну, – это нам известно, ибо наша страна принадлежит к современным индустриальным державам. Но нам известна и жестокость, происходящая от нищеты, от подавленности, от потери чувства собственного достоинства, садомазохистские комплексы и отношение к природе как к «врагу»; страх, презрение, псевдомистический ужас перед «нечистым» и магическим – то, что так наблюдаемо в странах Третьего мира.

Если в Западной Европе и Евроамерике процветает плюрализм, то есть безразличие по отношению к Другому (а природа – это прежде всего Другое), то в Латинской Америке, в Африке Другое – объект страха или языческого поклонения.

Экологическая проблематика объединила Запад и Восток, Север и Юг. Она столь актуальна в наши дни, что все другие проблемы кажутся сегодня менее важными, отступают как бы на второй план. Мы, христиане, должны помогать друг другу, чтобы выйти из тупика ложно понимаемого антропоцентризма.

Здесь полезно обратиться и к идеям других конфессий (надеюсь, что читатель поймет меня правильно: я ни в коем случае не призываю к поверхностному «экуменизму», самое страшное для

веры – это смешение), например, к экзегетическим открытиям западного богословия последних лет, позволяющим отказаться от вредных стереотипов, утвердившихся в нашей христианской традиции.

II. КОСМИЧЕСКАЯ ЕВХАРИСТИЯ

В своем послании по «Вопросам защиты окружающей среды» святейший патриарх Дмитрий пишет: «Разрушительная деятельность современного человека, занимающего привилегированное положение на созданной Богом земле по заповеди «обладайте ею» (Быт., 1,28), уже привела мир на грань апокалиптического саморазрушения. Это и загрязнение окружающей среды, опасное для всех земных существ, и истребление большого числа животных и растений, и другие проявления жизнедеятельности человека».

«Обладайте ею» –, так переведен еврейский глагол «кабаш» (*kabasch*). Современные экзегеты (прежде всего немецкие), как протестанты, так и католики, уделяют трактовке этого термина особо пристальное внимание. «Обладайте» в христианской традиции часто понималось как «используйте» и «насилуйте».

Согласно В. Шмидту (W. H. Schmidt «Lie Schöpfungsgeschichte der Priesterschrift», Neukirchen – Vluyn 1973), этот глагол так и переводится «подчинять, насиловать». Но сегодня раздаются другие голоса, и многие богословы предпочитают трактовку католика Норберта Лофинга (N. Lohfing «Macht euch die Erde untertan?» in *Orientierung* 38. 1974).

Глагол «кабаш» (*kbs*) должен означать, пишет Лофинг, нечто вроде «попирать ногами». Но мы должны считаться с особенностями того времени и еврейской истории. Выражение это было тогда эквивалентом нашему «наложить руку». Лофинг предлагает «недраматический» перевод: «распоряжайтесь землей».

Человек должен относиться к земле так, как относится Бог к своему творению, с любовью и бережно.

«И благословил их Бог и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и пополняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над зверями, и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над всею землею, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт., 1,28). Важно себе уяснить и второй термин – «владычествуйте», еще более «небезопасный», чем «обладайте».

Глагол «радах» (*rdh*), по мнению Шмидта, означает «неограниченное господство». Лофинг думает и в этом случае иначе. *rdh* – означает господство над животным миром. Поскольку ко времени Быт., 1, 29 невозможно было говорить ни об охоте, ни об убийстве животных, речь здесь должна была идти о чем-то более примиряющем и нормальном. Глагол этот не несет в себе никакой жестокости. Он означает «управлять, направлять».

Еще один экзегет, Е. Зенгер:

«Это слово означает, собственно, заботу пастуха о своем стаде, он выводит своих животных на сочные луга, защищает перед лицом любой опасности, охраняет от хищников...» (Е. Zenger «Gotteslogen in der Wolken», SBS 112, Stuttgart, 1983. 91).

Бог создал человека по своему образу и подобию – все христианские церкви утверждают: заповедь «господства» над природой дана человеку потому, что он создан по образу Божьему.

Часто забывают о контексте договора между Богом и человеком. А он таков: «Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; вам сие будет в пищу. А всем зверям земным и

всем птицам небесным, и всякому (гаду) пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал я всю зелень травную в пищу» (Быт., 1,29–30).

В этом отрывке говорится о мире, который должен был бы, по замыслу Бога, существовать между человеком и животным, о том, что ни одна тварь не должна уничтожать другую.

Как печально, что наша христианская цивилизация строилась, умышленно и неумышленно пренебрегая этой заповедью. Если сравнить нас с буддистами и индуистами, то они в некоторых отношениях более «христиане», чем мы.

И радостно, и неожиданно (неужели это возможно!) было видеть своими глазами, что в Индии не убивают коров, не бьют собак, не мучают кошек. Даже в самые голодные годы Ганди отказался провести реформу и заставить индусов есть мясо: «Мы не можем убивать коров; мы должны быть солидарны со всей страдающей тварью». Поистине литургическое отношение к космосу. А где же мы с христианской заповедью любви?

Мы подменили Евангелие Декартом – именно в его философии произошло радикальное деление на человеческое и животное, с тех пор животное стало для нас какой-то нечувствующей машиной. И взял Господь Бог человека, которого создал, и поселил его в саду Эдемском, чтобы возделывать и хранить его» (Быт., 2,15).

История Бога – это не только история Его взаимоотношений с народом избранным или даже всем человечеством, но и его взаимоотношений с тварью, с универсумом: «Ибо так возлюбил Бог мир (космос), что отдал Сына своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин., 3,1).

Господь воплотился, тем самым, освятив не только человеческое существование, но и весь космос, всякую плоть. Вот как пишет об этом святой Максим Исповедник: «Тайна боговоплощения содержит в себе смысл всей твари... Тот, кто познал тайну Креста и Гроба, познал смысл вещей, и тот, кто получил доступ к скрытому смыслу Воскресения, понял цель, для которой все было создано Богом». Слово – архетип всех вещей, все Им и для Него создано Богом». В нем всякая тварь находит свою «рекапитуляцию», свою суть. «И Он есть, прежде всего, и все Им стоит» (Кол., 1,17).

Историческая Библия – это ключ к Библии космической. Св. Максим Исповедник: «В Преображении Господа сияющие одежды означают или буквы Библии, или плоть земли, или сущности, преобразенные благодатью».

И святой Григорий Нисский, восхищенный космосом, говорил о нем: «Чудесно сочиненный гимн».

Господь воплотился в человека. Господь воплощается на каждой литургии в Хлеб и Вино Евхаристии. Этим самым освящаются стихии, преобразается универсум, который, по учению святых Отцов, должен стать единой Евхаристией. Апостол Павел пишет: «За все благодарите» (то есть совершайте Евхаристию) – (Фес., 5,18). Евхаристия, по-гречески, благодарение.

III. МИР И ЕГО ПРАВА

Человек, который должен был бы возделывать Божий сад и давать имена животным, призван был быть священником для всей твари. Но получилось нечто, на священство совсем не похожее. Человек превратился в хищника и потребителя. С позиций ограниченного и утилитарного сознания была уничтожена тайна творения. «Я мыслю, следовательно, существую» – вот что пришло на место сада. Пустыня убогой и субъективной мысли «ни о чем».

В 20-м веке все чаще раздаются голоса, критикующие рационализм. Церковь, особенно православная, способна и должна противостоять всеобщему картезианству. Человечество вновь открывает мифологическое, сказочное, поэтическое измерение бытия. Но выше всего тайна святости. Это тайна самой реальности, святое всегда целое, никогда не часть.

Церковь способна дать ответ на вопрос о творении. А именно этот вопрос становится важным в эпоху всеобщего экологического кризиса. Сегодня человек, уничтоживший все высшие ценности, заметил, наконец, что и «низшая», «презираемая» им тварь более не служит ему, что, оказывается, есть пределы бесконечному потребительству и жестокости.

Христианское понимание творения имеет два источника: еврейскую и греческую традиции.

Еврейская мысль – прежде всего мысль историческая. Центральное в еврейской традиции – резкое противопоставление Бога и мира. Вера в Яхве должна была уберечь еврейский народ

от влияния пантеистических и матриархальных религий. Бог не от мира, и мир не от Бога. Бог – не в ритмах и откровениях природы. Он – в человеческой истории. Бог совершенно трансцендентен, а мир имманентен.

Это резкое противопоставление Бога и творения было на руку секуляризирующим тенденциям Нового Времени (см. об этом в Jurgen Moltman „Gott in der Schöpfung“, München, 1987, с. 28).

Усилившееся со времен Ренессанса беззастенчивое использование и эксплуатация природы искали себе оправдания ссылками на Библию, особенно на Ветхий Завет. «Но тем самым искажалась критическая идея самого ветхозаветного различия. Не отступая от центральной мысли о различии Бога и мира, сегодняшняя экологическая теория должна говорить об имманентности Богу миру» (там же).

И в Ветхом Завете Бог присутствует в творениях благодаря своему Духу. Все, что существует и живет, продолжает свое существование лишь благодаря непрерывному воздействию Святого Духа и его энергий.

Сокроешь Лице Твое – мнутятся,
Отнимешь дух их – умирают,
И в персть свою возвращаются.
Пошлешь дух Твой – созидаются,
И Ты обновляешь лице земли.

(Пс., 103,29–30).

В еврейской традиции воспевается и море – великое и пространственное – и пресмыкающиеся, которым нет числа, и играющий Левиафан. Веселится Господь о Делах Своих!

И все же мир этот идет к концу. Последнее событие мира, эсхатон, окрашивает собой всю человеческую историю, конец мира для евреев неизбежен.

С другой стороны, христианство испытало влияние древних греков. У греков мир вечен и автономен. Он – другое Бога, не желаемое Богом. (У евреев Бог желал создать мир). Космологическая греческая культура почти не интересовалась историей, которая была для нее сферой хаоса и беспорядка. Греки представляли себе время в виде вечно повторяющихся природных циклов. У них не было пророков в еврейском понимании этого слова.

Зизиюлас пишет: «Благодаря синтезу этих двух культур христианство пришло к идее космологического пророчества, к книге Откровения. Христианский пророк поднимается над историей и с этой высоты созерцает фактичность мира, созерцает не только Израиль, но и всю человеческую историю, и не только человеческую... Евхаристическое богословие рассматривает мир как нечто конечное, но способное к выживанию, к возвращению в лоно Господне. Самые ранние евхаристические молитвы благословляли плоды земли. Человек ответственен за то, чтобы мир вновь пришел к Творцу. Он – Первосвященник, сотворенный по образу Божьему» (The most Reverend John Zizioulas, Metropolitan of Pergamon, “Theology and Ecology”, Kings College, 1989).

Христианство в своем первоначальном варианте отошло и от пантеизма, и от гностического, пренебрежительного отношения к миру. Мир не был прямым продолжением Бога, но он не был и насквозь злым. Вот как пишет св. Максим Исповедник о создании мира: «Бог сотворил бытие не потому, что нуждался

в чем-то, а чтобы тварь могла радоваться своим делам, смотря, как творение, наполненное радостью, черпает неисчерпаемое» (3 Стоглав, о любви, 46).

Особое положение человека

Человек так же относится к Другому, как относится к Другому (к миру) Бог. Поэтому нельзя утверждать, что человек – это еще одно животное. Подобное утверждение можно услышать от некоторых экологов, пытающихся разрушить представление о человеке как о «венце творения». Человек не хуже и не лучше животного, у него просто другая судьба и миссия. Он сотворен по образу Божьему, и из всех тварей он один может выходить к Другому, (человеку, Богу), как Другому. Животное делает то, что для него естественно, кошка не сможет познать мышь как абсолютно суверенное, другое существо.

Человек же выходит к бескорыстной и бессмысленной (с точки зрения выживания) Любви, забывая и о себе, и о природе. Правда, наблюдения этологов последних десятилетий позволяют говорить о наличии вполне альтруистических качеств и у животных.

Богopodobие человека состоит в том, что он стремится выйти за свои пределы. Причем, это стремление не должно выливаться в экспансию и агрессию. Наоборот, любое «завоевание» человека должно быть уравновешено и облагорожено мыслью о том, что это еще не все, что целое – никогда не система, что сделанное руками или головой может быть сделанным во вред Богу и жизни. В истории человеческих открытий и завоеваний оптимальное

всегда было максимальным. Человек – хомо фабер, фауст, промете́й – имя им «легион» – стремился к «беспределу», не зная стыда, не чувствуя благодарности. В наше время он впервые сознает, что подобная беззастенчивость может кончиться и для него очень плохо. Сможет ли он удержаться на этой мысли? Или победят все те же скорость, прогресс, автоматизм, дурная бесконечность накопления и потребления?

Сможет ли человек так выйти за свои пределы, чтобы пересмотреть свой взгляд на историю и творение?

Мир как Третье

Тема мира или творения стала столь важной, что в наши дни все христианские конфессии заговорили об особом положении мира, как чего-то Третьего, как посредника между Богом и человеком («Creation et salut», Bruxelles, 1989).

Это и тема Софии, столь любимая в русской традиции. София – сверхличное существо, душа твари и т. д. София – Премудрость Божья, соединяющая Бога и мир.

Это и вновь открытая еврейская традиция. С Богом, страдающим в своих тварях. Учение о Шехине, то есть о схождении Бога к людям и пребывании Его среди людей (Розенцвейг, «Звезда спасения»).

Мольтман говорит о мире как о субъекте (раньше в немецком богословии более говорили об объекте и о субстанции).

Юрген Мольтман заимствует у православных идею перихорезиса. Перихорезис – это отношение между тремя Лицами в Святой Троице. Это внутритроицественная жизнь, определяемая

«неподвижным движением Любви». Это равенство и абсолютное различие. Святая Троица – не застывающая схема. Высшее напряжение жизни и любви и одновременно божественная тишина и покой – вот, что такое Троица.

Мольтман считает, что между Богом и миром существуют такие же отношения любви. Мир – открытая система, свободно действующий субъект. Мир и Бог также связаны перихорезисом.

Можно ли идти так далеко? – спросим мы. Несомненно, что между Богом и миром нет отношений господства и подчинения (как это представлено в «Церковной догматике» Карла Барта), но все-таки мир и Бог не равны, Бог бесконечно больше мира. А перихорезис – отношения между равными Лицами.

Можно понять и рвение Мольтмана, пытающегося оживить и возвысить полуживой, попавший в руки псевдохристианской цивилизации мир. Но как же у нас, православных?

В православной традиции между Богом и миром никогда не было отношений раба и господина. Бог нуждается в мире; распавшийся на части мир должен вновь собраться, освятиться и обожиться, стать единой Евхаристией и литургией.

А если говорить о «Третьем» или о посреднике, то лучше не прибегать ни к Софии, ни к «скрытому Богу» Павла Евдокимова, Бердяева и пр. односторонне мыслящих философов. В церковной традиции есть удивительное учение о нетварных энергиях. Они-то и могут быть тем Третьим, тем посредником, который не вытесняет собой Христа.

Согласно православному учению, Бог присутствует в мире благодаря своим энергиям, которые нетварны. «Между Богом и энергиями нет причинно-следственных связей. Энергии не

созданы, они не произведены из ничто, они вечно исходят из Троичной сущности» (V. Lossky «Théologie mystique», Aubier, 1944, p. 71).

Энергии реальны. «Можно сказать, что энергии означают способ существования Святой Троицы вне ее недостижимой сущности» (там же).

Бог не умаляется в своих энергиях. Он целиком и полностью присутствует в каждой из них.

Механическому взгляду на природу православие противопоставляет взгляд литургико-органический. Механистическое мировоззрение – это отдельные атомы. Это целое, как сумма атомов.

Православно-энергетический взгляд иной: вначале было отношение, а не вещь. Каждая деталь несет в себе все целое. Евхаристия (внешне ничтожный «атом») заполняет собой весь мир: «Ибо воистину весь мир и вся природа есть ничто иное, как орган некий, в коем под видимостью невидимо пребывает присущим сам Устроитель и Художник всего, действуя и видимо проявляя художество свое или в видимом и вещественном предоставляя взору разумных тварей невидимые и невещественные Свои совершенства и энергии» (Никодим Святогорец, «Невидимая брань», гл. 21).

IV. ОЙКОЛОГИЯ. ПОИСК ПРОСТРАНСТВА

«Николай Коперник и Чарльз Дарвин увели человека в покинутость пространства и времени, в рабство у собственного «я». Коперник был католиком, он забыл о том, что для человека мир не гео- и не гелиоцентричен, он христоцентричен. И поскольку Бог стал человеком на земле, наш мир стал теохристо-геоцентричным. Не веря в эту истину, человек бросает себя в мертвенность холодного, бесконечного пространства... Три века спустя после Коперника явилась теория Дарвина. Это механистическая и материалистическая теория эволюции сделала историю безразлично-плоской, а время машинным».

Макс Тюркауф

«Икос» (*oikos*) по-гречески значит «дом». Не потому ли и расцвела экология именно в наше время, когда человечество почувствовало себя совершенно бездомным.

Потеря корней, разрушение традиции привело к тому, что современный западный человек чувствует себя эмигрантом в

любой стране. (Единственное его отличие от подлинных эмигрантов, что он не страдает от своей оторванности). Туризм – цель и мечта живущего «отпуском» человека – подменил паломничества. Этнография приручила и обезопасила чужие культуры и обычаи. Скорость, возрастающая из года в год, «съела» пространство.

Современная цивилизация убивает не только время (у людей постоянно нет времени), но и пространство.

Улицы, автострады, леса и поля, – все превращается в сплошные проходы и переходы. Функционализм жизни привел к тому, что современный человек существует точно: работа, супермаркет, почта, банк, дом. Все измеряется не километрами, а минутами, необходимыми для того, чтобы достичь (на машине) цель.

Пространство в европейской философской традиции уже давно стало чем-то мертвым и нетворческим. Оно было отдано на откуп примитивному рационализму и вульгарной научности. Пренебрежительные высказывания о пространстве бергсонянцев, философов жизни, экзистенциалистов завершают этот процесс.

Наука основана на пространственном мышлении – она оперирует тем, что подконтрольно, воспроизводимо, гомогенно. Наука и «воля к власти» – одно и то же, подконтрольным объектом легко овладеть. Вот резюме из многочисленных рассуждений на тему о пространстве.

Только в последние годы, не в последнюю очередь благодаря книгам Пригожина и Стенгер, пространство было «оживлено». Ученые показали, что наука занимается не только мертвечиной, что время существует и в природе (то есть, в пространстве), что

пространственная природа способна к неожиданностям и творческим «скачкам».

Обеспредмечивание космоса рождает ностальгию по интимному и обжитому. По дому.

Как существует не только скучное и разрушительное время «прогресса», перехода «количества в качество», «спирали», но и кайрос, праздник, но и «лето Господне благоприятное», так существует и не только убогое пространство автострад, где люди видят друг друга со спины (в России этому соответствуют очереди), но и родное пространство Дома, Храма, Родины, пространство, освященное приходом Бога.

И последнее замечание: сейчас у нас в стране много говорят об общечеловеческих ценностях и о важности христианской этики. Разговор этот не имел бы никакого смысла (ибо таких ценностей нет, а в христианстве главное – послушание Богу, который всегда «по ту сторону добра и зла»), если бы слово «этика» не означало первоначально места «обычного пребывания». Отсюда произошла и этика как привычка, обычай, нрав. Этика может существовать реально только тогда, когда вписана в пространство нетварных энергий, в космическую литургию различия добра и зла.

V. МАТЬ-СЫРА-ЗЕМЛЯ

«Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел и вдруг, как подкошенный, повергся на землю.

Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая слезами, и иступленно клялся любить во веки веков. „Облей землю слезами радости твоея и люби сии слезы твои“, – прозвенело в душе его. О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны, и „не стыдился иступления сего“. Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, „соприкасаясь мирам иным“. Простить хотелось ему всех и за все, и просить прощения, о! не о себе, а за всех, за все и за вся, а „за меня и другие просят“, прозвенело опять в душе его... пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты».

Алеша Карамазов становится бойцом за дело Господне, приобщившись земле, Раскольников получает освобождение от внутреннего ада, прося прощения у земли, Хромоножка проповедует ту же «религию» матери-сырой-земли. И души их с трепетом соприкасаются мирам иным. Что-то вроде инициации соверша-

ется с тем, кто приобщился к тайне земли: они встают на ноги переродившимися, окрыленными, другими.

Если это и «язычество», то вполне христианское, ибо Господь Иисус Христос оживотворил в своем духовном теле все тело земли. В Евхаристии тело земли становится телом воскресения. Православная космология уже потому геоцентрична, что она христоцентрична. Во Христе соединилось несоединимое – метафизическое небо и панкосмическая земля. Отдаленнейшие солнечные системы – только космическая пыль, которая вращается вокруг Креста. «...И голос Его – как шум вод многих. Он держал в деснице своей семь звезд...» (Откр., 1,16). Земля – не только планета, она панкосмична, она символически раскрывает отношение человека к планетам, галактикам и т.д. Мир должен стать брачным чертогом, храмом и евхаристическим даром (См. Olivier Clément, «Le Christ, terre des vivants»).

Великая космическая мать

У многих народов, не имеющих между собой никаких исторических контактов, земля считается матерью всех людей. Самые ранние свидетельства человеческой культуры и религии посвящены Матери. Самые ранние культовые фигурки времен палеолита изображают материнские божества. Все живое рождено Матерью и питается ею. Это космический прачеловек. Земля прежде всего, она воплощает собой материнское начало. У многих народов существует обычай закапывать маленьких детей (умерших до определенного возраста, в Индии, скажем, до двух месяцев) в землю, тогда как всех других умерших сжигают. Закапывая

детей, ожидают быстрого воскресения, рождения из земли. У многих народов существует также поверье, что душа умершего непременно возвращается в землю. Во множестве культур новорожденных и умирающих кладут в землю. Повивальную бабку называют «земляной матерью». Вечное повторение «умри и будь» связано с матерью-землей.

Култ матери-земли был распространен повсюду: на Олимпе, в Дельфах, Афинах почитали Гею. В Малой Азии мать-земля звалась Астартой, Дианой, в Египте – Изидой.

О связи человека с землей говорится и в библейской традиции: Адам взят из земли. Он прачеловеческое «земляное существо». Уже потом только возникли сегодняшние мужчина и женщина (Быт., 2,7). Но в Ветхом Завете земля более не мать людей, а лишь сырье для их «изготовления». Патриархальный монотеизм Яхве разрушил матриархальный пантеизм более ранних религий благодаря мужскому пониманию Творения. Структура осталась прежней – «земля еси и в землю отыдеши» – но изменился субъект.

Остался и символ пшеничного зерна: «Но скажет кто-нибудь: «Как воскреснут мертвые? И в каком теле придут?» Безрассудный! То, что ты сеешь, не оживет, если не умрет» (1 Кор., 15, 35–36).

Психоанализ земли

В двух своих книгах о земле: «Земля и сны воли» и «Земля и сны отдыха» («La Terre et les rêveries de la volonté» и «La terre et les rêveries du repos») французский философ Гастон Башляр дает развернутое описание архетипа «земля». Читая эти книги,

невольно приходишь к мысли, сколь по-разному понимают «землю» люди Запада и люди России. Приведем примеры. Прежде всего, Башляр пишет о земле, как о чем-то твердом и сопротивляющемся. Земля – партнер нашей воли, ибо любое сопротивление требует от нас волевого усилия. «Мечты о земле – это мечты о власти и воле, они сконцентрированы в комплексе Медузы» (т. 1, стр. 12). Если сравнить с русской, да и не только с русской, а вообще с древней «материнской» традицией, то бросается в глаза противоположность в понимании земли. Не «враждебность, которая нам ближе всего остального» (Рильке), не сухость, а всепринятие и мягкость. Мать-сыра-земля характеризуется не застывшей, «медузой» сопротивляемостью, она сыра и мягка, она не скупится, и щедрости ее нет пределов: «Когда любишь ее (землю – Т. Г.), поишь-кормишь своим потом и трудом, земля никогда не обманет, и, если потом погрузить в нее руки, вот как сейчас, всегда найдется что-нибудь пригодное для еды. Когда-то, еще совсем молодой, она удивлялась и простодушно радовалась, какой нерасчетливо щедрой оказывалась земля: приняв крохотное зернышко, отдавала огромный турнепс, одно маковое семя превращалось в большую головку мака, набитую тысячами подобных семян. И ей становилось весело от надежности человеческой жизни, получившей в услужение себе такое доброе и обильное существо, и запах земли, запах свежей зелени были для нее осязаемыми признаками доброты бытия» (Анатолий Ким, «Луковое поле»). А вот, наряду с художественно-символическим свидетельством, высказывается на тему бесконечности земли советский ученый Василий Робертович Вильямс: «Почва делает конечное количество элементов бесконечным. Происходит это

потому, что почва задействована в целом ряде биосферических циклических процессов. Элементы, находящиеся в почве... могут вступать практически в неограниченное число контактов, образуя практически бесконечное число связей. Почва – составная часть почти всех биосферных круговоротов веществ. Новые данные говорят о том, что почва, возможно, играет в биосфере существенно более важную роль, чем считалось до сих пор» («Знание – сила», 2, 1988).

Отношение волевое и насильственное, о котором говорит Башляр (еще раньше него материю связал с волей Шопенгауер), сегодня изобличило себя как преступное. И не только сегодня. Православная Русь знала жалость к земле. Вот ритуал исповеди и покаяния земле:

Что рвала я твою грудушку
Сохой острою, разрывчатой,
Что не катом я укатывала,
Не урядливым гребешком чесывала,
Рвала грудушку боронушкою тяжелой,
Со железными зубьями ржавыми.
Прости, матушка,
Прости грешную, кормилушка,
Ради Спас Христа Честной Матери
Всесвятый Богородицы.

Не надо много говорить о том, что стало с землей, с природой вообще, превращенной в объект прометеевского хищного использования. Слава Богу, мы живем в век экологического осмысления и покаяния.

Современный мир погряз в блуде труда, предался фетишизму работы. Это мир истеричной и безостановочной деятельности. И здесь воля связана с разумом. Зависимость давно обнаруженная. Как писал Ницше, воля хочет вечного возвращения. И как комментировал его Хайдеггер: вечное возвращение – это возвращение логических законов. Разум может постичь только прошлое, только то, что остановилось. Механический характер сегодняшней европейской цивилизации – продукт возвеличивания воли и разума. Земля же недостижима ни для предприимчивого Фауста, ни для «дерзновенного» Прометея, ни для равнодушного «человека без свойств». Земля открывается слезам, беззащитности, податливости. Она взывает к иррациональному в человеке.

По Башляру, ответ на «твердость материи» – сжатость рабочей руки, сила кулака. Работа принадлежит к атрибутам материи. Работа указывает с наибольшей конкретностью и точностью на причинно-следственные связи, господствующие в мире. Эти мысли Башляра типичны для западного отношения к реальности. Существовать для западного мыслителя значит наткнуться на границу. Негативное вдохновляет и на мысль, и на жизнь. Православная, восточная традиция – другая. Здесь не «контра» определяет направление сознания. В православной иконе нет теней, в православной аскетике нет туманных и двусмысленных переходов от зла к добру, и от добра ко злу. Здесь растут «из силы в силу» и преображаются из света в свет.

Аскетически-православное отношение к земле аристократично. Иерархия (даже в работе) не нарушима. Земля остается матерью-кормилицей. У нее просят прощения. Раб и господин

у Башляра, по гегелевской формуле, меняются местами (у Гегеля благодаря абсолютному страху и работе раб занимает, в конце концов, место господина). Духовно-аристократическое отношение основано на дифференциации, то есть на несмешении (об этом говорили Деррида, Делез и др.). Раб остается рабом Божиим, господин остается господином, будучи, по-евангельски, слугой всех. Так безотказно нам служит госпожа-земля.

Как мы уже сказали, для Башляра земля и материя олицетворяют причинно-следственные связи. В сегодняшней перспективе ложность подобного утверждения становится вполне очевидной. Земля стала чем-то маленьким (в век космических скоростей), она, как никогда, беззащитна, нага. Перед лицом многих сегодняшних и грядущих катастроф земля выступает как целое. Холистический подход сегодня царит не только в теориях нью-эйдж. Причина и следствие меняются местами, они попросту исчезают, ибо событие совершается во всем объеме целого.

Но у Башляра есть не только «сны воли», но и «сны отдыха», идеи, которые нам могут пригодиться: о простоте земли, об интимности ее, о бесконечно малом земного. Эти мысли вплотную подводят к связи земли и Церкви.

Мать-сыра-земля и Церковь

Символ космического прачеловека перешел и в христианство. Непосредственной точкой соприкосновения была космология Стои, где мир – видимое тело невидимого Бога, а Бог – невидимая душа видимого мира.

При этом сместился акцент: не в символах творения мира, а в христианских представлениях о спасении встречается мысль о пракосмическом человеке.

«В Котором мы имеем искупления Кровью Его и прощение грехов. Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари. Ибо им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано. И Он есть, прежде всего, и все Им стоит. И Он есть глава тела Церкви. Он – начаток, первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство, ибо благоугодно было Отцу, чтобы в Нем обитала всякая полнота, и чтобы посредством Его примирить с собою все, умиротворив через Него, Кровью креста Его, и земное, и небесное» (Кол., 1, 14–20).

Развертывается космическая литургия, Христос становится главой, а вселенная Его телом, единство мироздания выявляет себя как единство одного человека, космического Адама. (Читай об этом: Hans Urs von Balthasar, «Kosmische Liturgie», Jürgen Moltmann, «Gott in der Schöpfung»).

Церковь, «которая есть Тело Его, полнота, наполняющая все во всем» (Эф., 1,23) становится «матерью всех верующих». Символ Церкви – Божья Матерь, Дева Мария, освящающая собой и мать-землю. Как сказал святой Киприан: «Не может тот назвать Бога Отцом, кто не считает Церковь Матерью. Из ее лона мы вышли, ее млеко возросли, ее духом оживлены».

Церковь в сегодняшнюю эпоху можно еще в большей степени сравнить с живым организмом, чем это было раньше, во времена апостола Павла, во времена Вселенских Соборов или во времена Хомякова.

Сегодня мы видим, что смерть Бога и угасание Духа привели и к смерти всего живого (ибо только Дух Святой животворит). В едином, бедственном, положении оказались леса и воды, птицы и рыбы, поэты и мечтатели, дети и ангелы. Век технологии (а за последние 30 лет был сделан огромный скачок в этой сфере) объективировал последние островки спонтанности, интуиции, инстинкта. Компьютер вытеснил воображение. Искусственное подменило собой естественное. И во многих западных церквях стало холодно. «Институция», бюрократия победили и тут.

Восточная, православная, Церковь всегда в большей степени несла в себе материнский дух (дух Матери Божьей), была более «марианской», чем «петрианской». И сегодня ее теплый, пещерный мир, мир мерцающих лампадок, естественных слез и таинственных песнопений позволяет забыть, что где-то есть бесчеловечное царство из неона, стекла и бетона.

В наше время даже такие далекие от христианства мыслители, как Хайдеггер, приходят к выводу: «Дух как Дух жизни должен быть еще более растением, чем само растение, и более животным, чем само животное» («Комментарии к стихам Гельдерлина»).

Дух, живущий в Церкви Божьей, постигаем лишь изнутри. Здесь нужна новая «философия жизни», новое разделение на внутреннее и внешнее. Божья Матерь нам ближе, чем мы сами себе. Каждый, кто когда-то в молитве соприкоснулся с этим опытным фактом, скажет, что знание о Матери Божьей и о Церкви – самое интимное из человеческих знаний. Под «внутренним» мы имеем в виду, конечно, не психологический опыт, не опыт страстей, регрессии, романтизма. Это внутреннее интенционально. На самом деле его источник всегда лежит извне, в

Откровении, Благодати, в Таинствах. Но это внутреннее нельзя объективировать, идеологизировать, превращать в механизм. Органическая Церковность конструируется благодаря непрестанному вторжению Святого Духа. И если уж говорить о возможной «философии Церкви», то ее метод будет противоположен методу Фихте и Гегеля. У Фихте субъект порождает сам из себя историю и реальность. Фихте движим пафосом внешнего покорения, мегаломанского рывка вперед, к бесконечно-большому.

Бесконечно-малое Церкви символизировано Евхаристией. «Атом» Евхаристии переворачивает весь мир. Бесконечно-малое Церкви символизировано и образом Божьей Матери, самой «незаметной», молчаливой и кроткой. Вместе с тем, «Чрево Твое пространнейшее небес». Она вместила в себя не только всю вселенную, но и того, Кто больше вселенной.

Если философия Фихте не имеет конца и должна быть бесконечно «раскручиваема» и дополняема, то философия Церкви может довольствоваться всегда самым ничтожным: фрагментом, жестом, мгновением. В каждой клеточке органического церковного бытия отражается вся Церковь. В каждом фрагменте – вся литургия, в каждом движении церковного человека видна его церковность. Павел Евдокимов говорил о «православном инстинкте». Церковный человек безошибочно узнает другого церковного человека.

Во второй половине 20-го века это особенно важно – любить не только Бога, но именно Церковь, ибо Дух Святой воплотился здесь во всей конкретной силе. Через Церковь можно возродить и любую другую жизнь: «Всякое дыхание да славит Господа».

Путешествуя по всему миру с докладами о русской Церкви, я повсюду встречаю людей, чувствующих именно ее, Церковь. По их загорающимся глазам я понимаю, что и в Западной Европе знание о ней не умерло. Отошли в прошлое интерес к политике, к диссидентству, к феминизму, к марксизму, к поискам абстрактного «смысла жизни». Но все сильнее дает себя чувствовать братство людей, живущих в Церкви.

Как уже писалось не раз, объяснить, что такое Церковь, нельзя. Это нечто совершенно простое (отсюда особая интимность церковного опыта). Чтобы что-то сказать об этой простейшей «субстанции», нужно было бы постоянно преувеличивать и поэтизировать, впадать в барочные и прочие крайности. Ибо только так, через многословную апофатику, можно указать на противное ей – простоту. Конечно, нельзя забывать и о катафатическом языке Откровения, но это уже совсем особый, редкий случай.

Мы можем сказать, что живем в эпоху Святого Духа. Конечно, не в смысле Иохима Флорского или Мережковского, или Эрнста Блоха. Такое преобладание Святого Духа в наши дни мы можем интерпретировать лишь метафорически. Наступила эпоха радикально-апокалиптическая, эпоха выбора между жизнью и смертью. И выбор этот действителен не только для христиан. Если раньше наука еще считалась чем-то нейтральным, то теперь все большее количество ученых в смущении, а многие западные, увы, большей частью западные ученые так и вообще стыдятся быть учеными. Природа перестала быть только «фоном» для отдыха и путешествий, через нее заговорил Дух. Сегодняшняя эмпирика апокалиптична сама по себе. Механи-

стичности европейско-американской цивилизации, функционализму ее скудоумных институций противостоит, как никогда, первозданность и девственность остатков природного мира. Новизна и чудо – вот чем притягивает нас вечно обновляющаяся земля, не стареющая, щедрая, плодоносящая. Она сегодня несет рай и жизнь. Она в наши дни, как никогда, символизирует животворящий Дух Святой. «Побеседуй с землей, и наставит тебя» (Иов., 12, 8).

VI. ПРАВОСЛАВИЕ И ЖИВОТНЫЕ

«Наверное, из всего сущего всего труднее нам мыслить о животных. С одной стороны, животное некоторым образом – наш ближайший родственник, а с другой стороны – животное отделено целой пропастью от нашего экзистирующего существа. Наоборот, бытие божества как будто бы ближе нам, чем отчуждающаяся странность животного, бытие божества ближе в той сущностной дали, которая в качестве дали все-таки роднее нашему экстатическому существу, чем почти непостижимое для мысли, обрывающееся в бездну телесное родство с животным».

М. Хайдеггер

Человек – существо принципиально незаконченное.

Сегодня ученые и философы часто говорят, что человек рождается раньше срока и рождается незавершенным, беспомощным. Ему бы еще два-три года повременить, тогда бы он смог быстро вскочить на ноги, как новорожденная лань, и побежать за взрослыми.

Беспомощным и незаконченным остается и зрелый человек. Это дало повод Гелену, например, сказать, что чисто биологически человек – «существо ущербное».

Интересно, что и св. Григорий Нисский разделяет эту мысль. Конечно, он говорит («О сотворении человека»), что человек – в центре мира, что он – его хозяин. Бог недаром приготовил красивый космос, а затем уже создал человека: солнце, воздух, звезды должны служить человеку. Все эти стихии Бог сотворил одним словом, а для человека, действительно, постарался: Бог готовил для него материал, дал ему форму, цель. Вертикальное положение человека свидетельствует о его царском достоинстве.

И все же человек сотворен беззащитным, голым. И это важнее всего остального. Если бы он мог быстро бегать, как конь, или имел бы когти, как тигр, или клюв орла, он не нуждался бы ни в ком и ни в чем («О сотворении человека»). А так ему нужна помощь других, размышляет дальше св. Григорий Нисский. И Бог дал ему в помощь животных. При этом устроил так, что человек и животные подходят друг к другу, образуют один «микромир». Человек достаточно высок, чтобы пользоваться конем, он гол, но может брать шерсть у овцы и т.д.

В основе экологического мышления св. Григория Нисского – своеобразный антропоцентризм. Человек – центр мира, но смысл его царственности – в его несовершенстве. Значит, человек должен смирять себя, потому что он уже смирен самим Богом.

Мысль св. Григория Нисского о животных можно перенести на технику. Стремление человека к совершенству привело к созданию технической цивилизации. Техника – это попытка победить пространство, время, саму смерть. Ното *faber*, подобно Фаусту, заключившему союз с чертом, работает бок о бок со смертью, от пирамид до операционных залов в современных госпиталях – все свидетельствует об их сговоре.

Есть и еще один момент, связывающий технику со смертью. Уже на примере животных можно видеть, что самые «технические» части у них образованы из неживого материала: клюв у птицы, когти у кошки. Эти «орудия производства» обладают необходимой нечувствительностью. Отсутствие жизни приводит к возникновению мертвой материи. Мир техники – мир мертвого. Окаменелые, застывшие, неизменные орудия обеспечивают нам определенную безопасность. Не игра и красота, а рационализм, функционализм и абстракция – вот законы этой болезни, техники. Это мир «подзаконного», далекий от благодати. Бог есть любовь, поэтому Божьи уверенность и защита конкретны, уникальны, подвижны. Техника же – кристаллизовано-одностороннее орудие человеческой озабоченности, техника далека от любви, она часто служит страху и комфорту.

Человек забыл, что он создан несовершенным, недостаточным, поэтому и задыхается в отравленном им самим мире. Техника могла бы и служить человеку, как когда-то служили животные, но этот «царь мира» предпочел смерть, она надежнее и функциональнее.

Сегодня, наконец, когда человечество стоит перед лицом всечеловеческого рода глобальных катастроф, философы, социологи, писатели, как на Западе, так и на Востоке, заговорили о необходимости нового отношения к технике. Даже люди весьма далекие от церкви призывают к покаянию, к выходу из «египетского плена» бездумного прогресса, к аскетике и благоговению.

Если уж человек – царь природы, то и должен поступать с ней по-царски, чему пример дал сам Царь Царей, Христос – не уничтожать, не разрушать и не паразитировать, а служить и преоб-

ражать. Техника должна вспомнить о своих корнях, она произошла не от избытка, а от недостатка.

Отношение к животным. Философский экскурс

«Животным перерезают голосовые связки, чтобы более не слышать их крика».

Ойген Древерман

«Аристотель или Декарт? Я часто спрашиваю себя, кто заслужил большего осуждения в глазах моих современников? (Если бы они вообще их прочли). Первый, оправдывающий рабство «природой вещей», и второй, так потрудившийся над противопоставлением человека и животного, что стал рассматривать животных как простые машины».

Лук Ферри

«Новый экологический порядок»

Пишущие об истоках садистско-потребительского отношения к природе часто начинают с 17-го века. В это время Декарт, введя разделение между «вещью мыслящей» и «вещью протяженной», приговорил животных быть бездушными машинами. Декарт положил начало позднему разделению на субъект и объект и тем самым объективированно-бесчеловечному отношению ко всем существам, не наделенным картезианским «когито».

Лишь человек может чувствовать, познавать, сомневаться, страдать. Объекты же (то есть вся остальная тварь) бесчувственны, не способны к переживанию и опыту, мертвы. И животные, и тело человека относятся к миру неживых машин. Они инструментальны, человек, как хозяин мира и природы, должен заставить служить себе силы воды, ветра, земли.

Декартовскому «прометеизму» вторит любимый советский наукой Бэкон: «Знание – сила».

Другой философ, заложивший основы мировоззрения Нового Времени, Джон Локк, редуцировал свойства целого к сумме движущихся атомов и молекул. Дух был назван чистым листком бумаги, на котором нет ни следов традиции, ни намека на соборный, космический опыт. Таким образом был провозглашен чудовищный индивидуализм, который усиливался с растущей секуляризацией европейской жизни. Соединившись с хюбрисом науки, он привел нас к тому, что имеем сегодня, вставших перед выбором «экология или варварство». Только сегодня мы стали понимать, что антропоцентризм, выродившийся в «гуманизм», означает тиранию и отрицание жизни. Справедлив вопрос французского философа Лука Ферри: «Возможен ли гуманизм не метафизический, не диктаторский?» Вся практика 20-го столетия – гуманизм большевистский на Востоке и «либеральный» на Западе – отвечает «нет».

Даже деление на материю и дух сегодня представляется грубым и невозможным. Вообще, любой дуализм (а дуализм вовсе не принадлежит христианству, как принято иногда думать) опровергнут даже с позиций все того же нераскаявшегося картезианского «когито». Хайдеггер, Вайтхед, Нильс Бор, Гейзенберг,

Вайцеккер и многие-многие другие вышли за пределы субъект-объектного дуализма.

Животные, как молчаливое и таинственное «другое», были использованы вначале романтиками, а потом и философией жизни в борьбе со скучным и пошлым рационализмом. В начале 20-го века в очередной раз началась «идеализация» природы, в частности, животных. В традиции Шопенгауэра и Ницше животное лучше, благороднее, честнее человека. «Белокурая бестия» – идеал грядущего, сверхчеловеческого будущего.

Рильке считал, что животные открыты целому бытия, что природа «рискует» больше всего, т.е. более всего близка к истине.

Эпоха не любила слов и не доверяла речам:

Молчалива так и хороша
Темная звериная душа.
(Мандельштам)

В животных есть то обаяние первозданности, которое утеряно усталыми людьми, та языческая сила, от которой ждут творчества, прыжка в неизвестное. Соприкосновения с другими мирами: «Мы ждем, что дыхание животных вдруг породит неслыханные слова» (Элиас Канетти).

Животные обладают инстинктами, человек страстями. Но как сказал еще св. Григорий Нисский, страсть – это «очеловеченный инстинкт». «Последний человек», тот что «моргает», лишен не только благородных чувств, но и всяческих страстей. Не способен не только на «подвиг», но и на «грех». «Последние романтики» (прежде всего Ницше) писали о страстях, желали, чтобы страсть была непременно «великой».

Бог умер, в еще большей степени умер и человек. Осталось лишь животное.

Животное – мир, замкнутый на себя. Своя судьба, своя безгрешность – если бы животные могли грешить, они стали бы святыми.

«Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божьих, –

Потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, – в надежде,

Что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих.

Ибо знаем, что вся тварь совокупно стонает и мучится доныне» (Рим., 8,19–22).

Звери брошены в котел страдания, страстей и насилия лишь благодаря падению человека. Но если у нас есть долг любви, то почему же не признать за животными «право на бессмертие»?

Зверь начала века **эстетически** благороден. Мир зверя – мир загадки. Красота, тайна, замкнутость животного мира вдохновили экспрессионистические «иконы» Франца Марка.

После Первой мировой войны «философия жизни» сошла на нет, вернее, выродилась в идеологию и практику смерти.

Лишь в самое последнее время в культуре и философии опять появился «дискурс о звере». Только сегодняшний, «постмодернистский», разговор пронизан не столь эстетическими, сколь **этическими** мотивами. Вместо «философии жизни» возникла «философия исчезновения», вместо восхищения и идеализации – чувство вины и солидарности.

Богословы, указывая на гуманистическую гордыню исторического христианства, прибегают к другим, исчезнувшим религиям.

Характерен здесь пример самого популярного ныне в западном мире богослова Древермана (сразу же скажу, что с большинством других его идей я не согласна, но его критика высокомерного «христианского» антропоморфизма достойна всяческого внимания). Платон (под влиянием Пифагора) еще считает, что не только человек наделен душой, ею наделены и животные. Вообще, граница между «душой» человека и «душой» животного размыта. Христианство, возвысив человека над всем остальным, порвало с этой традицией. Связь между животным миром и миром человека была разорвана. «И как всякая доктрина, эта, христианская, была слишком узкой для того, чтобы быть справедливой, она оказалась жестокой и на практике» (Древерман, «О бессмертии животных»). Религия «любви» в действительности была гораздо менее любовной, чем, например, мифология древних египтян. «Для них животные были посланниками богов или персонификацией божественного, постоянно связанного с человеческим. Эта вера в единое начало всей жизни распространялась так далеко, что, когда египтянин умирал, он брал с собою в вечность всевозможных животных: кошек, крокодилов, птиц и т.д.» На том свете умерший исповедовался так: «Я не отнимал у животного ни корма, ни травы», «Я не обижал никакую тварь». Египетская этика дает животным право выступить с жалобой против человека. В одном из папирусов, найденных в пирамиде, написано: «Не найдено ни одной жалобы со стороны быка против Н.»

Как правильно замечает Древерман, эти вещи совершенно немыслимы на христианском Западе. Если бы такая традиция и существовала, она должна была бы развиваться согласно Библии. В позднем иудаизме мы единственный и последний раз наталки-

ваемся на ее след: в книге Еноха описывается, как на том свете животные обвиняют умерших людей.

В предисловии к французскому изданию книги Древермана Луиз Рансе пишет: «А в Новом Завете? Иисус Христос приходит в Иерусалимский храм. Он охвачен яростью, лучше сказать, ужасом. Он увидел обреченных на убиение животных, животных, приговоренных стать ритуальной жертвой: с перерезанными горлами, истекающими кровью. Иисус закричал: «Вы превратили дом молитвы в вертеп разбойников». Он мог бы сказать – в бойню...

Мы, христиане, считаем, что можно убивать животных, потому что у них нет души. Была и такая эпоха, когда в душе отказывали женщине или, когда считали, что женская душа по природе ниже «мужской».

Когда-то «дикари» в Мексике и даже в дохристианской Руси просили прощения у животного, которого должны были убить. Сегодня только маленькая часть общества возвращается к этому космическому чувству вины и солидарности.

Потому что мы вынуждены возвращаться, мы самой апокалиптичностью нашей эпохи (где стихии молча вопиют, время и пространство катастрофически исчезают) призваны к тому, чтобы отказаться от примитивно-индивидуалистического антропоцентризма.

Земле, как целому, грозит гибель. И первыми погибают самые невинные – уже погибли многие виды животных, от них остались лишь скорлупы-имена, безжизненность которых подчеркнута холодной латынью. «Его успокаивает, когда он произносит имена животных. Он гордится этими именами». Этот еще существует.

Этого они еще не уничтожили» (Э. Канетти). Исчезнувшим жертвам посвящают стихи и романы.

Определенный минимализм – знак нашей эпохи. Исчезло настоящее. Пропало время, нет более «априорных форм чувственности». Настоящее утеряно у Беккета (нет цели, конца времени), у Брехта (время должно было бы быть, но его нет); у Арто время, покалеченное и израненное, уже невыразимо. Когда исчезает время, нет и причинно-следственных связей, нет и формы с содержанием. Невозможна никакая идеализация, которая мгновенно перерастает в идеологию. Сегодня не идеализируют животное с романтических позиции «дикой страсти». И вместе с тем растет восхищение **непосредственным** бытием животных. Они не продают, не покупают, не рассчитывают, не играют ролей. В мире, где царит телевидение, т.е. в мире опосредованном, непосредственность животных – что-то редкое, чарующее, сохранившее душу. И вместе с тем, никогда так жестоко не убивали их – в крошечных клетках, где животное всю жизнь подвешено и распято; варварскими, никому не нужными «научными» опытами; садизмом «парфюмерных» экспериментов. Только закрытость от наших глаз всех этих новых способов эффективного доставания мяса и неслыханного производства боли обеспечивает нам «спокойный сон» и «чистую совесть». Анонимность страдания – одна из причин нашего, человеческого, равнодушия. Наш мир рассеял грех. Безликость и безличность государства, партий, рекламы, супермаркетов, компьютеров, – все это противостоит единственности и недвусмысленности животного бытия.

В пустыне, где Господа искушал дьявол, он жил вместе с животными и ангелами. Сегодня весь мир стал пустыней. В нем

все громче звучит голос Неба (ангелы) и Земли (животные), все тоньше граница между этим и тем мирами.

Святые животные

Святой Макарий Великий: «Когда пал Адам и умер для Бога, сожалел о нем Творец. Ангелы, все силы, небеса, земля, все твари оплакивали смерть и падение его. Ибо твари видели, что данный им в царя – стал рабом сопротивной лукавой тьмы» (Добротолюбие, т. 1).

«Представь себе царя, у которого есть достояние и подвластные ему служители готовы к услугам: и случилось, что взяли и отвели его в плен враги. Как скоро он взят и отведен, необходимо служителям и приспешникам его следовать за ним же... А таким образом по его пленении пленена уже с ним вместе служащая и покорствующая ему тварь: потому что через него воцарилась смерть над всякой душою и так изгладила весь адамов образ, что люди изменились и дошли до поклонения демонам» (Добротолюбие, т. 1).

Святой Симеон Новый Богослов (X век): «Все твари не хотели повиноваться Адаму – преступнику».

«Итак, тому, кто сделался тленным и смертным по причине преступления заповеди, по всей справедливости надлежало и жить на земле тленной и питаться пищей тленной.

...Видишь, как тогда приняла преступника земля, после того, как была проклята и лишилась первоначальной производительности, по которой плоды порождались из нее сами собой, без труда? И для чего? Для того, чтобы быть обрабатываемой им в

потах и трудах, и так давать ему то немногое, что произращает на потребу его, для поддержания жизни, а если не будет обрабатываема, оставаться бесплодной и произращать лишь тернии и волчцы. Затем и все твари. Когда увидели, что Адам изгнан из рая, не хотели больше повиноваться ему, преступнику: солнце не хотело светить ему, ни луна, ни прочие звезды не хотели показываться ему; источники не хотели источать воду и реки – продолжать течение свое; воздух думал не дуть более, чтобы не давать дышать Адаму, согрешившему; звери и все животные земные, когда увидели, что он обнажился от первой славы, стали презирать его и все тотчас готовы были напасть на него, и земля не хотела носить его более. Но Бог, сотворивший всяческая и человека создавший – что сделал? Зная прежде создания мира, что Адам имел преступить заповедь Его, и, имея предопределенную для него новую жизнь, (...) Он сдержал все эти твари силою Своею и по благоутробию и благости Своей не дал им тотчас устремиться против человека и повелел, чтобы тварь оставалась в подчинении ему и, сделавшись пленной, служила тленному человеку, для которого создана с тем, чтоб, когда человек опять обновится и делается духовным, нетленным и бессмертным, и вся тварь, подчиненная Богом человеку в работу ему, освободилась от сея работы, обновилась вместе с ним, и сделалась нетленною как бы духовною» (т. 1, стр. 373).

В «Бытии» (1,29–30) рассказывается о пище, которую Бог изначально завещал людям и животным. Можно заметить, что как человеку не завещается вкушать мясо, так и среди животных нет еще разделения на хищных и нехищных. И лишь с грехопадением человека появляется, вероятно, это разделение.

В пророчестве Исайи, где говорится о грядущем Царстве, это разделение снова снимается: «Тогда волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе; и лев, как вол, будет есть солому». В том же пророчестве говорится об исчезновении недоверия человека к живому и живого к человеку; «И младенец будет играть над норою аспиды, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на святой горе Моей...» (Ис., 11).

Жизнь святых

Известно, что животные приходили к святым, ибо, по словам Исаака Сирина, «обоняли запах рая».

Медведи посещали преподобного Серафима Саровского. Да и не его одного. Вот рассказ о преподобном Сергии Радонежском: «Посещали его и медведи. Один медведь целый год приходил к нему, и пустынный делился с ним последним куском хлеба, когда же у него бывал лишь один кусок, он его отдавал медведю, а сам оставался голодным, потому что зверь неразумен и не понимает необходимости терпения и воздержания».

А вот о преподобном Германе Аляскинском: «Около его келии жили горностаи. Эти зверьки отличаются своей пугливостью. Но они прибегали к преподобному Герману и ели из его рук. Видели, как преподобный Герман кормил медведя».

В житиях святых можно найти бесчисленное множество рассказов о том, как святым помогали и служили львы, как их спа-

сали своим молоком оленихи, как вороны приносили им хлеб. Возвращались райские взаимозависимости, когда царственное положение человека соделывало его священником для всей твари.

Животные не только «стенают и мучатся» вместе с человеком. Не только ждут усыновления и искупления (Рим., 8,20–23), они уже способны, вслед за святыми и мучениками проникнуть в новый эон, войти в церковь, дерзнем сказать – обожиться.

В житии св. Великомученика и целителя Пантелеймона рассказывается, что дикие звери не хотели нападать на юношу. Тогда были убиты и они. Их трупы были брошены на съедение птицам. Но птицы до них не дотронулись. Трупы животных долгое время лежали на солнце и оставались нетленными. Итак, мы имеем дело с мощами животных.

Говорящие «да»

То, что животные освятились вместе с человеком, говорит не только о наличии у них души (о чем пишут святые Отцы), но и о начатках личностного, персонального. Адам дает животным имена. Но что есть имя, как не «икона» твари? Наименовать, назвать значит преобразовать, поднять до высшего, личностного бытия. Адам – первый епископ. Сам Господь называет себя пастырем овец своих, и звери в раю также знали голос Адама, также спешили к нему.

Важно отметить, что в большинстве дохристианских религий в качестве жертвы Богу приносились животные. В христианстве же Сам бог жертвует Собой. Таким образом, Бог в лице Сына

Своего отменяет ветхий завет и отказывается от принятия в жертву животных.

В своей «Небесной литургии» («La liturgie celeste», Friant, 1982) Жан Ковалевский высказывает и второй аргумент в пользу «личного» начала у животных: Бог заключил завет с Ноем. Но, оказывается, не только с ним. «И сказал Бог Ною и сынам его с ним: вот, Я поставлю завет мой с вами и с потомством вашим после вас, и со всякою душою живою, которая с вами, с птицами и со скотами, и со всеми зверями земными, которые у вас, со всеми, вышедшими из ковчега, со всеми животными земными» (Быт., 9,8–10).

«Заключить завет? Что это значит, – спрашивает Жан Ковалевский, – это значит, что у животных тоже была возможность свободного выбора. Завет не заключают с теми, кто не может сказать «да»».

И не только животные говорят «да». Есть в православной традиции тексты, повествующие о «свободном выборе» стихий. В печи Вавилонской «огонь устыдился лика Троичного». Посох Аарона расцвел, и «солнце позна запад свой». «Всякое дыхание да славит Господа». К концу мира, как пророчествовал Нил Мироточивый, стихии (из-за человеческого лукавства) станут напряженными, начнут спешить. День будет вращаться, как час.

Своими космическими откровениями православие может по праву гордиться. Но тем страннее кажется нам, что «гуманное» отношение к животным установилось ныне, прежде всего в северных, протестантских странах. А в Греции, в Сербии и России только святые и юродивые помнят еще о том, как было в раю. Часто религиозность наша вырождается в магический страх.

Сколько нелепых и позорных мифов существует по поводу тех или иных животных – «козлов отпущения». В Греции, например, я увидела, как одна из монахинь регулярно убивает ящериц. На мой вопрос она ответила, что ящерица – почти что «дьявол», ибо она когда-то залезла в чашу с причастием.

Странно, но факт – облагораживание нравов связано с растущим безразличием и профанизацией, когда реальность, боль, сопротивление исчезают, когда Другое большое не угрожает, не влечет, не воспринимается всерьез. А хотелось бы, чтобы было наоборот, чтобы не человеческий нарциссизм был причиной «хорошего отношения» к твари, а «сердце милующее». Сострадающее всякому страданию, плачущему о стенаниях всего космоса.

VII.

Эколитурига

*У нас белый вольный свет зачался от суда Божия:
Соднице красное от лица Божьего,
Самого Христа, Царя Небесного;
Млад светел месяц из груди его;
Звезды чистые от риз Божьих;
Ночи темные от дум Господних;
Зори утренни от очей Господних;
Ветры буйные от Свята Духа;
У нас ум-разум Самого Христа,
Самого Христа, Царя Небесного.*

Стих о Голубиной книге

Бытие проявляется. В этом его несовершенство и греховность. Как сказал Жан-Поль Сартр, все существует из-за слабости или только потому, что нет сил умереть. Бытие, лишенное смысла, а таково оно и у Сартра, и у многих сегодня, всегда лишнее. До тошноты навязчивое. Чем меньше бытия, чем оно менее связано с иерархией ценностей, тем более нагло оно заявляет о себе.

Бытие в его смирении, если бы такое было, не должно было бы проявляться, ибо правая рука не знает, что делает левая.

Бог – противоположное простой случайности бытия. Он – высший смысл. В своей абсолютной отдаленности Бог совершенно необходим. «Единое на потребу» – вот что такое Бог. Богу

свойственен переизбыток бытия, роскошь. Сила благодати, изобилие, смирение.

Это ведет к невидимости Бога. Его скрытости.

Бог для человека может заявить о себе только ничтожно и через ничтожное: через пустой гроб, нищету, пустыню. Через Распятие и Крест. Духовная плотность Бога столь велика, что иначе Он не может выразить себя. Подвижник идет в пустыню, чтобы опустошить себя для сверхобильного и сверхплотного Бога.

Церковь – это прежде всего Евхаристия, наиболее плотное Тело в этом мире. В бесконечно малом кусочке Святых Даров спрятан Тот, Кто больше мира. Церковь как Тело Христово сверхбогата полностью. Отец Павел Флоренский пишет: «самая неопределенность церковности, ее неуловимость для логических терминов, ее несказанность, не доказывают ли, что церковность – это жизнь... ведь церковь есть тело Христово, «полнота наполняющего все во всем» (Еф., 1,23).

Немного дальше отец Павел замечает: «Но жизнь церковная усвоается и постигается лишь жизненно, не в отвлечении, не рассудочно. Если уж надо применять к ней какие-нибудь понятия, то ближе всего сюда подойдут понятия не юридические, а биологические и эстетические».

Начало века и сам Павел Флоренский остановились, прежде всего, на «эстетике» церкви (критерий церковности – красота), наше же время все чаще подводит нас к мысли о том, как близки структуры церковного и биологического.

Сначала умер Бог, потом культура, сейчас умирает природа. Если в 17–19 веках природа считалась чем-то внешним, изначально объективируемым (Декарт, Бэкон, Гоббс, Гегель), она сегод-

ня предстает перед нами в совершенно иной ипостаси. В наш апокалиптический (то есть откровенный) век природа из объекта использования и надругательства превращается в субъект. Страдающий, обличающий, исчезающий и в исчезновении своем вновь заявляющий о себе.

Сегодня неловко говорить не только о «прогрессе», но и вообще о «науке», забывшей, что земля, тело, стихии – это нечто живое.

Сама плоть стала более красноречивой, чем обескровленный дух. Замолчали богословы, заговорили камни. Появились мифологические таинственные болезни: рак, СПИД.

Органика жизни неизбежно разлагается цивилизацией, чьи ценности определяются пользой и властью. Организм постигается только тогда, когда смотришь изнутри. Это тайна, которую можно лишь пережить. Она не расчленима анализом. Механическое же (господствующее ныне) мировоззрение построено по принципу дурной бесконечности объективации и причинно-следственных связей.

Эта чудовищная революция произошла в Новое Время, когда на смену цельному и органическому взгляду на мир пришел грубый механицизм.

Философы Нового Времени: Декарт, Гельвеций, Ламметри и др. – превращают органический космос в механическую структуру, состоящую из пассивной и инертной материи. Природа освобождается от индивидуальных духов, взаимоотношения симпатии-антипатии заменяются причинно-следственными связями. После подобной вивисекции космос превращен в холодный, разлагающийся труп, в систему, где движется множество частиц. Каждая из них подчиняется закону инерции и может

передвигаться лишь благодаря внешнему контакту с другим телом. Фактически, движения больше не существует, ибо Ахиллес не только никогда не догонит черепаху, он вообще не может сдвинуться с места: даже абсолютно-малое расстояние между механическими телами бесконечно. Контакт здесь – это разделение пустотой, ничто.

Нужно тут же заметить, что эта пустота не имеет ничего общего с «разверстым гробом» и мистическим ничто. Та апофатика – от изобилия, здесь же – мир призраков, симулякров и низших демонов небытия.

Прекратилась жизнь, иссякло движение. Движение не только души, но и страстей. Декарт и его последователи отвергли неконтролируемую страсть и спонтанность. На их место пришли кальвинистски-буржуазные ценности самоконтроля, воздержания, суверенного права. Польза стала знаменем времени. Контролируемость механических процессов позволяет владеть ими. Принцип количества создает утомленную среду, где все унифицируемо и подвластно контролю.

Плоть, рассеченная на неживые материальные частицы, перестала быть плотной. Оставаясь непроницаемой, она была превращена в ничто. Философия Нового Времени ударила прежде всего по духу, но Дух в христианской традиции неразрывно связан с плотью. Исчезла и она. Хомяков замечает, что тело – от целого. Разрушив целое органического мирозерцания, мы оказались в мире разорванном, наспех склеенном неким злым богом-шизофреником.

Плотность миру может возвратить лишь то, что осватило саму плоть, – Слово, воплотившееся и образующее тело Церкви. Св.

Игнатий Богоносец так пишет о плотности церкви: «Итак, старайтесь плотнее собираться для благодарения Бога и славы. Ведь когда вы бываете плотно на одном месте, то счищаются силы Сатаны и устрояется гибель его в едино-мыслии вашей веры».

Механический взгляд на мир, лишив вещи смысла, сделал всю вселенную бесстыдно-прозрачной. Гомогенно-бескачественная среда, в которой живет современная цивилизация, отличается отсутствием чувства реальности, ибо это чувство рождается от сопротивления. Поскольку власти человеческого рассудка нет границ, ничто не встает на пути наглого и агрессивного шествия его по прозрачной вселенной. Мегаломанские проекты бесплотного механического гиперреализма обрываются там, где начинается бесконечно-малое органической жизни.

Механицизм – движение вовне, организм – движение внутрь. В организме царит истинная демократия: все члены важны и выполняют свои функции (1-е Послание к Коринфянам св. апостола Павла). Но эта демократия иерархична, поскольку подчинена единому смыслу, единой энтелехии. В механизме, наоборот, нет ни демократии, ни иерархии. Здесь царит принцип власти и подчинения, объекта и субъекта, диалектики (да, именно механический взгляд на мир породил рабскую диалектику, где добро непременно нуждается в зле, чтобы быть еще более добрым).

В организме любая часть воспроизводит целое. Так познается и подлинная церковность: через прыжок в нее, как в некое Целое, как в «жизнь». Церковный человек церковен органично – его движение, мысль и вздох окрашены церковностью, ибо идут изнутри. Церковь не только органична, она органична в особой степени. Клодель хотел предупредить нас против пря-

мого понимания метафоры: «Церковь – это тело». Ибо в теле палец ноги, например, не может быть целым, тогда как в церкви каждый из ее членов представляет собой все целое. «И как тело Христово целиком присутствует в частице Причастия, так и всю церковь, именно всю можно видеть в лице любого из христиан, она дает услышать себя, говоря его голосом и „именует себя“ *Prefecta teae*. Мария в момент боговоплощения уже была всею церковью» (Клодель «Эммаус», 1949).

В церкви часть еще больше зависит от целого, чем в обычном теле. Здесь принцип органической зависимости поднят на еще более высокую ступень.

Органика естественна. В европейской же науке и философии победил принцип искусственного конструирования. Его идеально выразил Кант, сказав, что субъект строит свой мир. А вещь-в-себе так и остается непознанной им. Чем более удален от нас предмет, чем он нереальнее, абстрактнее, негативнее, тем лучше он «понимается».

Декарт хотел уничтожить все сомнения, но вместо этого внес в европейскую философию принцип сомнения. *Cogito ergo sum*. Я мыслю, следовательно, не существую – так надо было бы сказать. Разум, лишенный опоры, может лишь сомневаться и колебаться. Таким разумом легче всего познать мертвое, поэтому в современной французской мысли познание названо «убивающим» (Тодоров).

Наш мир «научного познания» есть существенно мир непонимания. И все дальше и дальше уходит от нас реальность. Корпускулярно-волновой дуализм прочувствовать уже нельзя. Мы понимаем, не понимая.

Православие (в отличие от более абстрактных: католицизма и протестантизма) основывалось на опыте. Прежде всего – на опыте литургической жизни и очевидности. Собственно, именно в литургии мы понимаем то, что нам ближе всего, что всего интимнее и роднее. Поэтому церковь и питает нас, и окутывает своим материнским теплом.

Церковь – полнота. Если нет церкви, то пустое пространство заполняется пародией жизни, абстрактным ритуалом, псевдосакральностью. Этим особенно отличается современное западноевропейское общество, позабывшее, что такое искренность.

Экологическая тематика стала модной. Феликс Гуаттари (Felix Guattari «Les trois écologies», Galilée, 1989) предлагает новый философский подход, который он назвал экософическим. Он справедливо пишет, что все прежние противоречия и конфликты теряют свое значение перед лицом умирающей жизни. Прошло время, когда мир находился под эгидой антагонизма «Запад – Восток». Антагонизма «буржуа – рабочий». В наше время все одинаково подвержены опасности. Установка на выгоду, утилитаризм установили повсюду, как в странах капиталистических, так и в странах социалистических. Мир стремительно европеизируется. Повсюду мы встречаем то же: установку на рационализм, диктатуру масс-медиа, те же молодежные моды, ту же рок-музыку, тот же язык. И ту же опасность самоуничтожения.

Подлинное понимание – это не картезианская, рационалистическая логика, захватившая весь мир, – пишет Гуаттари. Но это и не психоанализ, который не справляется с проблемой творчества, с проблемой нового и с проблемой подлинной любви. Психоанализ способен двигаться лишь в замкнутом кругу

регрессивных неврозов, а нам оттуда пора выходить. Гуаттари отвергает и еще один метод философствования: феноменологию. Редукционизм феноменологии превращает ее объекты в «чистые», пустые трансценденции.

То, что остается – это искусство. Оно способно оживить реальность, восстановить целостный взгляд на мир, постичь новое. Так думает французский философ Гуаттари.

Наш же взгляд идет дальше. Основа всякого искусства – в религиозном опыте. И очень легко показать, что именно литургический опыт преодолевает ограниченность всевозможных старых и новых философских подходов. Литургический опыт целостен, он определяет всю жизнь человека. Поэтому так важно посещение литургии (хотя бы по воскресеньям). Как сказал один русский священник, у каждого православного христианина должно возникать чувство пустоты, если он в воскресенье не был в церкви.

Целостный подход к человеку – подход внутренний. Здесь грех уничтожается не какими-то запретами, табу и морализированием. Он исчезает, когда человек возносится на новую ступень жизненной иерархии. Это и есть обращение, преображение и покаяние.

Литургический опыт не замкнут (подобно психоаналитическому), а разомкнут на Бога, он всегда нов и творчески свеж. Он трансцендирует за свои собственные пределы, как трансцендирует сама жизнь (вспомним хотя бы определение «жизни» в философии Георга Зиммеля).

Бога можно было бы считать интенциональным объектом литургического опыта. Но этот интенциональный объект – не

абстрактная трансценденция. Он настолько жив и конкретен, настолько всемогущ, что это Он направлен на субъект, а не субъект на Него.

Литургический опыт не редуцирует (что неизбежно при любом философском подходе), ибо он уже исходит из бесконечно-малого. Неуловим дифференциал литургического жеста и символа, как неуловим бесконечно медленный рост органической ткани. Литургия неподвижна, как лес, но как лес, она жива и растет.

Литургия природы. Особенно понятно это выражение русским. Русский пейзаж волнует своей созерцательностью, духовностью. Церкви наши строились в особо красивых местах, они органически вписывались в окружающую природу. Монастыри возводились в лесах, где каждая травка и дерево славили Господа.

Природа была продолжением литургии, здесь исключался всякий дуализм духа и тела.

Но и мы, русские, не избежали общей участи. Картезианская цивилизация разрушила нас не в меньшей, а может быть, и в большей степени, чем разрушила Запад. И у нас (как пишет Вл. Соловьев) материя превратилась либо в демоническую госпожу, либо в рабу человека. И лишь любовью можно восстановить утраченный синергизм («Смысл любви»).

Св. Симеон Новый Богослов пишет: «Смерть тела – отделение от нее души, смерть души – отделение от нее Святого Духа». Природа сегодня – продолжение нашего тела. Она не объект страха или использования. Сам человек сегодня страдает как часть космоса, как существо экологическое. И вместе со всей тварью страдает Бог.

Приложение

НА ОСНОВЕ «ЖИТИЙ СВЯТЫХ».

(Архимандрит Юстин Попович: «Жития святых» (12 томов),
Белград, 1973 г. Издательство монастыря Келие)

Георгий Хозевит (8 января): Один раз он увидел перед дверью своей кельи лежащего льва. Он не испугался и толкнул льва ногой, говоря, чтобы тот отошел в сторону. Лев не хотел, а только по-дружески зарычал. Святой сказал: «Хорошо. Поскольку ты не слушаешься, то сейчас проверим то, что сказано: «Зубы львиные сокрушил Господь». – Открывай рот и увидим». Лев раскрыл рот, и святой своей рукой пощупал зубы. На что лев встал и удалился.

Феодосий Великий (11 января): Он был скорым помощником не только людям, но и бессловесному скоту. Однажды путешественник вел с собою осла. Навстречу им вышел лев. Лев набросился на осла, даже не обращая внимания на присутствие хозяина. Путешественник в ужасе громко крикнул: «Помоги, человек Божий, Феодосий!» Когда лев услышал имя святого, он остановился и ушел в пустыню.

Мученица Татьяна (12 января): ...На следующий день мучители в театре напустили на Татьяну ужасного льва. Но лев, вместо того, чтобы растерзать ее, ласкался около Татьяны, облизывая ей ноги. Когда льва повели назад в клетку, он неожиданно бросился на знатного сановника Евмания и растерзал его.

Лука Элладский (7 февраля): По дороге напал змей и укусил его. Но святой сказал змею, что все мы – твари Божьи и должны делать доброе, а не злое. Потом отпустил змея и оба они разошлись невредимыми.

Павел Фивейский: Его хотел навестить святой Антоний. Он не знал пути и пошел наугад. Его встретила волчица и на вопрос «где живет Павел Фивейский», указав направление, поклонилась и ушла. Когда Антоний был у Павла, ворон, который каждодневно приносил святому половину хлеба, в этот день принес целый хлеб.

Когда Антоний второй раз хотел посетить Павла, то застал его уже мертвым. Он не знал, как его похоронить, не имея лопаты, чтобы вырыть могилу. В это время из пустыни показались два льва, которые безутешно рыдали над телом мертвого Павла. Они вырыли могилу и долго еще плакали над телом Павла. Когда святой был похоронен, они лизали руки святого Антония, прося благословения. Святой их благословил, и они удалились.

Антоний Новый (17 февраля): Его мощи, не зная, где их положить, водрузили на телегу, впрягли двух волов. Они пошли далеко-далеко в город Вирию, в родной дом святого.

Макарий Александрийский (19 февраля): У святого появилась гиена, принесла с собой слепого младенца. Дотронувшись до него, преподобный открыл ему глаза. На другой день гиена из благодарности принесла святому шкуру овцы. Святой не хотел принимать подарка, пока гиена не обещала, что никогда не будет убивать и грабить скот. Гиена смиренно и покаянно легла, показав этим, что принимает упрек святого.

Неофит Мученик (21 февраля): Младенец Неофит хотел удалиться от мира на Олимпийскую гору. Он вошел в пещеру, где жил лев. И попросил льва уступить ему место. Лев облизал святого и ушел. Некоторое время спустя, когда святого мучили, на него напустили страшного льва, который был пойман на Олимпийской горе и две недели оставался без пищи. Лев побежал, чтобы растерзать Неофита, но вдруг остановился, начал лить слезы и лизать ноги и руки мученика. Оказалось, это был тот самый лев, который уступил святому пещеру. Святой приказал возвратиться в свою пещеру и больше не нападать на людей. Лев поклонился и ушел. Затем на святого напустили медведя и медведицу, которые тоже поклонились святому и ушли.

Герасим Иорданский (4 марта): Однажды к святому Герасиму пришел хромающий лев и показал лапу с занозой. Святой вынул занозу, и лев остался жить у него. Его послушанием было охранять ослика, который приносил воду. Однажды лев заснул, и ослика украли. Святой Герасим думал, что ослика съел сам лев. Он наказал льва тем, что приказал ему носить воду вместо ослика. Лев долго исполнял приказанное, но однажды шел мимо караван, и лев узнал своего ослика. Обрадовавшись, он привел его к святому Герасиму. Когда святой умер, то печальный лев не хотел удаляться от его могилы и сам скончался на этой могиле.

Павел и Юлиана (4 марта): Мучители натравляли на них змей, но те не хотели кусать святых.

Священномученики Херсонские, Василий и еже с ним (7 марта): Много дней тело мученика Василия и его друзей лежали непохороненными, но невредимыми: волк их охранял от собак, а орел от небесных птиц.

Симеон Новый Богослов (12 марта): В монастыре, где святой Симеон был настоятелем, монах Арсений убил двух ворон, которые ели пшеницу. Святой приказал повесить убитых ворон убийце на шею.

Венедикт (14 марта): Старец Венедикт ежедневно кормил ворона. Однажды от ненавистника он получил отравленный хлеб. Он приказал ворону отнести этот хлеб подальше, так, чтобы никто его не нашел. Но ворон боялся, потому что отравы была очень сильна. Святой сказал ему, чтобы не боялся. И наконец ворон послушался, хотя все еще и боялся. Часа через три он вернулся покусать.

Мученица Дарья (19 марта): Дарью царь Нумериан заключил в блудилище. Но там появился лев, который принялся охранять ее. Одного блудника он поверг на землю и, топтая ногами, все смотрел на Дарью, ожидая ее повеления. Она повелела оставить его в живых. То же случилось и с некоторыми гладиаторами. И все они обратились в веру. Разгневанный мучитель решил поджечь блудилище, чтобы и лев, и Дарья сгорели. Лев испугался, но Дарья его отпустила, и он вышел невредимым, а ее замучили.

Мученик Никон (23 марта): Привязали Никона к хвостам разъяренных лошадей, чтобы те разорвали его. Но он перекрестил лошадей, и их гнев сменился на кротость. Мучитель в гневе приказал перерезать лошадям жилы на ногах. Лошади заговорили и сказали, что их убивают Никона ради и во славу Божию. Когда же мучитель поехал в город Панторму, в пути его растерзали собственные лошади.

Василий Новый (26 марта): Мучители хотели его утопить в море. Но появились два дельфина и вынесли его невредимым на берег.

Мария Египетская: Когда преподобный Зосима нашел Марию Египетскую в пустыне и разговаривал с ней, вдруг появился лев, стал умиляться и лизать святой ноги.

Артемон Лаодикийский (13 апреля): Когда святого Артемона повели в тюрьму, по дороге он дал указание одному оленю известить епископа о его заключении. Олень исполнил повеление, и, придя к епископу, заговорил человеческим голосом. Потом, когда святого мучили, появился тот же олень и изобличил мучителей перед всем народом.

Великомученица Ирина (5 мая): Святая Ирина сидела в своих покоех. Вдруг сквозь окно влетел голубь и бросил на стол оливковую ветвь. Немного спустя появился орел с венком из разных цветов. И наконец ворон с маленькой змеей, которую он тоже опустил на стол. Домашний учитель Ирины, тайный христианин, так растолковал знамения: голубь означает кротость твою и доброту, масличная ветвь Божью благодать, которую ты получишь в святом крещении, орел означает царя – ты будешь царствовать над страстями своими. А венец – это венец вечной славы, который получишь от Христа-Царя. Ворон означает дьявола и предвещает тебе лютое, как змий, гонение. Когда Ирину отдали на пытки, ее отец, император, приказал бросить святую под ноги разъяренным лошадям. Но одна из лошадей набросилась на императора, оторвав зубами его правую руку и затоптав его копытами. Потом тихо вернулась на свое место, и лошади стали кроткими, как ягнята. Лошадь еще сказала человеческим голосом: «Блаженна ты, Ирина, голубка Христова, поправшая змея».

Симеон Столпник (24 мая): Святой жил в диком лесу, скрываясь в горе. Звери служили ему. Однажды, недалеко от жили-

ща святого лев напал на путешественников. Но, услышав из их уст одно имя «Симеон», их оставил в покое. Потом святой попросил льва удалиться, чтобы не пугать посетителей. И тот послушался.

Зосим Финикийский (8 июня): Зосим пошел однажды в Кесарию, нагрузив ослика товарами. По дороге на них напал лев и утащил ослика. Когда святой нашел льва, ослик был уже съеден. Святой сказал льву: знаешь, друг, я стар и носить поклажу не могу. Ты должен мне помочь, поскольку погубил моего ослика, и принести вещи в город. А потом отпущу тебя назад, в пустыню. Так оно и было.

Мученица Голиндуха, персиянка (12 июля): Голиндуха была брошена на съедение страшной громадной змее. Но та стала кроткой и лежала у ног мученицы 4 месяца, никого не подпуская к ней.

Элие (14 июля): У всей братии на глазах его два раза перевозило через быструю реку на своей спине крокодил.

Мученица Кристина (24 июля): Волхв собрал скорпионов, чтобы они напали на мученицу. Но скорпионы Кристину не тронули, послушно расползаясь во все стороны.

Евтихий и Флорентий (23 августа): Евтихий и Флорентий жили вдвоем в пустыне. Евтихий был духовником, а Флорентий очень простым и послушливым. Потом Евтихия избрали настоятелем ближнего монастыря, но он оставил Флорентия в пустыне, охранять церковь. Флорентию было трудно одному, и он молился Богу, чтобы ему друга послал. Однажды, выходя из церкви, у дверей он встретил медведя, стоявшего кротко с опущенной вниз головой, показывая, что пришел послужить ему.

Флорентий дал ему послушание пасти пять овец. Кушание медведь получал, когда с овцами возвращался с пастбища. В постные дни Флорентий хотел, чтобы и медведь постился до трех часов дня. Поэтому ему было приказано возвращаться с овцами в три. А в другие дни было велено пасти овец до двенадцати. Медведь, хоть с трудом, но выдерживал голод. И ни разу не возвращался раньше времени. Про Флорентия и медведя стало известно по всей окрестности. Многие стали ценить Флорентия как человека Божьего. Лютая зависть против Флорентия появилась у некоторых монахов Евтихиева монастыря. Четверо из них сговорились и убили медведя. Но они были наказаны так, что умерли, пораженные страшной проказой.

Симеон Столпник (1 сентября): В горе, где подвизался святой Симеон, устроила себе жилище большая змея, из-за которой на том месте даже и трава не росла. Однажды в правый глаз змеи попала заноза. Мучимая болью, змея поползла до столба преподобного, легла у ограды и все кивала головой, смиряясь и прося о милости. Было достаточно одного взгляда святого, чтобы заноза выпала из глаза змеи. Змея еще три дня лежала под столпом, как овца. И мимо идущие без страха удивлялись чуду. После трех дней исцелившаяся змея возвратилась в свою нору и людям больше не вредила.

Однажды охотники на горе святого Симеона увидели серну и закричали ей: именем святого Симеона, остановись и подожди нас! Поскольку и животные чтят святого, серна так и сделала, и охотники убили ее. За это они были наказаны потерей голоса. Избавились от наказания только после двухлетнего покаяния у ограды святого Симеона.

Иоанн Кукузель (1 октября): Иоанн владел прекраснейшим голосом и был поставлен начальником певцов в императорском дворце. Но он покинул дворец и тайно ушел на Афон, в лавру святого Афанасия, где никому не объявлял о своем прошлом. Ему поручили пасти коз. Годами он прожил пастухом в пустыне, погруженным в молитву и счастье. Однажды он не мог удержаться от радости, думая, что никто его не слышит, и стал петь. Козы обступили его и долго стояли без дыхания, околдованные красотой пения своего пастуха. Бывший недалеко пустынный увидел стоящих в таком странном положении коз. Так был открыт талант Иоанна Кукузеля.

Мученики Тарах, Пров и Андронник (12 октября): В театре на мучеников напустили зверей. Но они к мученикам не прикоснулись. Проконсул приказал бить слуг и привести самых жестоких зверей. Один медведь подошел к мученикам и лизал их раны. Он не разъярился, даже когда сами мученики старались его раздражать. Также сделала и нарочно привезенная из Антиохи славившаяся свое злобой львица. Когда слуги пытались раздражить, она бросилась на двери и сгрызла их. Вся присутствующая в театре публика заступилась за нее и за мучеников.

Ианикий Великий (4 ноября): Преподобный Ианикий был с монахами в пустыне. Вдруг там появился необыкновенный по размерам козел. Монахи подумали, что из такого козла можно было бы сделать мехи для вина, и стали думать, как схватить козла. Преподобный, видя в духе помышления их, приказал одному монаху привести козла. Тот спросил, что мне делать, если козел попытается убежать? – Ты не беспокойся, – ответил святой, – предстань только перед ним, и козел сам подойдет. Потом он

обратился к монахам: Удобна ли козлиная шкура для изготовления мехов? Те ответили: да, очень. И мы об этом думали, прежде чем ты, отче, сказал. Когда монах привел козла, то Ианикий стал гладить животное, которое ласкалось к нему. А монахов поучать, чтобы были милостивы к Божьей твари и чтобы следили за своими желаниями и помышлениями. Потом с миром отпустили козла в пустыню.

Иоанн Молчаливый (3 декабря): Иоанн жил в пустыне Палестинской, в 5 веке. Во время вторжения в Палестину разбойников сарацинов, из-за которых из пустыни убежали все монахи, Иоанн, примирившись с судьбой, не хотел удаляться из своей пещеры. В эти дни у Иоанна появился очень сильный лев, который охранял его день и ночь. Сколько бы раз варвары ни нападали на святого, лев всегда обращал их в бегство. Так лев и сохранил Иоанна во все время бедствий.

Спиридон Тримифундский (12 декабря): Когда святитель ехал на Первый Вселенский Собор, он ночевал в одной гостинице. Ариане тайно убили двух его лошадей, намереваясь помешать ему приехать на Собор. В злости они даже отрезали лошадям головы. Но Спиридон приказал слуге приставить отрезанные головы к трупам лошадей, а сам стал молиться. Слуга поторопился и присоединил голову белой лошади к телу черной, а черную голову к белому коню. Лошади выздоровели, святой продолжил путь, а все, видевшие несоответствие голов и туловища, дивились чуду.

В качестве примера была рассмотрена лишь малая часть из «Жития святых». Несомненно, что чудесных случаев, связанных

с животными, гораздо больше. В заключение хотелось бы рассказать о святом Феофиле, жившем в Киеве в 19 веке. Рассказ записан со слов очевидцев. Он еще не подвергся никакой стилизации и покоряет своей достоверностью (Священник Владимир Зноско «Христа ради юродивый иеромонах Феофил, подвижник и прозорливец Киево-Печерской Лавры», Тверь, 1991 г.).

«Когда Феофила приехал навестить Иван Катков, то, поисповедовавшись и, рассказывая старцу о своих делах, упомянул и о приобретенном им молодом бычке, весьма строптивого нрава.

– Купил я, батюшка, бычка. Думал для себя оставить, да не знаю, что с ним и делать: одурел, скотина, совсем, на всех с рогами лезет. Хочу зарезать, да жалко.

– А ты мне его подари.

– Вам? Помилуй Бог, да к нему и приступить нельзя! Сколько людей уже искалечил...

– Ничего... Мы его смирению научим.

– Да как же я того...

– Очень просто. Подойди к нему и скажи: «Эй, бычок! Отныне ты не мой, а отца Феофила. Собирайся в гости к нему...»

Мясник так и сделал. Подошел, по возвращении домой, к бычку, повторил сказанные старцем слова, и доселе фыркающий и озверевший бычок сделался кроток, как ягненок: смиренно стал ласкаться и лизать хозяину руки.

Получив бычка, блаженный смастерил себе небольшую удобную телегу, сзади которой устроил на обручах крытую парусиной будочку, и стал путешествовать на „бойкуне“ по городу. При этом старец никогда не садился впереди, а всегда сзади, спиной

к быку и, укрепив на возу маленький аналойчик, опускался на колени и читал дорогой Псалтирь. Но вот что удивительно. Бычок не имел никакой упряжи, ни возжей, одно только ярмо, и точно мысленно предугадывал намерения своего хозяина, без всяких с его стороны возгласов и понуканий доставлял старца именно туда, куда ему была надобность: либо на Подол, в Братский монастырь, либо в святую Лавру. И такой, говорят, умница был – ни за что на камень не наедет, а увидит бугорок, рытвину или канаву, непременно стороной обминет, чтобы угодника не потрясти.

Когда Феофил впал в немилость, у него отобрали бычка и препроводили в экономию, присовокупив к Лаврскому стаду, а самому блаженному запретили появляться в Голосеевской пустыни, а вместе с тем и бродяжничать. Но с того дня, как бычок был помещен в монастырское стадо, появился такой необычный падеж скота, что лаврский эконоом потерял всякое самообладание и положительно не знал, что ему делать. Стали приглашать ветеринарных врачей, предполагая, что в стаде появилась эпидемическая болезнь, но врачи, осмотрев животных, нашли их без всяких существенных повреждений. Между тем скот продолжал падать. Тогда более глубокомысленные решили доложить об этом митрополиту Филарету. Владыка позвал эконома и поинтересовался, с которого дня начался падеж скота. Эконом ответил, что с того самого дня, как отобрали быка у Феофила и присоединили к общему стаду. „Вот как!“ – воскликнул Владыка и приказал немедленно удалить из стойла быка. Когда это было сделано, то, к общему удивлению, падеж скота тотчас же прекратился. Бычок же был отведен в Китаев и возвращен своему обладателю.

Получив обратно своего „бойкуна“, блаженный в тот же день позолотил ему рога и преспокойно стал продолжать свои ежедневные путешествия...»

Да, поистине: «Позна вол владельца своего». (Ис., 1, 3).

Париж 1992.

Интервью и статьи.

ПУСТЫНЯ РАСТЕТ.

(Предисловие к сборнику «Христианство и экология». 1997).

«Пустыня растет». Все ближе и дальше. Умирают леса и реки. Скоро мы узнаем, что такое молчаливая весна, весна без птиц. Природа умирает из-за нас. Мы убийцы всего живого. Жизнь, с ее дыханием, с ее органическим движением, мы подменили машиной; и никто – ни животное, ни человек – не способны жить в стрессе, созданном этой машиной.

Компьютеры убивают творческую мысль, телевизоры упраздняют богатство человеческих отношений. Искусственные души и тела, убогое потребительство, трусливый оптимизм, – вот признаки нашего времени. Мертвую цивилизацию мы находим сегодня повсюду – на Западе и на Востоке, на Севере и на Юге. Смерть идеологий поставила человечество перед единой и главной проблемой: сохранить жизнь, которой становится все меньше и меньше. В этом плане мы входим в эпоху Святого Духа, «жизни Подателя», в эпоху благоговения, когда «всякое дыхание» воистину «славит Господа».

Сегодня разговоры об «ответственности» перестают быть пустой болтовней. Если раньше человечество жило с оптимистической мыслью о неисчерпаемости энергий, то теперь ясно: энергия ограничена и все в мире стремится к энтропии.

И если еще пять лет тому назад стены парижских метро перестрели политическими лозунгами типа: «Да здравствует Ле Пен!»

или, наоборот: «Долой Ле Пена!», то сегодня их уже нет. Мы читаем: «Не ешьте мяса животных!». Мы видим листовки, призывающие не покупать меховые изделия и т.д. Какое же отношение имеет к экологии христианство?

Христианство основано на воплощении Логоса, «Слово плоть бысть». Центральное таинство в христианстве – Евхаристия, когда мы едим плоть и кровь Господню под видом вина и хлеба.

В Евангелии Господь называется Спасителем, то есть Тем, кто спасет. Само русское слово «спасение» происходит от пастушества. Образ Доброго Пастыря, пасущего овец, горчичного зерна (Царства Небесного), полевых лилий, что прекраснее царя Соломона, птиц небесных, что легки и беззаботны, как сам Господь, – эти и множество других – не просто метафоры. Господь сам именуется Агнцем, и центральное событие Его жизни (Голгофа) связано с этим наименованием.

Все говорит, что пресловутое «спасение души» не означает спасение некой неделимой абстракции. Душа и тело неразрывно связаны. Павел Евдокимов писал: «Человек не обладает телом, человек есть тело». А тело переходит в мир, к телу принадлежат и наше окружение, и «молчание бесконечных миров».

Душа – это не атом, «весащий три грамма», как рассказывала когда-то экскурсовод в музее Оптиной пустыни. Максим Исповедник: «Человек – не микрокосм, а макрокосм». Человек больше всего мира, как лепта бедной вдовицы больше всех других неисчислимых сокровищ.

Душа у греков и в Ветхом Завете – это две разные сущности. у Платона – нечто абстрактно бессмертное. В Книге «Бытия» и в псалмах речь идет о дыхании. «Сокроешь лице Твое – мнут-

ся; отнимешь дух их – умирают и в персть свою возвращаются» (Пс., 103). Душа и дух последовательно связаны с Божественным дыханием. «Всякое дыхание да славит Господа». В Ветхом Завете нет психотерапии – душепопечительства в том виде, в каком оно существовало у Сократа и Платона.

Экзегеты указывают на тот эффект, что в Новом Завете говорится о душе еще меньше, чем в Ветхом. Очевидно, что к этому времени представления о душе находились под сильным влиянием греческой мысли. Христианство же не хочет порвать с еврейскими корнями, с тем, что душа – это что-то «материальное». Целостный характер души как попросту «жизни» важен для христианства. Важно, что душа не противопоставляется телу (сома) как что-то высокое чему-то низкому.

Интересно, что *nephesh* в Ветхом Завете употребляется 22 раза в отношении к животным и людям, и только 7 раз в отношении к людям.

Господь заповедовал проповедовать Евангелие не только людям, но и «всей твари» (Марк, 16.16).

Православная традиция основана на опыте космической литургии. Святой Макарий Великий так описывает онтологическую катастрофу, положившую начало человеческой истории: «Пал Адам. Его падение оплакивали Ангелы, силы, небеса, земли, все твари. Ибо все твари видели, что данный им в цари – стал рабом сопротивной лукавой тьмы». Но, тем не менее, животные отправились вслед за своим царем Адамом в плен. Они остались верны ему и Богу.

Православная святоотеческая традиция даст необычайно богатый материал к осмыслению жизни космоса, стихий, тварей.

Блаженный Максим Исповедник, говоря о видении Петра (Петр видит скатерть с животными), комментирует слова «заколи и ешь»: в природе нет ни чистого, ни нечистого. Нужно признать все видимое как духовную пищу – *logoi* (сущности). Максим пишет: вещи даже в их видимости, в их диафании подают нам себя как Тело Христа, а их небесные корни – как кровь, как космическую евхаристию. Максим заключает: «Через умное созерцание творения мы проходим к идее Троицы». Само созерцание космоса приравнено к Евхаристии!

Другой великий святой – Григорий Палама говорит о том, что весь космос пронизан нетварными энергиями. Все в мире: от пылинки до звезды состоит из этих нетварных энергий. Энергии не созданы, они вечно исходят из Троичной сущности. Бог, в своей троичности, полностью присутствует в каждой из них.

Весь мир – космическая литургия. И не удивительно, что русские монастыри строились среди лесов, отражались в реках и источниках. Природа и сегодня первая реагирует на святость. В Дивеево в день водворения в монастыре мощей преподобного Серафима Саровского многие паломники видели, как играло солнце, то – расширяясь, то сужаясь. А совсем недавно из-под земли забил еще один чудотворный источник – это было в день перенесения любимой иконы Божьей Матери Серафима из Сарова в Дивеево.

Часто под куполами монастыря сияет радуга, а паломников приветствуют деревья: одно – «врата в рай», другое – «кровавые слезы». Молодая послушница позволила нам взять дивеевской земли у той канавки, вырыть которую завещал преп. Серафим Саровский. Преподобный говорил: «За этой землицей к нам будут ездить со всего света».

В храм было не войти. Тысячные толпы народа – паломники со всей нашей огромной страны – приехали в Дивеево. Но и вне храма молиться было так же хорошо, так же вдохновенно: птицы славилы Бога ликующим пением, пронзительно синие цветы сияли, как ризы Ангелов Рублевской Троицы, как царь Соломон во всей Славе своей.

Россия не боялась «пустыни», т.е. не оприходованных человеком мест. Если западная цивилизация испытывала ужас перед «пустотой», то в России любили пустыню и вступали с ней в гармонический диалог. Именно православная цивилизация может дать ответ на экологический кризис наших времен. В ней еще сохранилась та нужная аскеза, которая может противостоять все растущим аппетитам «потребительских обществ».

Наша русская традиция представляет собой своеобразную альтернативу потребительскому обществу Запада, в значительной степени ставшему потребительским в силу своих протестантских корней.

Но что же делается у нас в Православии? Как используем мы данные нам богатства? В том-то и дело, что никак. Нет на эту тему ни книг, ни размышлений. Церковь, конечно, занята строительством, реставрацией того, что было разрушено. Но, тем не менее, преступно молчать о таких важных вещах. Или отговариваться самым нелепым образом. Очевидно, что и старцы могут ошибаться, тем более не знавшие и не любившие животных, – такое квазимусульманское отношение присутствовало у многих греческих монахов (наследие турецкого ига). Но теперь и на Афоне можно встретить совсем других монахов.

«Благоговение перед жизнью» соединяет нас со всякой тварью, со всяким дыханием, славящим Господа. И как верно сказал Альберт Швейцер, современная этика не имеет права заниматься только внутрочеловеческими отношениями. Обожение человека возможно лишь как обожение всего видимого и невидимого мира. В России огромные пространства. Это, с экологической и психологической точки зрения, – великое благо. Есть куда спрятаться. Есть и «где развернуться богатырю».

Французский философ Поль Вирилье говорит о дромосферическом загрязнении. О загрязнении усиливающимися скоростями. Он имеет в виду и самолеты, и телевидение, и факс, и Интернет. Катастрофа заключается в том, что все уже дано сейчас, все недвижно и (как говорит другой философ, Бордрияр) все утопии уже осуществлены.

Пространство в нашей цивилизации сводится к точке, и мы живем в этом точечном доме, окруженные со всех сторон призраками.

Очевидно, что пространство внешнее возвратится к нам лишь тогда, когда мы откроем и освятим пространство внутреннее, в котором легко дышать и Богу, и человеку, и всей стенающей твари.

1997

«ВОЗВРАТИТЬСЯ В РАЙ...»

беседа с Татьяной Горичевой корреспондента И. Ефимовой
(Экогеософский альманах, Но 1, Санкт-Петербург, 1999).

*И. Е. – Уважаемая Татьяна Михайловна, сегодня мы встречаемся по поводу первого выпуска альманаха. Наше издание задумано как творческий диалог философов, обративших внимание на самую актуальную проблему нашего времени – глобальный экологический кризис, и ученых-экологов, владеющих информацией о состоянии нашего общего дома и находящихся в поисках новой философии, мировоззренческой парадигмы. Ибо ясно, что прежде чем что-то начать исправлять, надо понять, **что** произошло и **почему**. И вот на страницах первого выпуска нашего альманаха предложено несколько сценариев – я имею ввиду статьи А. А. Болонкина, М. Альперта, В. А. Зубакова и Вашу. Первый сценарий – смены биосферы техносферой и киборгизации человека – описан американским ученым А. А. Болонкиным, второй проект – политического решения экологической проблемы предложен американским предпринимателем и общественным деятелем М.Альпертом, третий подход – глобальная революция в форме экосеобуча – предложен петербургским ученым-экологом В. А. Зубаковым. Хотелось бы услышать Ваше мнение по некоторым наиболее наболевшим вопросам. В своей книге «Святые животные» Вы разработали интересную и убедительную концепцию православной экологии. Но сейчас пришло время говорить о практических путях выживания, о Стратегии выхода из глобального экологического кризиса.*

Т. Г. – Русская православная концепция обладает всеми потенциалами для того, чтобы дать ответ на этот вопрос. И именно поэтому, наверное, мы так долго молчим. Моя книжка очень несовершенна, но она была первой православной книжкой по экологии. Нам очень много дано – в русской духовной традиции, в Православии, в Космической Литургии, в отсутствии дуализма, которым поражен Запад, в отсутствии арианства. Нам очень много дано – поэтому мы и не шевелимся, не беспокоимся – мы считаем, что можем еще тратить земные природные ресурсы – лить воду, вырубать леса, убивать... Господь еще терпит. Но Земля сейчас как никогда маленькая – что происходит в одном месте, тут же отражается на всей планете, никуда не спрятаться, никаких локальных очагов благополучия нет – все кругом катастрофично, и правы те наши авторы, которые об этом пишут – мы подошли к катастрофе.

По поводу киборгов. На Западе я на эту тему много читала, не только Болонкина. Например, в Париже я купила книжечку Де-Россэй – попытка соединить мир органический с миром искусственным, что само по себе уже невозможно, потому что органика, жизнь – это то, что идет изнутри, развивается таинственным образом, не количественным, а качественным, то, что всегда неожиданно и равно чуду, тогда как компьютерный мир, мир киборгов, – мир количественный. Это два параллельных мира, которые никогда в жизни не пересекутся. Они могут работать вместе, но на уровне онтологическом они никогда не могут пересечься. Даже ученые-кибернетики говорят: на компьютере нельзя сделать нормальный перевод – нет понимания, герменевтики, самого элементарного уровня... Это все утопия, и,

слава Богу, что утопия. Мы можем, конечно, клонировать овец, даже людей... Но та овечка – она совершенно другая, не Божья тварь... Сейчас всякие комиссии, которые выступают против этого. Здесь мы нарушаем принцип тайны, благоговения перед жизнью, о котором говорил А. Швейцер. Эту границу мы не имеем права и не можем перейти.

Самые главные ценности не создаваемы руками и не оцениваются количественным образом. Бог, душа, дружба, любовь – это главное, для чего мы живем, и компьютеры это все не смогут создать. Каждый из нас проживает свою собственную, уникальную судьбу, живет один раз, и каждая секунда – это вечность. Ты уникален, тебе дан единственный шанс – прожить свою жизнь, родиться, любить, умереть... Вот информация, которую можно куда-то зачем-то «переписать» – и все! Если согласиться с тем, что интеллект – это не более чем информация, записанная в мозгу, то получается, что какая-нибудь компьютерная машина лучше человека.

А что такое память в христианской традиции? «Вечная память», то есть, это жизнь: «Помяни меня, Господи, во Царствии Твоем»... Это не память информационная о том, скажем, что дважды два – четыре, над которой еще Достоевский издевался в «Записках из подполья»: а мне наплевать, дважды два – пять тоже приятная формула...

И. Е. – Сценарий, рассмотренный Болонкиным, предупреждает, что идея о «рае» на земле, а теперь – и о «бессмертии» на земле приводит к тому, что человек получает шанс наконец-то быть уничтоженным как биологический вид...

Т. Г. – Вроде бы, снова «все для блага человека», но здесь нет

даже разговора о каком-то удовольствии, о страстях... холодный мир, в котором нет уже движения, нет возможности – просто запрограммированное бытие... Отрицание жизненных экзистенциалов, не только отрицание Бога, но и активное утверждение мертвой реальности, второй смерти. Мертвая реальность – это и есть царство количества. Хорошо, что ученые задумываются над этой темой, и мы должны тоже высказать свое мнение.

И. Е. – А также понять глубинные причины появления этой тенденции...

Т. Г. – Причина такова, что мы сейчас живем в обществе потребления, совершенно сатанинском уже, притом сатанизм стал обыденным. Мы живем в обществе бульварного сатанизма. Вторая, т.е. апокалиптическая смерть уже наступила, люди стали как клонированные, похожи на всех этих киборгов. По телевидению уже только киборгов показывают... Если б сейчас были белые мыши вместо людей – никто бы и не заметил... Деньги крутятся, прибавляются к деньгам... это механизм накопления капитала – и уничтожения человека и Бога... Бог уже уничтожен, человек уничтожается... Это цивилизация окрашена в киборгический сатанинский цвет...

*И. Е. – И вот эта цивилизация, видя глобальную опасность для самой себя, инстинктивно пытается выработать иммунитет от вируса самоуничтожения... Перед нами путь, предложенный американским предпринимателем М. Альпертом, осознавшим, что **цивилизация потребления зашла в тупик**, и предлагающим создать на глобальном уровне политические механизмы регуляции взаимоотношений человека и природы. Независимо от того, насколько реальны пути, предложенные М. Альпертом, **симпто-***

матична сама постановка проблемы. Конечно, этот вопрос должен быть адресован в первую очередь политологам, что мы и сделаем в следующих выпусках, но, все-таки, Ваше мнение относительно, в частности, проекта «Мировой Конституции», и вообще, политических путей выхода из экологического кризиса?

Т. Г. – Из своего очень скромного опыта в этой области я могу сказать, что, конечно, надо что-то делать на уровне политики. На Западе политика фактически заменила религию, все люди политизированы, и на уровне политики что-то возможно сделать. Поэтому предложения о вмешательстве государства в отношения человека и природы – это очень хорошие предложения. Роль государства, и особенно у нас в России, все уменьшается и уменьшается, хаос растет, экологическая ситуация страшная, надо использовать хоть какие-то механизмы. У нас слабо развиты правовые механизмы, правовое сознание вообще и в области экологии в частности – и на государственном уровне, и на местном. Люди сами должны начать думать об экологии хотя бы в своем дворе. Я знаю всего два случая, когда люди защитили деревья, а сколько вырубili? На Западе за любое дерево могут посадить в тюрьму...

И. Е. – Там при всех правах и свободах уже сейчас существует достаточно жесткий правовой механизм разрешения экологических проблем...

Т. Г. – Да, и правовое сознание людей... Они сами не пойдут на то, чтобы срубить дерево, у них это в сознании и даже в подсознании – у нас этого нет, у нас, пожалуйста, можно задавить собаку, даже с удовольствием, – на Западе за это – пять лет тюрьмы, а у нас – символический «штраф», который никто

не собирается платить...Мы до «экологической диктатуры» не дойдем, нам бы хоть немножко подумать не только о «Мировой Конституции», но и о наших российских правовых механизмах, начиная с местного самоуправления.

То, что пишет Альперт, он пишет как идеалист, утопист. Всякая идея объединения где-то порочна, потому что объединяться надо на совсем другом уровне – гораздо более глубоком, чем уровень идеи, сейчас идеологий нет вообще... Это и хорошо, что идеологии кончились. В 1968 г. была последняя идеологическая революция в Париже. Коммунизм умер, капитализм никого не привлекает, сейчас нет идеологии. Писать об этом нужно тоньше, глубже... Но я за то, чтобы какие-то правовые механизмы были, ведь даже на Западе за охрану природы бороться трудно, деньги значат все, «зеленые» предлагают разные законы, бастуют против строительства новых автострад, и все равно мало что могут сделать, если какая-то богатая фирма дает деньги.

И. Е. – Но все-таки там и богатых можно призвать к порядку, в отличие от нас...

Т. Н. Да. Вот в Германии одна фирма получает больше прибыли, чем другая, которая больше производит, потому что экологически она меньше вредит, меньше загрязняет атмосферу – такой у них механизм налогов.

И. Е. – То есть какие-то внеэкономические механизмы регулирования, о которых и у Альперта сказано, – их вырабатывает сама жизнь, они растут как бы «снизу», и поэтому никакого «тоталитарного» момента здесь нет...

Т. Г. – Мы должны брать этот опыт у Запада сейчас, хотя в наше русской культуре все это было – аскетика, посты, уважение

к любой травинке... Но сейчас наша деревня окончательно разрушена, ничего нет, потому вспомнить все это мы можем сейчас только через Запад, мы сейчас не можем себя организовать без западной помощи, западного опыта... Мы должны соединить русский духовный опыт с современным западным. Потому что все сейчас стало едино...

Когда я выступала в Германии, подошли ко мне «зеленые», и опять сказали – «Вы знаете, что атомные отходы снова вам тайно привозят?» На Западе это скрывают, а у нас об этом цинично вслух говорят, но сделать ничего нельзя... Какой-то вагончик в Венгрию отправили – так был скандал, три недели об этом по телевидению только и говорили, а в России отходы закапывают где угодно... Я им говорю: да мы знаем, только сделать ничего не можем, хотя даже законы есть... помогите нам!

Я думаю, то, что предлагает Альперт – это все-таки очень полезная мысль, несмотря на утопизм. Утопия ведь всегда была в русском сознании, хорошие элементы утопии всегда есть, их надо использовать.

*И. Е. – Так же, как и весь потенциал русской и мировой культуры необходимо актуализировать в деле разработки новой мировоззренческой парадигмы – В. А. Зубаков называет ее **экогеософской**, и на ее основе предлагает разработать единую концепцию экологического образования. Какие проблемы Вы видите на пути становления российского экологического сознания?*

Т. Г. – Сравнивая Запад и Восток, я бы сказала, что все-таки мы очень мало занимаемся экологией, и знаем об этой проблеме очень мало. У нас какой-то ужасный провинциализм; вот вода вроде пока есть, но мы не видим, что через три года будет совсем

по-другому, у нас тоже все будет отравлено. Озоновые дыры, таяние ледников, все это будет – мы не видим. В России господствует провинциальное сознание и безответственность. Это ужасное состояние наших умов – как бы все знаем, но ничего не делаем.

И. Е. Отторжение негативной информации по «Принципу страуса»?

Т. Г. – Это какая-то внутренняя безответственность... Я очень люблю русского человека, но... эта внутренняя безответственность, инфантильность – она чудовищна у нас... А что на Западе? Психотерапевты, психоаналитики говорят: делай, что хочешь, – а человеку ничего не хочется делать. Он просто потребляет без всякой радости. Это тоже состояние безответственности – завтра не помнишь, что сделал сегодня... Тип человека, который сейчас растет – с полностью отключенным правым полушарием, которое различает духов, выбирает... Рождаются киборги, их не надо делать, они уже такие есть: вместо памяти у них – «Информация», непонятно, кем записанная...

Существует проблема духовности, иерархии ценностей, которую мы забыли. Проблема экологии вписывается в круг проблемы иерархии духовной и проблемы личности – потому что личность исчезла. Это очень серьезно. Страшно, что мы катимся все дальше и дальше в этом направлении, и что люди об этом не задумываются. Хотя многие этим занимаются, понимают и пытаются что-то сделать, но они не могут переломить ситуацию...

И. Е. – Здесь возникает еще одна философская проблема. Вот у В. А. Зубакова есть прогноз на будущее, он очень мрачный, и, казалось бы, достаточно, чтобы люди об этом узнали и «взялись за ум». Но сам ученый считает необходимым не только проин-

формировать о грозящей опасности, но и выработать положительное экологическое мировоззрение. И Т. В. Холостова также пишет в своей статье, что на одной негативной информации о состоянии окружающей среды мы экологического сознания не воспитаем. Наша программа называется «Экологическое сознание – XXI век», и вообще, понятие «экологическое сознание» уже стало каким-то очень расхожим термином, и в то же время – а что это такое? На нашей конференции, где собрались философы и ученые, эта проблема была только обозначена, но не решена. Что такое «экологическое сознание» – идеология, наука, религия, квазирелигия, или какая-то промежуточная сфера?

Т. Г. – Мне кажется, что это, прежде всего снятие дуализма, который заложен во всех понятиях: идеология, религия и т.д. – это все дуалистические понятия, как бы разделяющие людей на верующих и неверующих... На самом деле это относительные разделения, как «материализм» и «идеализм» – вещи которые исчезли, они не существуют больше. Я считаю, что экологическое сознание – сознание целостное, это прежде всего переживание целостности мира. Оно до сих пор присуще животным, у них нет разделения на «мир окружающий» и на «меня», а у человека при рождении есть это разделение – он уже чувствует себя враждебным этому миру, и ему трудно преодолеть враждебность, он становится агрессивным потребителем. Преодоление дуализма – и есть «экологическое сознание». То есть, это уже и не сознание, это даже подсознание больше. Сознание ничего не преодолевает, а надо преодолеть свою фрагментарность, шизофрению, агрессивность, свои механизмы защиты – все это надо уничтожить.

Учителя нашей Церкви призывают возвратиться в рай, когда не было «кожаных риз», когда не было даже «выбора», человек жил свободно, не выбирая, потому что общался с Богом, был открыт Богу и всем тварям. Адам давал имена всем тварям и был первым епископом всех тварей – и животных, и растений, они и сейчас не преступают никогда своих иерархических норм. Рождаются – и живут в окружающей среде, на максимуме открытости этой среде – и она им открывается. Мы, напротив, начинаем свою жизнь с вражды...

И. Е. – Может, потому эпоха идеологий завершилась, идеологии умерли, что идеология – это и есть выражение всех дуализмов, преодоления которых сегодня требует от нас сама жизнь?

Т. Г. – Как и всякий «изм», всякая идеология – это ограничение, изоляция. Сейчас никакой изоляции не может быть, все слилось... Х.У. фон Бальтазар писал о св. Максиме Исповеднике, он назвал свой огромный труд «Космическая Литургия». Максим Исповедник говорит: созерцание природы – это уже Евхаристия... Вместо гносеологического субъект-объектного отношения здесь партиципация (участие) – не иррациональное растворение в природе, не подчинение ей и не завоевание ее, а **литургическое соединение**. Все пронизано Богом, все полно «нетварных энергий» – и это не пантеизм, это очень **личностное отношение**, которое замечает каждую тварь, каждую былинку... Вот статья Игошиной о беременности: даже маленький зародыш вмещает в себя весь Космос и все чувствует, и рождается человек уже больной, если нет этой литургической партиципации...

И. Е. – Опыт, практика, «общее дело», а вовсе не то, что нам предлагают некоторые «общественные деятели» – путь идеологизации религии. Мол, из христианства слепим идеологию – и все будет здорово! Это путь гибельный, конечно, не для религии – ибо Бог поругаем не бывает! – а прежде всего для самих тех, кто на него вступил... Наш подход, путь нашего творческого коллектива, сложившегося вокруг альманаха, научно-образовательного клуба «Экогея – Дом Земля», научной программы «Экологическое сознание – XXI век» – противоположный. Кроме разработки научных аспектов, которые, безусловно, очень важны, мы стремимся обратить внимание каждого человека на его личностный опыт, чтобы он не только овладел какой-либо новой информацией, но и изменил свое отношение к окружающему миру. В этом же, как я понимаю, было и основное значение Вашей книги «Святые животные». В этой книге Вы не пытались сформировать какую-то новую идеологию, а произвели деконструкцию ложных идеологических мифов, сложившихся вокруг христианской интерпретации экологических проблем. И в самом деле, ведь многие христиане Вашу книгу не приняли, причем совершенно безо всякой аргументации, просто «не наша» – и все тут! Для них экология – это новая «языческая» религия, вредная ересь, которой место на костре, вместе со всем остальным миром, и чем скорее, тем лучше...

Т. Г. – Мне тяжело, что моя книга читается в первую очередь нехристианами, я даже получила восторженные отзывы от язычников, ведь я – насквозь христианка, православная христианка, как я сама о себе думаю... И вдруг какие-то неоязычники решили меня сделать своим идолом... Это смешно! Я писала эту книгу

не просто так, из какого-то непонятного состояния, я основывалась на текстах Св. Писания, на Предании, на трудах Отцов Церкви – свв. Макария Великого, Симеона Нового Богослова, Максима Исповедника... Очень тяжелая ситуация у нас в России с некоторыми людьми, которые ходят в церковь и считают себя «православными», они убеждены, например, что держать собаку в доме – это страшный грех, и все наши грехи якобы от этой собаки. Это настолько абсурдно, нелепо, глупо, болезненно; это идет от ветхо-иудейской и от мусульманской традиций, но в христианстве не может быть, чтобы собака была врагом. В иудаизме так потому, что собака очень любит человека, она его обожествляет – и они этого принять не могут. Что произошло? Больные, закомплексованные люди, вместо марксизма и коммунизма они вдруг «нашли» Православие (ничего в нем не поняв и не пережив), вместо буржуазии избрали врагом собаку. **Мы им Православие просто так не отдадим.** В нашей традиции такие богатства и такие сокровища, что мы не имеем права ее замалчивать.

*И. Е. – Уж если мы заговорили о «комплексах», то нам придется проанализировать еще один. Так, В. А. Зубаков, как и многие экологи, считает, что без значительного сокращения народонаселения на планете нам из экологического кризиса не выйти. К сожалению, некоторые коллеги совершенно некорректно обвиняют его в «мальтузианстве», даже «фашизме», хотя ученый предлагает именно **сознательные, ненасильственные** методы депопуляции. Если вспомнить историю вопроса, то еще в XVIII веке французский просветитель Кондорсе предложил **сознательное** регулирование рождаемости как способ разрешения социальных*

проблем. Его взгляд потом исказил Мальтус. И, к сожалению, последний оказался гораздо большим «реалистом» – история пошла «по Мальтусу», с регулированием народонаселения через войны, революции, эпидемии... На пороге нового тысячелетия уже очевидно, что дальше «по Мальтусу» ехать некуда, «естественные» механизмы уже не справляются. И вот сегодня здравый смысл подсказывает людям, что нет другого выхода из кризиса, кроме как вернуться к гармонии с природой, хотя бы в демографическом отношении, и планирование семьи становится сознательным образом жизни и в западных странах, и в нашей стране. У меня к Вам вопрос не только как к православному философу, но прежде всего как к практикующей верующей: стоит ли Церкви противодействовать этому позитивному в экологическом плане процессу?

Т. Г. – Я знаю православных священников, которые благословляют использование контрацептивов. В Православии брак вообще **не сводится к идее деторождения**, как у католиков, у которых первородный грех – это грех сексуальный, первородный грех передается через секс, и чтобы его искупить, надо родить (так бы это все просто было!). Для нас брак – это малая Церковь, это предчувствие рая без всяких утилитарных последствий. То есть, они, конечно, могут быть, и хорошо, если дети есть, ребенок – дар Божий, но это все же не обязательно в нашей традиции. Я могу искренне сказать, что я никогда не хотела иметь детей, я чувствовала свое призвание как православного воина, и Бог дал мне возможность реализовать мое призвание. У каждого человека – свое уникальное служение, своя судьба, и Православие очень чутко относится к уникальности, неповторимости чело-

века, у католиков это потеряно. Но, к сожалению, в последнее время, путешествуя по нашим монастырям, я наблюдаю другую тенденцию: многие батюшки запрещают контрацептивы, говорят, что надо рожать как можно больше...

И. Е. – И не важно, что потом этим детям негде жить, нечего есть, нечем дышать...

Т. Г. – И если женщина делает аборт, то эти батюшки, которые сами боятся женщин, инфантильны, ничего не пережили, – они шельмуют только женщину, а не мужчину, как будто мужчина никакой ответственности не несет. Почему мужчину не спросят: сколько женщин он послал на аборт?

И. Е. – Кстати, аборт вообще не имеет никакого отношения к проблеме депопуляции. Врачи-специалисты знают, что больше всего внеплановых детей рождается как раз у женщин, злоупотребляющих абортами.

Т. Г. – Аборт – это грех, убийство, но мы сейчас имеем возможности, имеем разум не доходить до этого. Но вот Папа Иоанн Павел II, которого я очень уважаю, запрещает даже презервативы. Я была в Латинской Америке, видела беременных женщин, окруженных пятью-семью детьми, дерущимися из-за одной булки – там по четвергам при храмах выдают несколько булок на 100 женщин, и при этом запрещены все контрацептивы. **Это – страшная политика.** В Европе – по-другому, там они даже если и католики, то все равно не рожают, они лгут, энциклики читают, Папу приветствуют – и делают, что хотят. Это – страшное лицемерие, и в России его вводить не надо. Русский народ – очень искренний, искренность – единственное, что у него осталось, и не надо нам этого лицемерия. Сейчас много рожают в основном

клошары, алкоголики, кому наплевать, есть дети или нет, и эти дети заражены с рождения всеми болезнями и пороками. Ведь это так ответственно – дать жизнь человеку...

И. Е. – Единственный «аргумент» у христиан, выступающих против депопуляции – это совершенно некорректная ссылка на библейский завет Господа: «Плодитесь и размножайтесь». Завет был дан Богом, когда стоял вопрос о выживании человека как биологического вида во враждебном окружении. Сегодня ситуация обратная – биосферу надо спасать от «расплодившегося» человека.

Т. Г. – У каждого времени свои законы. Господь Сам не был женат, и это для того времени было очень «революционно»... И сейчас, когда Земля перенаселена, иссякает вода, вырублены леса, истощена почва... я не за Мальтуса, но надо понимать, что ты живешь не только для себя, для своего эгоизма... Потому что, по моим наблюдениям, большинство рождает для того, чтобы ребенок воплотил то, что они не воплотили... изживают свои комплексы. «Мой ребенок будет гениальный!». Дети почему-то должны воплощать «идеалы» родителей, просто как личности они ценности не представляют... А потом начинается: я тебе все отдала, а ты... Заводят себе игрушку, объект идолопоклонства, предмет садо-мазохистского потребления. Почему-то православные семьи, которые я видела – это или тюрьма, или психиатрическая больница. Заставляют молиться перед едой, а девочка вырастает и выбрасывается из окна или становится проституткой. Мы видим брошенных стариков – где их дети? Рожают, чтобы под старость не остаться в одиночестве – и умирают в богадельнях или избитые пьяными детьми.

И. Е. – Таким образом, мы совершенно органично перешли с экологической проблемы на нравственную, тем самым подчеркивая их глубинное органическое единство.

Т. Г. – Все связано в этом мире, тем более экология – если она обособляется, то превращается в секту.

И. Е. – Об этом последний вопрос. Вы хорошо знаете западные экологические организации, а также имели «удовольствие» пообщаться и с некоторыми нашими, и Ваше имя даже пытались связать с какими-то нашими группами – как Вы оцениваете тех и других, есть ли у них что-нибудь общее?

Т. Г. – Я очень мало общалась с нашими – слава Тебе, Господи! Опыт такой негативный, что и вспоминать не хочется. У меня слишком мало времени, чтобы во всем этом разбираться. Но у меня проблема – кому помочь? Я должна знать, куда на самом деле идут деньги, которые нам жертвуют наши западные друзья. Вот наше Общество защиты животных поддерживают очень благородные люди на Западе...

И. Е. – То есть Вы и Ваши друзья предпочитают поддерживать людей, которые делают реальное дело, а не тех, кто болтает и «самовыражается»...

Т. Г. – Западные общественные экологические организации делают великие дела! Это «зеленые» и зоозащитники в Германии, других протестантских странах – эти страны сейчас особенно «экологичны»; гораздо меньше – во Франции... В Англии коров возили на бойню в страшных условиях. Они по дороге умирали в мучениях. Несколько женщин даже бросились под машину, одну переехала машина. Это подвижники, великие люди, потрясающие личности! Я восхищаюсь тем, что экологи и защитники

животных делают на Западе. Они борются против богатейших людей мира, рискуют жизнью. Там есть и «экологический терроризм», и я его приветствую, я сама по натуре – хулиган. А что остается делать? Я бы и сама бросилась под ту машину с коровами! Потом показывали по телевидению, как на бойне коров, свиней просто бросают с 10 метров, они ломают ноги... «Зеленые» все сняли скрытой камерой. Это очень высокий уровень – и профессиональный, и нравственный.

У нас я познакомилась с некоторыми из тех, кто именует себя «зелеными», это люди, не способные не только к экологии, а и вообще ни к чему, больные люди, которых можно лишь пожалеть. Они сами антиэкологичны. А ведь сейчас очень просто все испортить. В такой страшной ситуации, как Россия, не находится ни одна страна мира... когда все уничтожается, искажается, подделывается... Сколько уже вышло «интервью» от моего имени в разных газетах, которые я не давала? Они знают, что мне некогда с ними разбираться и пользоваться...

И. Е. – Спасибо за интересную беседу, и до новых встреч!

ТЕПЛОТА БЫТИЯ

Беседа с Т. М. Горичевой корреспондента И. Ефимовой

И. Е. – Уважаемая Татьяна Михайловна, сегодня мы продолжим темы, затронутые в нашей первой беседе. Процессы, происшедшие в российском обществе за последние полгода, на взгляд многих наших собеседников, продемонстрировали крушение всех традиционных идеологий. Может ли экологическое сознание, искомая нами экогеософская парадигма, претендовать на то, чтобы хоть в какой-то мере заполнить создавшийся мировоззренческий вакуум?

Т. Г. – Я не думаю, что сейчас можно говорить о каких-то очень больших перспективах влияния экологически ориентированной мысли на социальные процессы, ибо в России, как мы говорили раньше, совершенно нет экологического сознания. Если сравнить Россию с Францией, с Германией, другими странами – у нас почти как Китай, в Китае тоже нет экологического сознания. У нас тяжелая ситуация, очень трудно будет пробить то, что почти непробиваемо. По телевидению показывают кадры «Гринписа» – трагические, жуткие кадры: в нефти погибают птицы, животные... Но у нас в стране я не вижу пока людей, которые бы прониклись этим, как чем-то таким серьезным, как когда-то прониклись коммунизмом, сейчас – «демократией»...

Сейчас идет игра на образах, телевизионных образах, а не на вербальном, мировоззренческом уровнях. И какие пласты коллективного бессознательного активизируются – еще надо разо-

браться. «Бессознательное содержит все аспекты человеческой природы – свет и тьму, красоту и безобразие, добро и зло, мудрость и глупость» (К.Юнг. Архетип и символ, 1991, с. 94).

Экологическое сознание не должно быть лишь теоретической доктриной, нужно иметь систему образов, систему семантически артикулированных слов... нужно обращаться к чувствам, архетипам... Вызвать у людей сострадание, жалость, которые в советское время считались неприличными... и сейчас они неприличны для «новых русских», у них нет жалости, сострадания... Но есть люди, которых это волнует. Таких образов, к сожалению, очень много... показать брошенную собаку, корову на бойне. Вчера я видела: собака билась в чумке на Невском... этого достаточно, чтобы воздействовать на меня и на многих людей. Вот у нас старички и старушки кормят собак и котов из своих нищенских пенсий.

И.Е. – В нашей прошлой беседе Вы говорили об изначальной ущербности интеллектуальной рефлексии, раскалывающей целостное существование на «субъект» и «объект», «феномен» и «ноумен»... Но не есть ли такой подход антифилософский. Ведь философия, по мнению многих, именно и начинается с такого разделения? Так ли это, или у нас просто пока не получила достаточного распространения философия, изначально не декларирующая все эти «оппозиции»? Кто из философов сумел их преодолеть, или же изначально исходил из какой-то иной, не раскалывающей сознание интуиции? Например, сегодня многие говорят о Хайдеггере как о самом «экологичном» философе... Экология сегодня стала одной из ключевых тем постмодернистской философии...

Т. Г. – Дуализм, о котором мы говорили, давно уже исчез в современной философии. **«Субъект», «объект» – эти слова стали неприличными уже в начале века.** Например, феноменология Гуссерля пыталась преодолеть субъект-объектный дуализм через «интенциональность», как мы знаем... «Я» смотрит на предмет, любая мысль связана с предметностью, здесь нет никакого дуализма. Через интенциональность соединяются бывшие «субъект» и «объект».

У Хайдеггера вместо субъекта, «я», *cogito* мы находим слово *Dasein* – «тут-бытие». И это бытие принадлежит миру, бытие-в-мире, оно абсолютно открыто миру... У Хайдеггера есть такая очень «экологичная» мысль, что самое близкое – это самое далекое, а самое далекое – это самое близкое. Все происходит в интимности пространства, этого «тут-бытия»... Хайдеггер даже не говорит «человек»... слово «человек» в современной философии даже не произносится – слишком непонятно, что это такое...

Хайдеггер не был в России. Но он был в Греции и считал, что здание Греческой Церкви – это и есть «Дом Бытия»... та **теплота бытия**, та аура бытия, о которой он мечтал, о которой он писал... Он нашел себя там... и вот наша Русская Православная Церковь, наши храмы, которые обязательно вписываются в пейзаж, как высший символ местности... с озером, долиной... они очень экологичны... И в философии Хайдеггера большое значение имеет «творческий ландшафт»...

Сейчас многие философы стали «экологичными»... Я недавно читала книжку Ферри, например, – это известный философ во Франции... Гуаттари... все почти пишут об экологии... Я живу в Париже напротив Центра Помпиду, в котором все внутреннее

вынесено вовне – все трубы, все внутренние коммуникации. Все это страшно выглядит. Французы его не любят, но это Центр – символ постмодернистской мысли, постмодернистского сознания. Потому что внутреннего и внешнего не существует, как не существует субъекта и объекта. Все, что внутри – то вовне, все, что вовне – то внутри. То есть какая-то целостность мировоззрения – она постмодернизму присуща. Хотя весь он распадается на эклектические кусочки, но эта целостность, когда нет ни внутреннего, ни внешнего, ни субъективного, ни объективного, когда нет отчуждения, присуща постмодернистскому – не только философии – но и вообще мировоззрению. Мы живем в постмодернизме, хотим мы этого или нет, находимся под его иногда нейтральным, часто негативным, а иногда и положительным влиянием.

И. Е. – Некоторые Ваши читатели, православные, воцерковленные люди, которые очень ценят Вас как философа и писателя, тем не менее, считают, что Ваши взгляды не имеют отношения к православной духовной традиции, и намного ближе, например, к ницшеанству... Как бы Вы это прокомментировали?

Т. Г. – Касательно моего «ницшеанства» – оно есть, конечно. Но Ницше, как кто-то сказал – самый русский философ. Многие русские мыслители прошли через Ницше и любили Ницше, считали его родным. Я тоже его считаю очень родным философом и родным человеком. У него главная тема – тема страдания. Ведь он сошел с ума, как Раскольников в том сне, который он видел перед убийством старушки – обнял лошадь, которую били на улице... И когда он уже много лет сидел в психиатрической больнице, то подписывался вместо своего имени – «Распятый».

О страдании он всегда много писал – и пытался его скрыть, потому что слишком сильно сострадал, потому что всякое настоящее страдание апофатично... И в нашей православной традиции самая сильная боль всегда скрыта... Ницше сам много страдал. Страшное одиночество, страшные болезни... он пере-страдал болью всего мира. Ницше отказался от научной карьеры, от всякого комфорта. Он был лучший в мире филолог в сфере античности уже в 26 лет... Он отказался от всего частного бытия, чтобы переболеть болью всего мира и прийти к истине. Этот человек мне необычайно дорог.

И Ницше дорог нам еще тем, что он – один из философов жизни... мы же говорим об экологии как о благоговении перед жизнью... Ницше выступал против усредненного европейского буржуа. Почему он против христианства выступал? Потому что это не было христианством – это было рациональное морализаторство. Он вышел из протестантской среды: это было жуткое, как бы удешевленное христианство абсолютно рационализованного, «последнего» человека, который «имеет свое маленькое наслаждение ночью, – как пишет Ницше, – и маленькое наслаждение днем», который все время моргает... и убил Бога, фактически. Против этого «христианства» Ницше и выступал. Это было «христианство смерти». Философ говорил: вы, христиане, почему-то не выглядите слишком освобожденными, слишком радостными. Действительно, когда я встречаю некоторых западных христиан... я даже стала бояться слишком большого благочестия... чем больше «веры», тем мрачнее их лица. Это началось в XIX веке. У нас тоже, к сожалению... когда в церковь идешь, очень мало радостных лиц, свободных, освобожденных...

Ницше все это видел. Его преклонение перед жизнью, конечно, имело свои слабые стороны: слишком много биологизма... Он боролся с позитивистами, но сам редуцировал жизнь до биологии, до силы. Мы же понимаем, что жизнь – это Христос. Сам Господь сказал: «Я есмь Путь, Истина и Жизнь». Жизнь для нас – это Христос. Конечно, Ницше редуцировал жизнь... ему было не соединить все разорванные экстремы своей души... Но он пытался их соединить... поэтому я защищаю Ницше как философа пути. Кто выразил свою любовь к Богу так, как он в «Заратустре»: «Вернись назад. Все мои слезы текут к Тебе. Вернись назад, мой незнакомый Бог, моя последняя боль, мое счастье». А у нас такой стереотип сложился, что Ницше – это «борец с христианством»... Мы и сами должны почаще бороться со своими ограниченными представлениями о Боге... Надо видеть истину Бога за Богом – это великая православная традиция. Не надо принимать человека, который все время поминает Имя Божье всуе, за христианина... Но я – христианка все-таки, а не ницшеанка, надеюсь... Я все-таки знаю, что такое христианство, хожу в церковь, исповедуюсь, причащаюсь.

И. Е. – Еще одна проблема религиозного сознания. Вы отмечали, что утопия имеет и свои положительные стороны, и их надо использовать в процессе формирования экологического сознания. Вопрос об утопии широко дискутировался в русской религиозной философии: с одной стороны, это взыскание «Небесного Иерусалима», а, с другой стороны, «ересь утопизма» (С.Франк), строительство очередной Вавилонской башни, «рая на земле»...

Т. Г. –Пока всегда выходило так, что утопия превращалась в антиутопию. Все самые светлые мечты всегда оборачивались

адам... коммунизм, гитлеровская утопия... Утопия платоновского «Государства» обратилась в Освенцим.

В русской философии, в русской душе есть утопичность... Бердяев говорил, что русский человек – или нигилист, или апокалиптик, кто-то из французов тоже сказал: или Апокалипсис, или утопия... Апокалипсис – это очень тяжелая вещь, приговор нашим всем действиям: все кончается, все плохо, конец света сейчас настанет. Многие люди этим живут и отсюда берут негативную энергию злобы, ненависти, страха...

А утопическая энергия не всегда негативна... 1968 год, например, во Франции – это был праздник, это была попытка установить справедливость, освободить людей от страхов, от загнанности в капиталистические механизмы, потому что капитализм абсолютно античеловечен...

В русском сознании утопизм всегда был жив, и, конечно, Россия более других открыта будущему, более «детская» страна... Мы еще не состоялись. У нас очень большой потенциал, но еще не реализованный... Мы должны объединить Восток и Запад, мы еще не нашли себя. У меня, когда я путешествую по разным странам мира, все время ощущение, что мы – молодая страна, несмотря на то, что русский народ сейчас, кажется, погибает... Поэтому мы должны мечтать... Надо мечтать, надо дерзать. Слово «дерзновение» непереводимо ни на один западный язык, ибо оно исчезло как состояние. Есть дерзость как бунт, кураж... Дерзновение соединяет в себе веру и смелость, смирение и смелость... И вот наше дерзновение в экологическом плане очень важно, потому что мы стоим перед глобальными проблемами, которые объединяют все остальные проблемы: Запада и Востока,

экономические, социальные, нравственные – проблемы жизни и смерти. Здесь мы должны дерзать...

И. Е. – Некоторых наших читателей смутила наша конфессиональная ориентация. Но «экологическую традицию», свидетельство о ценности Божьего творения, можно найти в каждой традиционной конфессии (только секты антиэкологичны «по определению»), и у католиков есть св. Франциск Ассизский, сказавший: «брат волк», «брат камень»... Я помню, Вы читали Коран и нашли в нем яркие выражения «экологического» мироощущения...

Т. Г.: – В аутентичном исламе, в Коране, в сурах мы находим высказывания о том, что Бог, Аллах создал все, и поэтому все священо. Мы имеем прекрасную, величайшую исламскую лирику, космическую поэзию... Я очень люблю читать исламских поэтов... В исламской традиции нельзя бранить ничего, что создал Бог. Нельзя даже сказать: плохая погода, плохая вода... у них изначально есть благоговение перед всякой тварью, созданной Богом. Конечно, в обыденной жизни это искажается, но в священных текстах оно есть. У нас тоже ведь, например, св. Кирилл Белозерский своим монахам предписывал: нельзя бранить плохую погоду, ворчать, мол, дождь, снег... Но у нас это даже реже можно встретить, чем в исламе – там все, что создал Аллах – все священо. Есть всякие предписания о том, что надо экономить, нельзя эксплуатировать природу, нельзя жить в роскоши, что-либо напрасно уничтожать...

Но в историческом исламе, как и в историческом христианстве, естественно, существуют всякие извращения. В южных странах, и не обязательно только в мусульманских, мы часто видим же-

стокость: и в Греции, и в Болгарии я видела, как выбрасывают животных, бьют собак. Это юг, и от конфессии не зависит...

Когда я читаю Коран, меня потрясает: «Милосердный Бог»! Слово «милосердный» все время повторяется... это так трогательно...

ЖИВОТНЫЕ КАК АРХЕТИП СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В пустыне Господь жил с ангелами и животными. Пустыня – это наш сегодняшний мир, где время остановилось, где пережиты все утопии и идеологии, где мы живем после смерти или после оргии.

Ангелы и животные неподвижны и закончены. Их проще всего описать архетипами.

Мы утверждаем: архетип животного является на сегодняшний день актуальнейшим способом перехода бессознательного в сознательное. В былые, менее «экологические», времена этот переход воплощался в маргинальных фигурах изгоя, преступника, проститутки, демона, дикаря. Или клошара, женщины, еврея, гомосексуалиста. Таковы традиционные «козлы отпущения». Сегодня уже никто не будет романтизировать эти группы и меньшинства. Они вполне выразили свои требования и добились своих прав. Женщины мощно заявили о себе. Дикарей теперь держат только затем, чтобы показывать пресыщенным туристам. Клошары умирают с голода и холода по собственному желанию, проституция стала обычным делом, а в некоторых странах даже престижным. Следовательно, маргинальные, амбивалентные, таинственные существа более не обитают в мире людей.

Амбивалентность необходима для перехода бессознательно-го в сознательное. Карл Юнг, описавший архетип Предвечного Младенца, подчеркивал, что этот Младенец и абсолютно мал, и абсолютно могущественен. Наилучшим подтверждением этому

служит предание о святом Кристофоре, который переносил через реку младенца, и Младенец-Христос был тяжелее всего мира.

Амбивалентность подчеркивает и теория Рене Жирара, говорящая о том, что «козлы отпущения» сначала убивались, а затем обожествлялись. Начало и конец совпадает. Мы пришли к началу третьего тысячелетия. Богословы, философы, социологи, поэты, – все говорят о последних и даже постпоследних временах. А последнее время совпадает с началом.

Еще в начале XX века Мандельштам писал: «В жилах нашего столетия течет тяжелая кровь чрезвычайного отдаления монументальных культур, быть может, египетской и ассирийской» (О. Мандельштам. «Девятнадцатый век»). В работе «Слово и культура» Мандельштам, описывая голодные времена начала века, как бы пророчески приветствует то, к чему мы приходим сегодня. «Трава на петербургских улицах – первые побеги девственного леса, который покроеет место современных городов. Эта яркая, нежная зелень, свежестью своей удивительная, принадлежит новой одухотворенной природе. Воистину Петербург – самый передовой город мира. Не метрополитеном, не небоскребом измеряется бег современности: скорее веселой травкой, которая пробивается из-под городских камней».

Немецкий философ Петер Слотердаjk, вслед за Бодрияром, Вирильо и многими другими, утверждает: «Наша культура питает себя вневременными темами, мифами. Наши *stories* функционируют точь-в-точь, как мифы. Даже «Новости» заполнены вечно повторяющимися темами... Миф – это такое описание мира, в которое не входит ничего нового» («Самопопытка». Разговор Слотердаjка с Карлосом Оливейра).

Древний Египет дает сегодня особенно много материала о достойном обращении с животными.

В Египте животные были посредниками между Богом и людьми. Вплоть до 2800 г. до Р.Х. фараоны носили имена животных. Животное нельзя было мучить. Если на животное охотились, то предварительно, через ритуал объявляли его врагом. Только так можно было его убить.

То же отношение находим у кроманьонца. В звере первобытный человек видел представителя божественной силы, которую нужно почитать. Перед охотой у животных просили прощения. С приручением животных – это произошло во время так называемой «неолитической революции» – человек приручил и себя. Контроль над дикими животными сопутствует отныне контроль над своими страстями и порывами. Человек начинает относиться к своему подсознательному с недоверием. Он называет его «звериным».

Но мы, стоящие в конце времен, возвращаем себе животное как друга и соседа. Наше время обнаружить преступную природу всяких дуализмов, неврозов и раздвоений.

Антропоморфизм окончательно потерпел поражение. И место «козла отпущения» занимает поруганная Земля и ее невинные твари. Особенно в наш двадцатый век животные разделяют все страдания человека и страдают бесконечно больше, чем защищенный человек. Так, адом для животных стали научные эксперименты. Животные становятся жертвой «передовой» науки, как когда-то в гитлеровских лабораториях такой жертвой были евреи и цыгане.

Животное изначально амбивалентно. Хайдеггер пишет: «Наверно, из всего сущего всего труднее нам мыслить о животных.

С одной стороны, животное некоторым образом – наш ближайший родственник, а с другой стороны – животное отделено целой пропастью от нашего экзистирующего существа... Почти не постижимое для мысли, обрывающееся в бездну лесное сродство с животным».

Современная культура переполнена спектаклями, фильмами, романами, в которых животные играют главную роль. Так, популярен спектакль о жене, превратившейся в лису, и о муже, следовавшем за этой лисой в ее лес. Огромной популярностью пользуется и фильм о поросенке, который управлял фермой. Первое место среди бестселлеров заняла книга Мари Дарьесег «Трюизмы», написанная от лица свиньи. Вспомнить можно, Слава Богу, о многом.

Попытаемся перечислить некоторые характеристики, которые позволяют животному стать архетипом в современной жизни и культуре.

1. Райскость

Животные не предали Бога, они остались в раю, хоть и последовали вслед за согрешившим Адамом.

«С ними Христос еще раньше нашего» (Достоевский). Прочитируем из «Братьев Карамазовых». «Посмотри, – говорю я ему, – на коня, животное великое, близ человека стоящее, али на вола, его питающего, или работающего ему, понурого и задумчивого, посмотри на лики их: какая кротость, какая привязанность к человеку, часто бьющему его безжалостно, какая незлобивость, какая доверчивость и какая красота в его лике. Трогательно даже

это и знать, что на нем нет никакого греха, ибо все совершенно, все, кроме человека, безгрешно, и с ними Христос еще раньше нашего». – «Да неужто, – спрашивает юноша, – и у них Христос?» – «Как же может быть иначе? – говорю ему, – ибо для всех Слово, все создание и вся тварь, каждый листик устремляется к Слову, Богу славу поет, Христа плачет, себе не ведомо, тайной бытия своего безгрешного совершает сие. Вон, – говорю я ему, – в лесу скитается страшный медведь, грозный и свирепый, и ни в чем-то в том не повинный».

Заглянуть за грань грехопадения – задача, которую ставили многие русские мыслители. Рай – это будущее, о котором можно вспомнить, и прошлое, полное надежды. Рай – теплота материнской утробы, где нет тяжести, агрессии, жестокости. Розанову удавалось сказать о рае наиболее искренне и точно: «Часто я думаю, что для этого надо просто обниматься с животными, носить их на руках (дети вечно носят кошек на руках). Великое дело – припасть ухом к груди доброй коровы, новая теплота, новая жизненная теплота, как бы не нашей планеты, без категории еще грехопадения. Великому мы можем научиться из вздохов животных. И смешно, а как мило! Проницание и невинный животный мир достиг бы осязательности и действенности, если бы иногда человеческие матери, так сказать, менялись детенышами с матерями животных».

Современный немецкий богослов Ойген Древерман по-новому трактует библейский эпизод надения животных именами. Часто в истории христианства считалось, что таким образом человек подчинил себе животных, включил их в свою судьбу. Древерман делает акцент на другом: прежде чем получить в дар

Еву, Адам должен был воспитать в себе нежность, сострадание и любовь, общаясь с животными, как со своими Другими (со своим Другим). Вершина райского брака достижима через любовь ко всем тварям. Таким образом, можем дополнить классическую формулу Святых Отцов – Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом через обожение и всего тварного мира.

От Оригена идет формула – животные не «образ», а отражение. Животные созерцаются нами сегодня поистине в обратной, иконной перспективе. Их безгрешность, их страдание, их райская красота предельно приближают это отражение к образу. И по образу мы можем судить о Первообразе. От созерцания образа к Творцу. Вот аргумент иконопочитателей. Природоборчество и иконоборчество идут рука об руку. И не странно, что именно в православной традиции, устами святого Максима Исповедника сказано: «Через умное созерцание Творения мы получаем идею святой Троицы». У блаженного Максима созерцание творения приравнено к Евхаристии.

У отрицающих икону протестантов все было иначе: в XVII веке они запретили украшать рождественские ясли фигурками «лишенных разума» осла и вола.

Но сегодня протестанты, кажется, берут реванш. Именно в протестантских странах так развито экологическое сознание.

Тем печальнее, что мы, православные, имея сильную экологическую традицию, не откликаемся на зов времени, не болеем за Универсум.

2. Непредвзятость звериного видения

Животные молчат. Из молчания, только из молчания способно родиться великое, правдивое слово. Самая духовная практика христианства – исихазм – связана с молчанием.

Альфред де Виньи, французский поэт XIX века, любил охоту вплоть до того дня, когда его взгляд пересекся со взглядом умирающего волка. Четверо охотников окружили волка, который понимает, что пропал. Но волк идет навстречу врагам, жертвуя собой и защищая волчат и волчицу. Волк, истекающий кровью, молча умирает. Альфред де Виньи поражен этим волчьим достоинством и молчанием.

Hélas! ai-je pensé, malgré ce grand nom d'Hommes,
Que j'ai honte de nous, débiles que nous sommes!
Comment on doit quitter la vie et tous ses maux,
C'est vous qui le savez sublimes animaux.
A voir ce que l'on fut sur terre et ce qu'on laisse,
Seul le silence est grand; tout le reste est faiblesse.
-Ah! je t'ai bien compris, sauvage voyageur,
Et ton dernier regard m'est allé jusqu'au coeur.

(«Увы, я подумал, что, несмотря на великое звание «человека»,/ я стыжусь быть им, глупцы мы, люди!/ Только вы, возвышенные животные, знаете, как прощаться с жизнью и всеми ее бедами!/ Перед лицом жизни и смерти лишь молчание можно назвать великим./ Все остальное – слабость./ А, я хорошо тебя понял, дикий путник,/ и твой последний взгляд в самую глубь моего сердца»).

Альфред де Виньи – романтик XIX века. На рубеже тысячелетий мы еще больше ценим молчание. После смерти Бога, после смерти человека, после Гулага, Освенцима, Чернобыля, после смерти всех утопий и идеологий нам остается одно – «пустыня», та, что «растет» (Ницше).

И опять вспоминается Рильке. Сонеты к Орфею:

Da stieg ein Baum. O reine Übersteigung!
O Orpheus singt! O hoher Baum im Ohr.
Und alles schwieg. Doch selbst in der verschweigung
ging neuer Anfang, Wink und Wandlung vor.
Tiere aus Stille drangen aus dem klaren
gelösten wald von Lager und Genist;
und da ergab sich, daß sie nicht aus List
und nicht aus Angst in sich so leise waren,
sondern aus Hören. Brüllen, Schrei, Geröhr
schien klein in ihren Herzen.

(...Поет Орфей! О высокое дерево, пленившее слух!/ И все молчало. Но даже в молчании/ было новое начало. Намек и преобразование./ Звери рвались из тишины, из ясного леса,/ из нор и гнезда./ И было ясно, что они были тихие/ не из хитрости и не из страха, но потому, что слушали./ Рычание, крик, мычание стало для их сердец чем-то мелким...)

Животные слушают Бога. Они не нарушили заповеди и остались в послушании. Послушание – от слушания. Животные живут в обратной перспективе преобразования.

Животные достигают того, что недоступно человеку – их бытие абсолютно целостно, их переживания оформляются адекват-

но и точно. Юлия Кристева («Восстание и не-восстание») пишет о том, что у человека всегда присутствует разница между языком и переживанием. Даже самый маленький младенец не способен себя точно выразить. Поэтому человек – существо изначально утопическое. Животное же прекрасно выражает себя с самого начала.

Животное не лжет. Поэтому нас скорее умиляет хитрость животных, потому что она так далека от человеческих подтасовок.

Рене Жирар пишет о том, что вся ложь человеческого бытия сводится к существованию посредника. Человек в принципе, существо сравнивающее и завистливое. Он не способен к непосредственному, цельному жесту. Он и влюбляется только потому, что подражает действиям других или завидует образам, схемам, рекламе.

В отличие от всегда опосредованного человека, животное всегда непосредственно. Оставаясь в раю, животное всегда живет вечно настоящем. Господь, призывая к беззаботности, ставил нам в пример птиц небесных, что «не сеют, не пахут», что всегда живут в настоящем, с полным доверием к Создателю. Человек же не способен прочувствовать полноту мгновения, он бежит в прошлое или будущее. Забота – экзистенциал неподлинного. Поверхностного бытия. Так у Хайдеггера. Достоевский же сказал примерно так: я не встречал атеистов, я встречал только хмурых, суетливых людей. Людей заботы.

Кьеркегор в своей речи о «радости» говорит о божественно-радостно-безмятежном бытии полевых лилий и небесных птиц.

«Их проповедь Радости сводится к сегодня, к тому, что „есть“.

Есть лишь одно сегодня и абсолютно никакой заботы о завтрашнем дне. Так радуются лилия и птица не потому, что они легкомысленны, это радость тишины и послушания. Ведь если ты в торжественной тишине сохранишь молчание, заложенное в природе, то завтрашнего утра уже не будет. И если ты будешь в таком же послушании, в каком находится творение, завтрашнего утра уже не будет. Не будет неблагодатного завтра, изобретателя болтливости и непослушания.

Что же такое радость? Что значит – быть радостным? Ты присутствуешь со своей истиной, это „сегодня“, это то, что сегодня ты в истине...»

Лилии и птицы слышали слово апостола Петра. И поскольку они простые и доверчивые существа, они восприняли это слово буквально. И как раз эта буквальность помогает им. Невероятная сила заложена в этом слове, но только в том случае, если его воспринимают буквально. Если же его воспринимают не совсем буквально, то оно в большей или меньшей степени теряет свою силу, превращаясь в пустую словесную формулу. Нужно быть простым, чтобы воспринять его буквально. «Все заботы наши возложите на Него» (Петр, 1,5,7). Вот это, безусловно, и делают лилия и птица.

Рилке как никто другой понял звериную душу. Животное рискует больше, чем человек, потому что ближе к бытию, к его целому. В «Дуинесских элегиях» Рильке говорит: «Всеми глазами созерцает тварь открытое. Лишь наш взгляд извращен и ставит всему ловушки, окружая ими свободный выход твари. Лишь смотря в лицо зверю, мы можем узнать, что находится вне». Поэтому и молчит животное, ибо целое бытия – абсолютная тайна, по-

стигаемая лишь в молчании. Даже Зигмунд Фрейд предпочитал общество зверей всякому другому. Вот его слова: «Человеческому сообществу я предпочитаю общество животных. Конечно, дикое животное жестоко. Но пошлость – это преимущество лишь цивилизованных людей».

«Я думаю, я могу идти к животным» – так называется стихотворение Волта Уитмена.

И жить с теми, кто так тих
и совершен в себе.
Я долго стою и смотрю на них.
Они не стонут и не жалуются,
Какой бы тяжелой ни была их жизнь...
Они довольны. Ни одно не захвачено
Жадностью. Они счастливы.
Ни одно не пресмыкается перед другим.
Хотя бы оно и жило уже тысячелетия.
Ни одно не думает, что оно лучше всех других.
Нет скульптуры благородней, чем корова,
Что, мечтательно наклонив голову, жует,
А сколько чудес у мыши, их хватит
На то, чтобы обратить сотню неверующих.
Я – как они. Они – как я,
Я знаю об этом и рад этому...

Животное – это Друг и Другой. Не зря, иллюстрируя примерами свою книгу «Я и ты», Мартин Бубер говорит о встрече глазами с животными, о глубоком понимании между человеком и зверем. И обличитель людских жестокостей Шопенгауэр восклицает:

«Смотря на животных, мы испытываем восторг. Это происходит оттого, что мы видим собственную сущность, только в упрощенном виде».

В мире, где все стало искусственным и ненастоящим, где оболочка и упаковка важнее содержания, где асфальт задушил траву, в мире исчезновения жизни звери просты и бесконечно счастливы и благодарят Бога за одно только то, что живут. Они для нас пример и образец.

3. Искупление. Вселенская жертва.

Сострадание – в этом все христианство. Так думал Достоевский. Все за всех виноваты.

Брат старца Зосимы молился за птичек, просил у них прощения. В русском языке есть еще одно слово – жалость. Сострадание жалит, оно сжигает, оно вовсе не относится к пассивно-созерцательным чувствам.

Перед убийством старушки Раскольников видит сон, как на смерть засекают клячу. Этот сон – предупреждение, которое, увы, не было услышано. У Достоевского часто ставится вопрос теодицеи. Иван Карамазов не принимает этот мир, потому что в нем льются слезы невинных детей. Он отдает билет обратно. Но Достоевский – не Иван. Да, чужое страдание вынести подчас тяжелее, чем собственное. Невыносимо страдание животных, которые ни в чем не виноваты и не могут постоять за себя. Но мысль Ивана можно перевернуть: несмотря на все страдания невинных, мы продолжаем жить, и не имеем права «возвратить свой билет». Именно эта чудовищная жертва говорит о тайне Бога, о непости-

жимости Его замысла о Своей твари. Поэтому сон об избиваемой кляче должен был бы привести Раскольникова к мысли о Боге.

Леон Блуа говорит о подвиге искупления, который взяли на себя страдающие твари. «Человеческий род словно бы предал забвению то, что все, способные страдать от начала мира, обязаны ему одному, роду человеческому, шестьюдесятью веками боли и страха». Когда «мы видим страдающее животное, то жалость, которую мы испытываем, живет в нас лишь потому, что именно в нас она достигает предчувствия освобождения». Леон Блуа заключает, что «тварь» страдает ради нас, бессмертных. Он не знает, что будет потом с животными, и признает себя несведущим. Леон Блуа, тем не менее, видит бессмертность и в самих животных. Он пишет: «животные – это находящиеся в наших руках заложники попранной небесной Красоты». Животное, как икона, исчезнуть не должно.

Философ Жиль Липовецкий пишет: самое страшное для сегодняшнего человека то, что он ничего не чувствует. История прекратилась, царит скука, информации слишком много для того, чтобы что-либо выбрать и зажечься действием.

В этом плане животные, как носители чувствительной души (традиция, идущая от Аристотеля), символизируют собой саму жизнь. Их эмоции, не скованные расчетом, озабоченностью и внутренним холодом, сильны, непосредственны, искренны.

Поль Вирилье, другой французский философ, говорит о том, что современный человек устремлен даже не к умиранию, а к смерти. Он стремится к полной неподвижности. Сидение перед экраном заменяет ему и путешествия, и общение. И работу. Знак времени – исчезновение пространства.

В этом плане животное символизирует движение, которым отмечена любая жизнь. Животное не может жить, не осваивая пространства. Как восхищался Василий Великий собакой, что знает о пространстве лучше любого геометра!

4. Животное – символ жизни

А.Швейцер первый заговорил об этом. В 1915 году он плыл на маленьком пароходике вверх по устью африканской реки Огове. Швейцер записывает: «Вечером третьего дня, когда заходило солнце и мы были недалеко от деревни Игендия, мы подплыли к острову. На широкой полосе песка, слева от нас, четыре бегемота, окруженные детьми, двигались в том же направлении, что и мы. И мне, совершенно уставшему и ослабленному, вдруг пришло в голову: „Благоговение перед жизнью“. Насколько я помню, я никогда не слышал их раньше и не читал о них. Я понял, что в них заключается решение той проблемы, которая постоянно мучила меня. Мне пришло в голову, что этика, которая занимается только отношениями человека к человеку, не полна и не обладает достаточно сильным энергетическим зарядом» (А. Швейцер. «Благоговение перед жизнью».

В русском языке само слово «животное» указывает на «живот», то есть на жизнь.

Сегодня животными все более восхищаются, ими удивляются, перед ними преклоняются.

С животными мы подходим к новой «философии жизни».

В начале века была распространена тоже «философия жизни». Но, вдохновленная Ницше, она быстро скомпрометировала себя

и стала идеологией «крови и почвы».

Сегодня «философия жизни» распространяется не только на человека, но и на «всякое дыхание». Животное сейчас становится последним неистребимым символом жизни. В «Колымских рассказах» Шаламова разъяренная толпа людей ловит и убивает белку. Это бесконечно-малое жизни в обратной перспективе адского бытия. Бесконечно-малое – это и есть самое великое, то, что может создать только Бог. Божий цыпленок у Солженицына, Божья травка у Розанова, Божьи звери и цветы – посланники святой, райской жизни.

1998

DUINESER ELEGIE

(8 elegie)

«Всеми глазами видит тварь открытое. Лишь наше зрение как будто перевернуто и захвачено тупиками».

Р. Рильке

«О Том, что находится вовне, мы знаем лишь из лика зверя; ведь уже в раннем детстве мы вынуждены оборачиваться. Чтоб увидеть оформленное, а не открытое, то, что с такой глубиной сияет в лике зверя. Свободном от смерти.

Только смерть мы видим; свободное животное уже навсегда перешагнуло за свою гибель – смерть позади. Впереди же Бог. И если оно идет, то идет в вечность, как идут колодцы».

Открытость бытия принадлежит животному, а не тут-бытию (человеку, по Хайдеггеру). Безгранично было видение в раю. Там связь с Богом была абсолютной. Человек и животное не прятались, не стыдились, не полагали себе границ. Св. Максим Исповедник считает, что свободной тварь была только в раю, до выбора. Ведь когда живешь целиком в Боге и в целом, то не нужно напрягаться, размышлять, какую из предложенных альтернатив выбрать.

Человек был изгнан из рая, животные (по приказу Бога) последовали за ним. Но они навсегда сохранили в себе отблеск райской красоты. Человек живет в падшем мире, где он не может не грешить (о-грех, непопадание в цель, а попадание в петлю...) Австралийские аборигены говорят: «когда животное было чело-

веком». Дарвин наоборот. Но на самом деле, по высшей, райской логике, животное выше человека. Даже в познании мира. Предполагается, что высшая степень знания – самопознание – дано человеку. Но так ли это?

О Том, что вне нас, мы узнаем лишь из лика животного. Это икона, указывающая на первообраз, на Реальность.

Уже в детстве ребенок, будучи «полиморфно перверзным» (Фрейд) или тронутый первородным грехом существом, оборачивается назад и оформляет свой мир. Открытость истины нам светит лишь из звериной морды «Как много муки в глазах у оного, в глазах у конного лица» (Маяковский о картине Филонова).

Лик животного свободен от смерти. Ибо оно живет по-прежнему в раю. Исчезновение животного всегда позади его («Когда животное было человеком»). Впереди – Бог, Которого животное не предало и у Которого находится в послушании. Как и вся природа. Красота зверей, деревьев, цветов, камней и волн – лишь послушание Богу (Симона Вайль).

В «Сонетах Орфею» Рильке пишет:

«У нас перед глазами ни разу в жизни не было открытого пространства, в котором бы бесконечно расцветали цветы. У нас перед глазами постоянно мир и никогда нигде без ничего: чистота неподконтрольного, которое вдыхают, которое бесконечно знакомо и которого не вожделеют».

У животных нет цензуры, комплексов, табу и прочих сложностей, сопровождающих познание человека. Животное всегда искренно. Человек может достичь искренности, лишь «впадая в неслыханную простоту». Всевидение и искренность (полнота

самовыражения) животного – это утопия для человека. Высшая утопия (нигде без ничего), мечта о святости и гениальности, о бесподконтрольности. Животные необычайно смешат нас и забавляют, когда «хитрят», ибо они не могут быть не-простыми, они только неумело подражают человеку в его тюремном, удушливом существовании.

Они чисты, но той чистотой, которая не ищется (ее «не воделеют»), она была дана в изначально открытом, цветущем райскими цветами пространстве.

Да, у животных нет самопознания («Итак, с самопознанием мы вступаем в собственное царство духа», Гегель), но самопознание – это лишь сознание сознания, определение границ, терминов, рефлексирование.

Животное лучше нас разбирается в сложнейших, не ньютоновских структурах пространства и времени. Да, оно не знает о смерти, но хорошо чувствует ее приближение – как воют собаки, как жалобно мычат коровы...

Почитайте Шелдрейка. Но можно и не читать. Всякий, кто имел домашних животных, знает, как они за минуты, часы, дни знают, что их хозяин возвращается домой.

А ощущение, знание пространства? Когда кот, преодолевая две границы, за несколько недель возвращается назад, домой. Не говоря уже про птиц и про рыб.

«И все же в бодро-теплом звере живут тяжесть и забота великой печали. Его часто касается то, что побеждает и нас – воспоминание. Как будто когда-то то, к чему мы стремимся, было ближе к нам, вернее, и приближеннее к нему – бесконечно более нежным. Здесь – все расстояние, там все близость. После первой

родины вторая ему кажется холодной и раздвоенной».

Здесь идет описание рая, в котором животные дышали воздухом любви, нежности и неотчужденности от Бога и человека.

Тварь, как и человек, всегда помнит о первоначальной красоте рая. Она помнит об этом больше, чем человек. Она, **в отличие от человека**, не виновата, что рай потерян, закрыт навсегда.

О, блаженство маленькой твари
Остающейся в лоне, которое ее выносило,
О счастье мухи, трепещущей еще внутри
Даже когда наступает время свадьбы:
Ибо лоно – это все.
И обрати внимание на полу-
уверенность птицы, которая почти что
знает все из своего начала.

Минимализм Рильке – это минимализм обретенной перспективы. Не только Япония дает нам сегодня пример «удавшихся маленьких вещей» (Ницше). Но и исконная традиция: чем мы меньше, тем больше Бог, тем больше и мы.

Тварь остается в лоне. Из психоаналитических исследований (особенно последних двадцати лет, например, Франсуазы Дольто) мы знаем, что младенец находится в «раю», пребывая в материнском чреве – он не знает тяжести, он «подвешен», он живет в райском симбиозе с ударами материнского сердца и с музыкой материнского голоса. Шок, травма рождения связана с выходом из «рая», с обретением тяжести и одиночества.

Птица, преодолевающая тяжесть, «знает все из своего начала», она еще подвешена в небесах райского сада.

«Страна, где каждый день – первый день творения», – так писал Рильке о России, о своей второй Родине, о своем недолгом рае.

Вспоминая о своем путешествии в Россию, он пишет:

Тебе, Господь, что я хочу посвятить Тебе, скажи,
Тебе, научившему тварь прислушиваться? –
Посвящаю Тебе воспоминания об одном весеннем дне,
Его вечере, в России – о лошади...

В этой лошади поэт открывает бесконечные просторы земли – России, которая поет и слушает и как «белая Индия» (Клюев), или «Индия Духа» (Гумилев), заключает в своем материнском чреве мечты о грядущем (не только прошедшем) рае.

1998

Часть вторая

МОЛЧАНИЕ ЖИВОТНЫХ

*Da stieg ein Baum. O reine Übersteigung!
O Orpheus singt! O hoher Baum im Ohr!
Und alles schwieg. Doch selbst in der Verschweigung
Ging neuer Anfang, Wink und Wandlung vor.*

*Tiere aus Stille drangen aus dem klaren
Gelösten Wald von Lager und Genist,
Und da ergab sich, dass sie nicht aus List
Und nicht aus Angst in sich so leise waren,*

*Sondern aus Hören. Brüllen, Schrei, Geröhr
Schien klein in ihren Herzen. Und wo eben
Kaum eine Hütte war, dies zu empfangen,*

*EinUnterschlupf aus dunkelstem Verlangen
Mit einem Zugang, dessen Pfosten beben,–
Da schufst du ihnen Tempel im Gehör.*

R.-M. Rilke, »Die Sonette an Orpheus«

Вот основание: «не убий».
Мы становимся драгоценными,
потусветными существами
друг для друга... Является миро-
моление, миро-лобзание, жизне-
молитв: пусть будут прощены
мои неуклюжие глаголы! Я ложусь
на землю и целую ее: почему?- Бо-
жья! Я беру мотылька – и не сорву
с него крылышек, но с неизъясни-
мой негой буду следить, как он
неумелыми ножками ползет по
пальцу: брат мой, сын мой, одно с
ним у меня дыхание жизни.

Василий Розанов

Во все времена голос человека, голос рассудка, противостоял рычанию льва и мычанию быка. Человек вел войну против льва и быка и он, наконец, эту войну выиграл. Сегодня у животных нет никаких преимуществ. Они противостоят нам только своим молчанием. Наши жертвы героически отказываются разговаривать с нами.

Автоматизированное убийство в Третьем Рейхе многие сравнивают с жестокой практикой современных боен. Повсюду вокруг нас совершаются массовые убийства, на которые закрываем глаза в общем солидарном усилии... мы не чувствуем грязи своих поступков. Очевидно, мы можем делать все, что хотим, и при этом оставаться чистенькими.

Сегодняшняя ситуация такова, что число вымирающих и вымерших в результате человеческих действий животных драматически растет. Каждый час исчезает приблизительно три вида животных, и эта тенденция усиливается, отмечает Вильсон в книге «Ценность разнообразия». По данным метеорологической организации и Программы ООН для окружающей среды от 20 до 30 процентов видов растений и животных вымрет в ближайшие годы, когда температура воздуха повысится на 1,5 – 2,5 °С. (По данным метеорологов и Программы ООН для окружающей среды.)

Продолжаются бессмысленные и жестокие научные опыты. Как пишет Ойген Древер-

манн, ради «научных целей» каждый год истязается и убивается 300 миллионов животных. Неспособность христиан сформулировать вопрос об отношении к животным говорит о нашей незрелости, об отставании во времени даже по сравнению с атеистической мыслью. Неспособность мыслить говорит о неумении любить. И, как говорил о. Серафим Роуз, сейчас уже «позднее», чем мы думаем. И все же Церковь, верная «космической литургии», может и должна поднять свой голос в защиту молчаливо исчезающей твари.

Еще совсем недавно у нас в России чудаками и чуть ли не сумасшедшими считали всех тех, кто, голодая и погибая, спасал от людской жестокости и голодной смерти брошенных кошек и собак. Тех, кто не относился к братьям меньшим как к будущему бифштексу, дублинке или шубе, объявляли «неадекватными», не принятыми в общество «нормальных людей» – что не думают о том, что творится на бойнях. От «общества» же требовалось только одно – молчать, делать вид, что ничего некрасивого не происходит.

К счастью, ситуация меняется не только в Европе, но и в России. Даже самые «крутые» у нас не спешат задавить беспомощное существо, а ведь еще несколько лет тому назад это было совсем не так.

Бог и «намерение целует». Поэтому радуют слова Валентины Матвиенко, губернатора Санкт-

Разве не читаем мы почти в каждой строке Священного Писания, где нам разъясняют некий смысл – а смысл этот заключается прежде всего в движении,- сравнения, почерпнутые из бестиария? Агнец, голубка, олень, лев, змея, даже земляной червь, рыба – все они суть образы Мессии. Когда Иаков благословляет сыновей, он называет Иуду львом, Дана – змеем, Неффалима – серной, Иссара – ослом, Вениамина – волком. Все герои, все события Священной Истории проходят перед нами, отмеченные этими символами. Каждое животное, возникшее из веяния Духа, обладает каким-нибудь свойством, которое напоминает нам один из заложенных в нас творческих импульсов. Я завидовал блаженству животных, – говорит Рембо, гусеницам, которые воплощают детскую невинность, кротам, которые воплощают сон девственности.

Поль Клодель, «Кости»

*Последний император Китая Пу
И не выходил на дорожку в своем
дворце, чтобы не наступить, не
повредить чужую жизнь.*

Белла Улановская
«Личная нескромность павлина»

Петербурга: «Не говорить на эту тему нельзя. Гуманное отношение к животным входит в понятие „европейских стандартов“. И Петербург будет строго соблюдать принятые в Европе нормы обращения с животными. Может быть, если мы будем гуманно относиться к животным, то у нас не будет и бездомных людей». Европейский гуманизм создан христианством и держится христианскими ценностями. Эти ценности, и главная из них – Любовь – распространяются на все Творение. Не может быть до конца счастлив христианин, если страдает самый последний таракан...

КОСМОС И ПРАВОСЛАВИЕ

Православие лежит в основе русской цивилизации, культуры, государственности, психологии русского человека. В отношении экологии православие обладает несравненно более богатой (в сравнении с католицизмом или протестантизмом) и как никогда актуальной традицией. Центральное событие нашей истории, Воскресение – это победа Жизни над смертью. Какую же роль играют животные (слово происходит от «живот», то есть – жизнь) в истории нашего спасения, преображения, обожения? Уже первые Отцы Церкви пытались ответить на этот вопрос. И это были прежде всего отцы нашей, Восточной Церкви. Они мыслили не рационально (в современном, декартовском понимании этого слова), а скорее поэтически, потому что молитва – это всегда высокая поэзия. Красота этих текстов в их вечной новизне и свежести, в непобедимой силе чистого сердца, в абсолютном доверии Творцу. Кто лучше преподобного Исаака Сирина ответил на вопрос о милосердии? Если Бог есть любовь, то всякий человек, достигший совершенной любви ко всему творению, становится богоподобным:

«И что есть сердце милующее?.. Возгорание сердца у человека о всем творении, о людях, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у че-

Глаза животного могут рассказать о многом. Сами по себе, без жестов и звуков, одним своим взглядом эти глаза говорят о тайне естественной скрытности, о робости становления. Этот уровень тайны принадлежит лишь животному, только оно может поведать нам о нем.

Мартин Бубер

Только любовь человека ко всякой твари делает его поистине человеком.

Альберт Швейцер

ловека источают слезы от великой и сильной жалости, объемлющей сердце. И от великого страдания умаляется сердце его, и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварью. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились и очистились; а также и о естестве пресмыкающихся молится с великой жалостью, которая возбуждается в его сердце до уподобления в сем Богу» («Главы о знании»).

Православие рассматривает творение как непрерывно длящуюся космическую литургию – космос пронизан нетварными энергиями, просветлен преображающим Фаворским светом.

Создание вселенной из небытия доступно только Богу. Глагол *bara*, по-древнееврейски означающий «творить», применяется исключительно в отношении Бога. Какими бы чудесными ни были создания человека, к ним применяется другой глагол *asah*, что значит «делать», потому что продукт человеческой деятельности возник не из небытия, а из уже данной заранее реальности. Согласно Библии Бог не прекращает быть Творцом – и каждое мгновение приращает Его волей: «Се творю все новое» (Откр., 21,5).

«Чтобы приблизиться к тайне сотворения, как написано в книге «Мистическое богословие» Владимира Лосского, точно так же, как для того, чтобы

приблизиться к тайне Бога, необходим скачок веры и своего рода «апофатизм наоборот». Вселенная не есть простое проявление божественного, она не исходит из божественного, равно как не является результатом упорядочения неким демиургом предсуществующей материи: она сотворена совершенно новой, из ничто. Бог позволяет появиться абсолютно другой реальности, совершая действие, которое в еврейской мистике называется «отходом» (тзым-тзум), а в православном богословии – первым кенозисом, «жертвой творения». Поэтому метафизическое состояние творения есть любовь, любовь в высшей степени изобретательная – и потому даже жертвенная любовь Бога» (Оливье Клеман, «Смысл земли»).

Бог – во всем, и все – в Боге. Бог одновременно имманентен и трансцендентен. Лучше всего об этом написано опять же у отцов Восточной Церкви.

В своей сущности Бог не постигаем. Но мир наполняют Его энергии. Св. Григорий Палама (1296 – 1359) утверждает: «Тот, кто этого достоин, наслаждается общением с Богом, являющимся причиною всего... Бог, полностью пребывая в себе самом, целиком пребывает и в нас, Он обращен к нам не своей природой, но своей славой и блеском» («Триады»).

Бог одновременно и открыт и недоступен. Такова антиномическая формула Православия.

Человек, действительно, является королем зверей, поскольку его свирепость превосходит все агрессивное, что есть в природе. Мы живем, потому что убиваем других. Мы – ходячее кладбище! Я с самого юного возраста отказался есть мясо. Придет время, когда убийство животного будет таким же преступлением, как и убийство человека. Кто не ценит жизни, тот не заслуживает ее.

Леонардо да Винчи

Известно, что тигры (в том числе и уссурийские), которые вообще-то к людям не очень хорошо относятся, когда им плохо, когда они тяжело больны, приходят в села. Еще о телевизоре: в новостной программе был сюжет о том, как у нас на Дальнем Востоке в деревню пришла старая раненая тигрица, – пришла просить помощи. Ее поместили в загон, призвали ветеринаров, и пока она, кряхтя, переносила неприятные процедуры, местный лесник рассказывал, что в тайге, если тигр тебя слышит – он всегда тебя слышит – он уходит вглубь, а если болен, то идет к людям. А на водохранилище под Новосибирском застряла стая пеликанов; они там бывают пролетом, но тут их застал мороз, и они коллективно двинулись к жилью.

То, что у св. Григория Паламы выражено через различие между сущностью и энергиями, у св. Максима Исповедника передано в понятиях Логоса (*Logos*) и логои (*logoi*). Следуя св. Максиму, Христос, Творческий Логос, вложил в каждую созданную вещь некий логос, «мысль» или «слово», делающее эту вещь божественной. Вещь становится сама собой и одновременно она притягивается к Богу. Эти логои не позволяют вещи быть просто объектом, они превращают ее в личное слово, адресованное к нам Творцом. Божественный Логос, второе Лицо в Троице, Премудрость и Промысел Божий, конституирует и начало и конец отдельных логои. Это космическое присутствие, обнимающее и объединяющее собой всю тварь.

Как бы предшествуя Паламе, Максим говорит о «логоях» как об «энергиях», и одновременно он сравнивает их с птицами, сидящими на ветках дерева: «Божественный Логос подобен горчичному зерну. Зерно, не посаженное в землю, кажется совсем маленьким, но когда оно взрастет, то будет древом столь великим, что принципы (логои) самых благородных чувственных и интеллигибельных тварей, подобно птицам, прилетят и сядут на его ветви. Ибо логос охватывает внутренние причины и сущности всего сущего, но Его самого ничто не может обнять» («Богословские сотницы»).

«Говорим ли мы вместе с Максимом о «логои» или предпочитаем использовать паламитский термин «энергии», смысл сказанного сводится к одному: вся природа теофанична» (Каллистос Вэр, «Все, что живет, свято», Париж, 2003, с 16–18).

Без сомнения, Творение имеет теоцентрическую природу. Библия не устает говорить о «славе» Божьей. Естественно, в замыслы Бога не входило нарциссическое самовосхваление. Бог ни в чем не нуждается, Он не искал для себя никакой выгоды, когда создавал вселенную. Священное Писание постоянно подчеркивает, что Творец – это не только начало, но и точка высшего притяжения всего универсума. Мудрость, Красота, Любовь заставляют тянуться к Богу всякую тварь. И поэтому Блаженный Августин сказал, что «сердце наше не успокоится, пока не обретет покоя в Тебе».

При этом в Православии, у греческих Отцов, нетварная благодать была вездесуща. Всякое Творение имеет небесные корни. Святой Максим говорит, что, воспринимая мельчайшую вещь, мы уже получаем тринитарный опыт. *Kabod* и *shekinah*, софийность Божия, даны природе с самого начала. Поэтому на христианском Востоке никогда не было понятия «чистой» природы, как не было и западного, дуалистического построения: внизу природа, наверху благодать. Всякая тварь причастна славе Божьей, потому что имеет свою славу: «иная слава солнца,

Стали их кормить, поместили в местный зверинец, где они поскандалили с местными пеликанами, т.е. внутренний пеликаний конфликт имел место, а к людям они пришли.

М. Синев
«Альфа и Омега», 2006, 3

Мы не замечаем, что животные также таинственны, как и человек, и никто не видит, что их история – это Писание в образах, за каждым из которых – божественные загадки. Но нет еще такого гения, который смог бы расшифровать символический алфавит Творения.

Леон Блуа

иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе» (1 Кор., 15,41).

ЖИВОТНЫЕ В СВЯЩЕННОМ ПИСАНИИ

Начнем с Ветхого Завета.

Животные в Ветхом Завете наделены и собственным достоинством и собственными правами. Крестьянам не свойственно сентиментальничать. Животные – их соратники и уважаются ими, потому что нужны.

В священный субботний день не только человек не трудится, но и вся тварь отдыхает. «А день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни [вол твой, ни осел твой, ни всякий] скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих» (Исход, 20,8–10).

Степень совершенства общественного устройства всегда определялась тем, как в обществе относятся к самым слабым и незащищенным его членам, к беднякам, сиротам, вдовам, а также к домашним животным. И здесь читаем в притчах Соломоновых: праведник «иже и скоты милует» (Притч., 12,10).

В Ветхом Завете мы найдем много наставлений и законов, в которых выражена забота о животных. Например: «Не заграждай рта волу молотящему». «Правда Твоя, как горы Божии, и судьбы Твои – бездна великая! Человеков и скотов хранишь Ты, Господи!» (Пс., 35,7). «Посылай источники в дебрех, посре-

Тогда... люди увидели в твари не простую скорлупу демонов, не какую-нибудь эманацию Божества и не призрачное явление Его, подобное явлению радуги в брызгах воды, а само-стоятельное, само-законное и само-ответственное творение Божие.

Отец Павел Флоренский

Я не отношусь к животным как к неким примитивным существам. Без сомнения, они притягивают меня потому, что я еще никогда не слышал от них ни одной глупости.

Торо
Дневники

ди гор пройдут воды. Напаяют вся звери сельные, ждут онагри в жажду свою. На тех птицы небесныя привитают, от среды камня дадут глас. Напаяй горы от превыспренных Своих, от плода дел Твоих насытится земля. Прозябай траву скотом, и злак на службу человеком, извести хлеб от земли... Насытятся древа польская, кедри Ливанстии, их же еси насадил. Тамо птицы возгнездятся, еродиево жилище предводительствует ими. Горы высокие еленем, камень прибежище зайцем... Положил еси тьму. И бысть ночь, в ней же пройдут вси зверие дубравнии. Скимни рыкающие восхитити и взыскати от Бога пищу себе. Возсия солнце, и собрашася, и в ложах своих лягут... Сие море великое и пространное, тамо гади, их же несть числа, животная малая с великими, тамо корабли преплывают, змий сей, его же создал еси ругаться ему. Вся к Тебе чают, дати пищу им во благо время.» (Пс., 103,10–27).

Этот псалом – гимн Божьему милосердию, которое распространяется на древа Господни, кедры Ливанские, на них гнездятся птицы, утесы – убежище зайцам...

Библия помогает нам возвратиться к реальности живого, живота, животного. Ее метафоры говорят о том, какими серьезными были отношения между человеком и зверем. Восхваляя человека, Священное Писание постоянно сравнивает его с животными. О мужественном: «Самый храбрый, у которого

сердце, как сердце львиное» (2 Царств, 17,10), или «крепость его как первородного тельца, и роги его, как роги буйвола; ими изободет он все народы до пределов земли» (Втор., 33,17). О свободолюбивом: «Кто пустил дикого осла на свободу, и кто разрешил узы онагру, которому степь Я назначил домом и солончаки – жилищем? Он посмеивается городскому многолюдству и не слышит криков погонщика. По горам ищет себе пищи и гоняется за всякой зеленью» (Иов, 39,5–8).

Многочисленные библейские примеры говорят о восхищении красотой, мудростью, силой, элегантностью Божьих созданий. Интересно, что в древнем Израиле детям нередко давали «звериные» имена. Экзегетам известно более сорока таких «звериных» имен. Некоторые из них употребляются и по сей день: Дебора – это «пчела», Иона – «голубь», Рахиль – «овечка». Ребенок мог получить даже имя «собаки» или «осла». (См. об этом: Riede, P. «David und der Floh»).

В наши апокалиптические времена, когда исчезает сама жизнь, восхищение и изумление животными возрождается. Животные любимы с такой силой, какую бы мы не могли себе представить раньше. Одно из доказательств этому: наличие огромного количества домашних животных, которые становятся постоянными и часто, увы, единственными спутниками современного человека, заменяя ему

Птицы – медальоны Бога, особенно стрижи, которые могут жить только в небе. Полтора месяца тому назад мной был подобран стриженек Макс. Теперь он живет в большой клетке и не хочет взрослеть. Сколько радости в его щебете – он издалека слышит наши шаги. Сколько ликования, оглушительного, беспомощного, детского.

Татьяна Горичева
Дневники, 27 июля 2005

Сегодня, в мой День рождения, умер Макс. Бродский писал о «маленькой смерти собаки». Нет, смерть огромна, непростительна. Как жить без Макса, без его солнечного, высокого приветствия?

Дневники, 12 августа 2005

родственников и друзей. (Многозначительная шутка из французского журнала «Л'имбесиль»: «Если бы каждый мог жениться на ком хотел, все женились бы на своих собаках»).

Во всем мире существует усиливающийся интерес к телевизионным передачам о животных. Многие, справедливо считая телевизор источником всех зол, не смотрят ничего другого.

Животное, просто существующее, вызывает у нас удивление, благоговение перед чудом творения. Оно, несущее в своем облике следы райской красоты, обучают нас славить Бога. Вселенная призвана стать в межличностных и в меж-тварных отношениях полем всеобщего единения – «храмом евхаристического дара» (Никос Ниссиотис).

«Бог не хочет, чтобы ограничивающее существа своеобразие приобрело в различии и разделении силу, превосходящую любящее родство, мистически заключенное в них, дабы их объединить. Ибо в каждой вещи есть некий аспект таинственной парусии, объединяющей Причины, синтезирующая сила, которая дает существам взаимность более значительную, чем их бытие в себе» (Пр. Максим Исповедник).

ПОСЛАНЦЫ РАЯ

В 11-й главе пророчеств Исаии мы находим описание рая, **перенесенное в будущее**, ибо цель человека – всеобщее единение, воссоединение со всей тварью. Обожение человека включает в себя и обожение всего творения, возврат к райскому миру, но уже на новом витке, на новой земле и на новом небе: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком, и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицей и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспиды, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи» (Ис., 11,6–8).

Можно заметить, что в этом пророчестве говорится о хищниках (волк, лев, медведица, аспид) и об одомашненных, жертвенных животных (ягненок, теленок, корова). Исследователи этого текста заметили, что звериный мир наступит как преодоление любой вражды, причем хищники сделают первый шаг к этому примирению. Жить вместе, гостить (*gur*) и «возлежать» (*rabas*) – это инициатива не слабых, а сильных – барс придет к козленку, молодой лев к теленку.

Но что же сделал самый сильный из всех – человек?

Мне говорили, что дело «швах», что стрижи не живут более трех дней в неволе. Но прошло больше месяца, Макс уже отважно летал (неизбежно падая), он обожал, чтобы кто-то был рядом. Малюсенький стриж выглядел гордой и хищной птицей. Три цепких коготочка, профиль с важной горбинкой, царственный, строгий взгляд...

Татьяна Горичева
Дневник, 12 августа 2005

Всякая тварь связана с Богом. И всякая, на свойственном ей языке, выражает, что значит для нее Бог. Эти голоса объединяются для наших душ в единый концерт, более прекрасный, чем вся музыка земли. Можно говорить о «музыке молчания», поскольку она спокойна и мирна, в ней нет ничего от шума. В ней чувствуется одновременно сладость гармонии и милость тишины. Она говорит, что ее благой Создатель и есть сама эта «молчаливая музыка», поскольку Он причина этой духовной гармонии.

Сан Хуан де ла Круз

Через грехопадение человек разрушил гармонию рая и разорвал все связи. Адам и Ева отошли от Бога, а также порвали с животными и стихиями. Животные же – не добровольно (см. Рим., 8,19–21) – также стали врагами друг другу. Наступили «перевернутые отношения». Дьявол стал «князем мира сего».

Исайя пророчествует о задаче человека, созданного по образу и подобию Божию. Человек, как самый сильный, должен не разрушать, грабить и бездумно потреблять, а преобразовывать. Приходить первым к безвинно страдающей твари.

Для человека прозвучало спасительное слово преп. Серафима Саровского: «Обрящи внутренний мир, и тысячи вокруг тебя спасутся». И исполнится пророчество: «Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей: ибо земля будет наполнена ведением Господа, как волны наполняют море» (Ис., 11, 9).

В допотопные времена люди не ели мяса. Лишь после потопа Бог снизошел до человеческих слабостей и разрешил есть мясо животных. И благословил Бог Ноя и его сыновей, и сказал Бог Нюю в том числе следующее: «Да страшатся и да трепещут вас все звери земные и все птицы небесные, все, что движется по земле, и все рыбы морские; в ваши руки отданы они» (Быт., 9,1–2).

Страшятся и трепещут! – это, кажется, единственная заповедь, которой исправно следовало и следует человечество.

Далее: «Все движущееся, что живет, будет вам в пищу, как зелень травную, даю вам все. Только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте». Так возникли кошерные предписания и особые способы убийства животных. Они долго умирают, теряя кровь (душу). Мучительная смерть. Экологи подвергают резкой критике подобные практики, поэтому бывают случаи, когда защитники животных обвиняются в антисемитизме. «В Ветхом Завете регламентирована жестокость по отношению к людям и животным, подчас совершенно не объяснимая не только с точки зрения здравого смысла, но даже и с позиции обычной мести: «Но Господь сказал Иисусу (Навину): завтра я передам их всех (коренные народы Палестины) на избиение сынам Израиля; коням же их перережь жилы, колесницы же их сожги огнем. И поступил Иисус с ними так, как сказал ему Господь» (Нав., 11,6). «И подрезал Давид жилы у коней колесничных» (2 Цар., 8,4). «И предали заклятию все, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов и овец и ослов, все истребили мечом» (Нав., 6,20). «И сказал Самуил (пророк) Саулу: теперь иди и порази амалитян и истреби все, что у них; и не давай пощады им, но предай смерти всех мужчин и женщин, отроков и грудных младенцев, волов и

Пока люди будут убивать животных, они будут убивать и друг друга. Воистину, тот, кто сеет семя смерти и боли, не пожнет ни счастья, ни любви... Разве человек моего ума будет есть трупы?

Пифагор

...Мне и про святителя Кирилла (Смирнова) рассказывали знавшие его люди, что его при перевозе с этапа на этап «для потехи» выбросили в тайге из саней и уехали. Владыка лежал в снегу и читал себе отходную. И пришел медведь, лег рядом и отогрел его.

Марина Журинская
«Альфа и Омега», 2006, № 3

овец, верблюдов и ослов. И порашил Саул амали-
тян... и народ весь истребил мечом... но лучших
из овец и волов и откормленных ягнят не хотел истреблять. И было слово к Самуилу такое: жалею, что я поставил Саула царем, ибо он слова моего не исполнил (не убил всех животных). И сказал Самуил Саулу: я скажу тебе то, что сказал мне Господь ночью. Зачем же ты не послушал Господа и взял добычу (живых животных)? За то, что ты отверг слово Господа и Он отверг тебя, чтобы ты не был больше царем» (1 Цар., 15,3–23). Так пророк Самуил отвергает Саула и назначает Давида, который будет исправно исполнять волю «Господа», распиливая пленных женщин и детей, перерезая жилы коням... Запрещалось даже использовать пленных животных для жертвоприношений, но предписывалось истреблять их всех, до последнего, непосредственно на месте. В этом коренное отличие религиозных обычаев иудеев от всех народов, даже от кельтов. Своим ничем не объяснимым сверхсадизмом по отношению к лошадям отличается на фоне всех других древних народов это племя заречных пришельцев («ибри»), называемое в вавилонских документах «хабиру», «са-газ» – «бандиты», «подрезатели жил», «головорезы» (шумер.)» (Михаил Новиков-Новгородцев, «Ведическое мировоззрение протославян – основа подлинной российской государственности и геополитики», СПб, 2007).

Господь Иисус Христос перевернул все подобные «предписания» и был в плане отношения к животным неслыханным революционером. Вот Он приходит в Иерусалимский храм. Он охвачен яростью, Он видит торгующих животными, видит зверей дрожащими, обреченных на гибель, приговоренных стать ритуальной жертвой. Господь разгневался и воскликнул: « Вы превратили дом молитвы в вертеп разбойников ». В бойню. Он Сам называет себя Агнцем закланным, навсегда берет на себя грехи мира, запрещает любое убийство, провозглашает Евангелие любви. Евангелие, которое нужно донести до всей твари.

И вот коровка умерла. Она была похожа на мамашу... Не сильная. Она перестала давать молоко. Затвердение в вымени. Призвали мясника. Я смотрел с сеновала. Он привязал рогами ее к козлам или чему-то. Долго разбирал шерсть в затылке: наставил и надавил; она упала на колени и я тотчас упал (жалость, страх). Ужасно. И какой ужас: ведь – кормила и – зарезали. О,о,о – печаль человеческая (нищета). А то все – молочко и молочко. Давала 4-5 горшков. Черненькая и словом «как мамаша». Киселек. Сметанка, Творог. Сливочное масло. «Как все хорошо». Масло «в барашке» к Рождеству. Молоко я носил к соседям продавать. Как и малину, крыжовник и огурцы из парников. «Все, слава Богу»- пока «коровка».

Василий Розанов

Смотри на жемчужину! Жемчуг является произведением боли и страдания. Когда чужое тело мучает ее нежную плоть, устрица отвечает тем, что обнимает это жало и превращает в предмет величайшей красоты. И так жемчужина не только самой устрице доставляет утоление боли, но и многим она является потом источником радости и удивления.

Инок Серафим
15 мая 2006, Валаам

БЕГЕМОТ – ЦАРЬ НАД СЫНАМИ ГОРДОСТИ

Библейская Книга Иова – это не только рассказ о страданиях праведника, это книга о Божьей любви и о том, как нужно любить Бога.

Удастся ли Богу возвратить любовь Иова, и как?

Сатана (что значит – обвинитель) спорит с Богом о том, что Бог не создал ни одного живого существа на земле, которое бы Его любило. Бог окружен угодливыми рабами, у Него нет друзей, которые любят **даром**. Эти корыстолюбивые лицемеры служат не Богу, а сатане. Если праведник Иов не служит Богу бескорыстно, он тоже служителю сатаны. Прямой ответ Бога или просто изгнание сатаны были бы проявлением Его слабости. Сатана должен быть побежден тем, кто слабее его. Значит, ответ – за Иовом. Иов подвергается бесконечным испытаниям, которые и выявляют силу его, не ждущей награждения любви.

Друзья Иова – Элифаз, Вилдад и Софар употребляют все свое благочестивое красноречие, чтобы привести Иова к раскаянию, утешить и «наставить на путь истинный». Они формально правы в своей аргументации, утверждая, что Иов, как и каждый человек, «не без греха» и поэтому страдает справедливо. Вот обличение Елиуя: «Есть ли такой чело-

век, как Иов, который пьет глумление, как воду... Потому что он сказал: нет пользы для человека в благоугождении Богу» (Иов, 34,7–9). Но Богу больше нравится искренний протест Иова, обнаженность его страдающей души, неподдельный крик живого существа, больше, чем «богословие» его «друзей». Мудрый и рассудительный мир слишком правильных этих людей уж очень похож на мир сатаны. Богу своему Иов служил бескорыстно, он был служителем «неключимым», ищущим лишь «Царствия Небесного». В 38–41 главах Книги Иова (по признанию экзегетов, самых сложных для трактовки) Бог, наконец, отвечает Иову. Он говорит о том, о чем не высказался ни один из многоречивых его друзей. Он говорит о необъяснимом чуде Творения. «Где был ты, когда Я полагал основания земли?» (38,4). «Нисходил ли ты во глубину моря и входил ли в исследование бездны?» (38,16). «Знаешь ли ты время, когда рождаются дикие козы на скалах и замечал ли ты роды ланей?» (39,1). «Ты ли дал красивые крылья павлину и перья и пух страусу?» (39,14). «Ты ли дал коню силу и облек шею его гривой? Можешь ли испугать его, как саранчу? Храпение ноздрей его – ужас; роет ногою землю и восхищается силою, идет навстречу оружию» (39,19–22). Можно было бы еще долго цитировать этот уникальный по восторгу, силе и поэтичности гимн животному царству. Ни в одной библейской книге мы не найдем такого

И так уж необходимо убивать животных для насыщения желудка? Большинство представителей радикальной этики защиты животных отвечают на этот вопрос отрицательно и говорят о моральном долге вегетарианства. Перед лицом этого долга ненужная жестокость приобретает особенно преступные и мерзкие черты.

Ж.-К. Вольф

Мне кажется, через свой фермерский опыт я глубже воспринял православие, чем, если бы пришел к вере от ума, через книги. К примеру, раньше я не понимал, как можно, преодолевая себя, ходить в храм. Зачем? Если ты устал или заболел, разве тебя за это осудят? А животные научили меня другому. С ними ведь так: устал или нет, болен или здоров – они тебя всегда ждут..

Протоиерей Климент Кадама
журнал «Фома», январь, 2007

ликующего собрания торжествующих тварей Божьих. И Иов замолкает. Он начинает понимать свое ничтожество.

«Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя; он ест траву, как вол; вот, его сила в чреслах его и крепость его в мускулах чрева его; поворачивает хвостом своим, как кедром; жилы же на бедрах его переплетены; ноги у него, как медные трубы; кости у него, как железные прутья; это – верх путей Божьих...» (40,10–14).

«Вот, он пьет из реки и не торопится; остается спокоен, хотя бы Иордан устремился ко рту его... Можешь ли ты удою вытащить левиафана и веревкою схватить за язык его? Вденешь ли кольцо в ноздри его? Проколешь ли иглою?» (40,21–22). «Надежда тщетна: не упадешь ли от одного взгляда его? Нет столь отважного, который бы осмелился потревожить его» (41,2–3). «От его чихания показывается свет; глаза у него как ресницы зари; из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры» (40,11–12).

«Он кипятит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь, оставляет за собой светящуюся стезю; бездна кажется сединою» (41,23–24).

Подробный рассказ Бога про бегемота, левиафана, единорога, про крылья ястреба и беременность ланей, эта «космическая литургия», заставляет Иова изменить свой взгляд на Бога и себя самого – т.е.

покаяться. Потрясенный Иов восклицает: «Кто сей, помрачающий Провидение, ничего не разумея? – Так, я говорил о том, чего не разумел» (42,4).

«Зоологический» подход Бога может вызвать недоумение. Но только у друзей Иова, не у него самого. Действительно, кому нужны бегемоты, дикие ослы и бизоны? Они так же бесполезны, как и Иов в своем служении и в своем бунте. Твари Божьи не служат утилитарным целям. Мир, изначально благословенный Творцом, ничему не служит. Творение Божье – это Его слава. Любовь Божья – свободная игра с левиафаном, поэтому ответ Бога лишен всякого морализаторства и даже «религиозности», в нем – мягкий юмор и победительная сила.

Послушание животных не ослаблено претензиями на «оправдание» своего существования. И послушание Иова в его последнем слове приближается к беспредельно таинственному, великому послушанию бегемота. Красота бегемота ужасна, потому что таинственна, как красота морских волн, послушных дыханию Творца.

Возможно, смысл испытания Иова в том, что он засомневался в абсолютности Божьей любви. «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя» (42,6).

Итак, бегемот произносит в этой книге, вдохновившей столь многих писателей, философов, гениев (вспомним о Достоевском), последнее, великое

Будем восхвалять Бога устами, стихами, арфами и песнопением...Птицы поют, взлетают и садятся. И мы без пользы смотрим на них? И дикие звери своими голосами прославляют Творца. Ничто в природе не молчит, не немо, все кругом звенит, звучит и подает голос, как трепыхаются рыбы в воде, как они прыгают в воздух и возвращаются в воду, восхваляя Господа так, как они могут. И что же мы, любимые чада Отца, созданные такими тонкими, способными говорить из глубины души, а не только открывать рот, мы, что мы делаем для Бога?

Меланхтон
Справочник для воспитания
детей (1524)

слово. Торжеством славящей Бога твари побежден сатана, посрамлены фарисействующие друзья Иова. «И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние...», «и умер Иов в старости, насыщенный днями» (42,17).

*Нет сил никаких у вечерних стрижей
Сдержать голубую прохладу.
Она прорвалась из горластых грудей
И льется, и нет с нею сладу.
И нет у вечерних стрижей ничего,
Что б там, наверху, задержало
Витийственный возглас их: о торжество,
Смотрите, земля убежала!*

Борис Пастернак

ZOON THEOUMENON

Мир, населенный животными, – «это чудесно составленный гимн» (св. Григорий Нисский), поражающий великолепием жестов, красок, звуков, образов и историй. Тексты Священного Писания исполнены благоговения перед «хорошестью» созданного Творцом космоса.

Адам в раю дает имена животным. Имя – целостность твари, начало личности, символ Другого. Адам тем самым поднимает животных над остальным творением, к которому, например, принадлежат растения.

И к человеку, и к животному в одинаковой мере приложим атрибут $\Psi\Xi\Omega$, означающий не дух и не мысль, а «радость бытия», нужду в нем, силу, противостоящую смерти и суицидности. Феномен жизни не сводится к биологии, но воспринимается как дар свыше. Доверие, существующее между человеком и животным – это пример для будущего, человек должен доверять Другому, каким бы странным оно ему ни казалось.

И для того чтобы стать человеком, *zoon theoumenon*, чтобы преобразиться и обожиться, человек призван любовью соединить распавшееся и стать откровением для всей стенающей твари. Объединяющая роль человека отразилась даже в этимологии. Человек, антропос, по-гречески, происходит

Животные – мои друзья, а друзей своих я не ем. Ощутить истинную жизненную радость – значит, сделать что-то великое для нас самих: быть силой природы, вместо того, чтобы быть эгоистической, мелкой тварью. До тех пор, пока человек остается бродячим кладбищем им убитых животных, будет идти война на этой земле.

Бернард Шоу

Окружавшие меня безбожные люди (прежде всего мужчины) не вызывали у меня никаких искренних чувств, в то время, как целомудренное отношение к жизни животных заставляло звучать во мне все хорошее... Я очень рано понял, что человек «безобразен». Животное казалось мне более красивым и чистым.

Франк Марк
Из письма к жене, 1915

от «анартрейн», что значит «смотреть ввысь». В отличие от большинства животных человек ходит прямо, его взгляд обращен к небу. В латинском же – наоборот: слова *homo* и *homo sapiens* связаны с *humus*, т.е. с землей. Что же такое человек? – это животное, которое смотрит в небо, наделенное сознанием тайны. Но – одновременно это животное, которое крепко стоит на земле.

Humus – это верхний, плодородный слой земли. Отсюда *humilitas*, т.е. смирение. Смирение делает человека человеком. Человек гибнет от самодовольства и гордыни, теряя связь с Матерью-Сырой-Землей.

ОТВЕТЫ НА УПРЕКИ РАДИКАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИИ

Радикальная экология считает, что именно христианство с его антропоцентризмом (человек – «венец творения») привело к разрушению и уничтожению всего остального тварного мира (см. об этом у Л. Вайта, К. Амери, О. Древерманна и др.). Интересны аргументы защитников христианства. Вот некоторые из них:

1. Инструментальное отношение к природе возникло только в Новое Время, в контексте западного христианства. Его не знает христианство на Востоке – ни в Эфиопии, ни в Сирии, ни в Армении, ни, наконец, в России. Уже поэтому нельзя говорить о причинно-следственной связи между христианством и уничтожением природы.

2. В Книге Бытия (1,26–28) есть слова: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися на земле». Эти слова вовсе не дают человеку право поступать с Творением, как ему вздумается. Напротив, Господь говорит об ответственности человека. Множество древневосточных печатей подтверждает, что глаголы «подчинять» (*kabas*) и

Во-первых, нужно сознавать, что экосистемы наделены мудростью, и неумное вторжение человека разрушает их. Во-вторых, существует красота природы, которую человек успешно разрушает, не в силах воссоздать вновь. В-третьих, животные страдают, и это одна из основных человеческих проблем. (Хоть Кант думал иначе).

Люк Ферри
(в прошлом министр образования
Франции, 2007)

С ростом нашего знания о них звери все более приближаются к нам. Когда они будут нам близки, как были близки в древних мифах, звери вряд ли будут существовать.

Элиас Каннетти

«владычествовать» (*radah*) говорят прежде всего о человеке как управляющем Божьим хозяйством, как о заботливом садовнике и защитнике-пастухе. Известный экзегет Норберт Лофинг, сравнивая различные египетские, месопотамские и еврейские тексты, предлагает употреблять вместо понятия «образ» понятие «статуя». У статуи немного другая роль: она должна о чем-то напоминать, на что-то намекать. Это значит: «Люди и звери живут в одном доме, и человек имеет только то преимущество, что для животных он – статуя Бога» (Н. Лофинг. «В тени твоих крыл», 2000). Статуей Бога человек может быть лишь тогда, когда он возьмет на свои плечи ответственность, его богоподобие означает одновременно и дар, и долг.

3. Хищническое и агрессивное отношение к природе воцарилось на Западе лишь к концу XVII века. Фрэнсис Бэкон составил словарь наук о природе, в котором уже не было различия между умеренным потреблением природных благ и хищничеством...» (Райнер Хагенкорд. «По ту сторону рая», 2006).

ОСЕЛ, ВОСПЕТЫЙ ГОСПОДОМ

Есть ли более презираемое животное, чем осел? В символическом средневековом круге, где семь смертных грехов изображались символами различных животных, ослу соответствовала лень. Изображенный в Шартрском соборе осел символизирует всем своим видом самодовольное невежество.

И вместе с тем, в 49-й главе Книги Бытия, где Иуда сравнивается с молодым львом, ни в коей мере не уступающий ему Иссахар сравнивается с ослом крепким.

Особая роль в Библии приписывается ослице, которая заговорила (Числа, 22,21–34):

«Валаам встал поутру, оседлал ослицу свою и пошел с князьями Маовитскими. И воспылал гнев Божий за то, что он пошел, и стал Ангел Господень на дороге, чтобы воспрепятствовать ему. Он ехал на ослице своей, и с ним двое слуг его. И увидела ослица Ангела Господня, стоящего на дороге с обнаженным мечом в руке, и своротила ослица с дороги, и пошла на поле; а Валаам стал бить ослицу, чтобы возвратить ее на дорогу. И стал Ангел Господень на узкой дороге, между виноградниками, где с одной стороны стена и с другой стороны стена. Ослица, увидев Ангела Господня, прижалась к стене и прижала ногу Валаамову к стене; и он опять стал бить ее. Ангел Господень опять перешел, и стал в тесном

В прошлом мы цивилизовали отношение человека к человеку. Теперь нужно цивилизовать отношение человека к природе и животным.

Виктор Гюго

Это и есть их земля. Дельфины, те нас не переживут.. Их-то мы переживем, без них еще хуже станем. Не с тем же ли ужасом звери смотрят на нас, как мы на насекомых? Один лишь дельфин находит в себе силы еще доверять нам. Потому он и умнее человека, что добрее...

Андрей Битов
«Ожидание обезьян»

месте, где некуда своротить, ни направо, ни налево. Ослица, увидев Ангела Господня, легла под Валаамом. И воспылал гнев Валаама, и стал он бить ослицу палкой. И отверз Господь уста ослицы, и она сказала Валааму: что я тебе сделала, что ты бьешь меня вот уже третий раз? Валаам сказал ослице: за то, что ты надругалось надо мною; если бы у меня в руках был меч, то я теперь же убил бы тебя. Ослица же сказала Валааму: не я ли твоя ослица, на которой ты ездил с начала до сего дня? Имела ли я привычку так поступать с тобою?».

Этот замечательный текст говорит о едином пути человека и животного. Человек, находящийся на спине ослицы (психоанализ прокомментирует: сознательное, а под ним подсознательное), – знак того, что всадник должен быть внимательным к незаметным для него вещам. Животное же сразу узнает Ангела (только ангелы и животные были рядом с Христом в пустыне). Ослица видит и знает то, о чем не подозревает человеческий рассудок. И не случайно животное, которое нередко видит нечто более высокое, чем человек, задает Валааму вопрос: «За что ты бьешь меня?». Этот вопрос мы читаем и по сей день в глазах всякой истязаемой твари, но человек предпочитает не заглядывать в эти глаза и вырывать язык животного, мучая его в «научных» целях.

Устами ослицы говорил с непослушным про-
роком сам Бог. Господь возвысил осла еще больше:
именно на осле отправилась Божья Матерь в Виф-
леем, туда, где должен был родиться ее ребенок, и
на осле они все вместе бежали в Египет. Апокрифы
на эту тему вдохновили множество гениальных ху-
дожников. И не на «белом коне» въезжает в Вербное
Воскресение Господь в Иерусалим, но на осле, сле-
дуя предсказаниям пророка Захарии.

*Раз все египтяне были так близки
к животным, то я догадываюсь,
хоть и без достаточных доказа-
тельств, что улыбка происходила
из отношений к животным – и из
того, что, освятив их, они почув-
ствовали такую радость ко всему
миру:*

*И в поле каждую былинку
И в небе каждую звезду...*

Василий Розанов

*Святой Нектарий Эгинский
(†1920) открывал для своих мо-
нахов мир, таинственно преоб-
раженный во Христе, и монахи
слышали, как звери, деревья и
камни хвалят Господа.*

Оливье Клеман

ОВЦЫ И ПАСТЫРЬ

Господь Иисус Христос – пастырь добрый. «Приблизились к Нему все мытари и грешники слушать Его. Фарисеи же и книжники роптали, говоря: Он принимает грешников и ест с ними. Но Он сказал им следующую притчу: кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяноста девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдет ее? А найдя, возьмет ее на плечи свои с радостью и, придя домой, созовет друзей и соседей и скажет им: порадитесь со мною: я нашел мою пропавшую овцу» (Лк., 15,1–6). Так же и у Матфея: «Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять и не пойдет ли искать заблудившуюся?» (Матф., 18,12). И у Иоанна: «Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелезает инуде, тот вор и разбойник, а входящий дверью есть пастырь овцам... истинно, истинно говорю вам, что Я дверь овцам» (11,7).

Притча о заблудшей овце связана с тремя источниками из Ветхого Завета:

«Господь – Пастырь мой, я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего» (Пс., 22,1–3).

«Как пастырь Он будет пасти стадо Свое; агнцев будет брать на руки и носить на груди Своей, и водить дойных» (Ис., 40,11).

«И что вы – овцы Мои, овцы паствы Моей; вы – человеки, а Я Бог ваш, говорит Господь Бог» (Иез., 34,31).

Вспомним, что во время Рождества первыми приветствовали Божественного Младенца самые знатные и богатые люди земли – волхвы, а также самые бедные – пастухи, окруженные еще более обездоленными и беспомощными существами – овцами. Изображение Христа в виде Пастыря мы находим уже во II веке на стенах римских катакомб (катакомбы Присциллы). Имеются также и скульптурные изображения на саркофагах.

Нельзя не заметить сходства Пастыря-Иисуса, несущего овцу на плечах, с мифологическим образом Гермеса-Кристофора или Меркурия, несущего овцу. Это не единственный пример адаптации христианством языческого мифа, что объясняется в частности характером эпохи, когда христианство еще преследовалось. Естественно это сходство не свидетельствует о каком-либо синкретизме, здесь лишь используются знакомые язычникам образы, чтобы сделать еще более выразительной христианскую весть.

«Сын Божий родился среди животных. Если рассматривать это событие с идеалистической точки

Вы знаете, что Бог дал нам еще одну заповедь? Ту, о которой ничего не говорится в Священном Писании? Он нам сказал: «Любите деревья».

Старец Амфилохий (†1970)

Патмос

Две тысячи лет назад у многих народов действительно существовали жертвоприношения животных и, разумеется, мясоедение, но таких невообразимых мучительств, какие принес им и всей Природе конец девятнадцатого и двадцатый век, в то время люди не могли еще и представить. Ищущие по своей жестокости пытки над животными в «научных лабораториях», бесчеловечные методы получения медвежьей желчи, безрадостное существование в пыльных асфальтовых колодцах городов бездомных животных, умирающих от голода, жажды и холода, крысиных ядов, гибнущих под колесами автомобилей... Глобальное истребление и загрязнение Природы человечеством..., циничная охота из ружей с оптическим прицелом. Если бы Христос стал говорить об этом толпе две тысячи лет назад, люди вряд ли бы поняли смысл Его слов...

Михаил Новиков-Новгородцев

зрения, то такие обстоятельства как перепись населения, отсутствие мест в гостинице не могут определять место, в котором надлежит родиться Богу Слову, от которого «все стало быть», но являются лишь следствием волеизъявления Вышнего. Первые, кого благословляет своим посещением Сын Божий в момент своего прихода на землю – это животные. Люди в течение двух тысячелетий не понимают значения этого факта и создают все более оторванные от действительности теории, призванные оправдывать все преступления по отношению к меньшим братьям интеллектуальным превосходством человека. (Вспомним, что древние египтяне выше ставили интуицию животных, и небезосновательно. Предчувствие животными даже событий, не связанных со стихийными явлениями, необъяснимо с точки зрения теории инфразвуковых колебаний.)

Если же встать на материалистическую точку зрения, то вина человечества перед животными еще более возрастает, так как человек навсегда лишает неповторимой жизни живые существа, только лишь для того, чтобы продлить на краткий миг свое собственное временное существование (в случае медицинских опытов) или насытить себя кулинарными изысками, которые и являются, наряду с загрязнением окружающей среды, одной из главных причин онкологических заболеваний. Согласно естественным наукам, человек является приматом;

биохимия и строение его пищеварительного тракта, как и у травоядных животных, наиболее приспособлены для растительной пищи и отличаются от морфофункциональных особенностей хищников» (Михаил Новиков, там же, стр. 101, 102).

Святой Молинг дружил с мухой, кроликом и котом. Муха ползала по строчкам священных текстов, которые он читал, следуя за его взглядом, и останавливалась, когда внимание отшельника ослабевало, оберегая его таким образом от сна. Первыми учениками святого Сиарана были медведь, лис, барсук, волк и олень.

Оливье Лойе
«Кельтское монашество»

Подобно тому, как наши истлевшие тела не уходят в небытие, так и небеса и земля, и все, что они заключают, т.е. совокупность творения, будут обновлены и освобождены от рабства тления; их элементы примут часть вместе с нами в запредельности, и подобно тому, как мы будем испытаны огнем, все Творение тоже будет обновлено огнем.

Преподобный Симеон Новый
Богослов
Этический трактат

МЕСТО ПТИЦ

В 1-й главе Евангелия от Иоанна Иоанн Креститель свидетельствует: «Вот Агнец Божий, который берет **на себя** грех мира» (1,29). И далее: «Я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем» (32–33).

Агнец и Голубь – двойной символизм Евангелия.

В западном искусстве мы часто встречаемся с изображением агнца, возвышающегося над Книгой, и это есть иллюстрация к цитате из Апокалипсиса. Но это только на Западе, в православном искусстве мы не найдем подобных изображений. Православие строго придерживалось решений Трульского Собора (692 год), запрещающего изображать Христа в виде какого бы то ни было животного.

Если Агнец – это символ Христа, то голубь – Святого Духа.

В православной традиции св. Троица лучше всего представлена на иконе св. Андрея Рублева – в виде трех Ангелов, пришедших к Аврааму. Но и в России существуют иконы, изображающие Святой Дух в виде голубя (на западный манер). Конечно, голубь присутствует и как символ Пятидесятницы. Голубь спускается с неба, подобно Святому Духу, осеняющему апостолов (Деяния, 2,1–4).

О птицах в Евангелии говорится много. Например, о двух горлицах или двух птенцах голубиных,

которых нужно было принести в храм в качестве жертвы. Часто и сам Господь проповедует на примере птиц. Он и Себя самого сравнивает с наседкой в своем великом плаче о Иерусалиме: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (Мф., 23,37). Но какую же роль играет петух, друг света, символ бодрствования?

В Евангелии он появляется только один раз, в эпизоде отречения апостола Петра и становится свидетелем того, как быстро исполнилось пророчество Господа: «Петр сказал ему в ответ: если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь. Иисус сказал ему: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня» (Мф., 26,31–34).

В нескольких апокрифических Евангелиях, рассказывающих о детстве Иисуса, говорится, что Он со своими друзьями лепил из глины игрушечных птичек. Слепив одну из птиц, Он приказал ей взлететь. И она немедленно поднялась в воздух. Несомненно, что и здесь птица была символом спасенной, вознесенной души.

В апокрифах следует искать истоки знаменитых изображений «Мадонны со щеглом».

Господь часто обращался за примерами к птичь-

Вегетарианский образ жизни мог бы весьма положительно повлиять на судьбы человечества, даже чисто физически – на темперамент людей. Наша задача – освободить себя... Так что будем расширять круг милосердия ко всем живым существам, ко всей природе и ее красоте.

Альберт Эйнштейн

Действуй так, чтобы ты мог утверждать везде и всюду, по отношению ко всему и ко всем, принцип вечной жизни. Безобразно забывать об исчезновении хотя бы одного живого существа, примириться с этим. В смерти самой последней, самой ничтожной твари есть что-то невыносимое, и если она не побеждена в том, кого затрагивает, значит, мир не имеет никакого оправдания и его невозможно принять.

Николай Бердяев
«Самопознание»

му миру. Вспомним, что Он говорил о доверии Богу: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены» (Мф., 10,29–30).

Вспомним, с каким восторгом Спаситель говорит о безмятежно-радостном бытии полевых лилий и беззаботных птиц! «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их» (Мф., 6,26).

Кьеркегор использовал эти слова Спасителя для своей проповеди о радости: «Есть лишь одно „сегодня“ и абсолютно никакой заботы о завтрашнем дне. Так радуются лилия и птица не потому, что они легкомысленны, это радость тишины и послушания. Ведь если ты в торжественной тишине сохранишь молчание, заложенное в природе, то завтрашнего утра уже не будет. И если ты будешь в таком же послушании, в каком находится творение, завтрашнего утра уже не будет. Не будет неблагоприятного завтра, изобретателя болтливости и непослушания. Что же такое радость? Что значит – быть радостным? Ты со-присутствуешь со своей истиной, это „сегодня“, это то, что сегодня ты в истине...».

Животные слышали слова апостола Петра, и «возложили все свои заботы на Него», вот почему они вне времени, или в настоящем вечности.

О ПСАХ

В Новом Завете мы находим лишь две истории, связанные с собаками. Но какие!

«Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его (богача) в струпьях и желал напиться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его. Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово. Умер и богач, и похоронили его. И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его» (Лк., 16,20–24).

Итак, Лазаря, ставшего символом человеческих страданий, лечили, жалели, готовили к переходу в другой мир только собаки. Только псы не погнушались его язв и зловония и проявили истинную, деятельную любовь к страждущему.

Так собаки проявляли ее на протяжении тысячелетий, ни с чем не сравнимую верность и любовь к бьющему их, предающему и презирающему человеку. Собаки – это не только лекари, спасатели, санитары, герои катастроф и военных действий, они сегодня видимым образом лечат душевные и духовные недуги людей. Не надо напоминать о том, что в наш виртуальный век все большее количество детей рождается с диагнозом «аутизм». Не хотят они принимать Реальность. Не хотят жить. И только собаки (да еще лошади, обезьяны, дельфины...) спо-

Св. Василий Великий говорит, что собака обладает даром «признательности и верности». «Многие собаки умирают рядом со своими убитыми в пустынных местах хозяевами. И более того, есть такие, которые находят убийц, которых ожидает впоследствии справедливое наказание».

Св. Василий Великий «Шестоднев»

Собака значит больше меня, поскольку она любит своего господина и никогда не судит.

Авва Ксантиос, V. век

собны выйти на контакт с подобными монадными существами. Пишущая эти строки была свидетелем и другого чудотворного процесса: в западных больницах люди с болезнью Альцгеймера, не узнающие своих родных и детей старики, вдруг «очеловечиваются» и оживают, когда к ним (два-три раза в неделю) приводят собак.

Но вернемся к Евангелию.

Есть у Матфея и у Марка один замечательный рассказ. Прочитируем его: «И вот, женщина Хананеянка, выйдя из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется. Но Он не отвечал ей ни слова. И ученики Его, приступив, просили Его: отпусти ее, потому что кричит за нами. Он же сказал в ответ: Я послан только к погибшим овцам дома Израилева. А она, подойдя, кланялась Ему и говорила: Господи! Помоги мне. Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! Но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час» (Мф., 15,22–28). В греческом тексте речь идет не о «псах», а о «щенках», русский же синодальный перевод не доносит до нас эту «малость» и беспомощность. Создатель латинской Вульгаты св. Иероним также перевел не «щенки», а просто «псы». Смирение хананеянки

выказало свою невероятную силу благодаря тому, что она сравнила себя и свою дочь с теми, кто хуже нищих и прокаженных, с «неприкасаемыми», всеми презируемыми существами. Такими были для иудеев язычники.

По мнению многих экзегетов, это евангельское событие обладает особым смыслом. Христос, будучи не только Богом, но и человеком, обладал и меняющимся человеческим самосознанием. Как считают ведущие богословы, встреча с хананеянкой, язычницей, не иудейкой, и помощь, оказанная ей, кардинально меняет представление Господа о Его миссии – если раньше Он пришел, чтобы спасти лишь евреев, то теперь Господь становится Спасителем всего человечества, добавим, всей твари Божьей.

В православной литературе о собаках написано мало. И если написано, то с какой-то непонятной злобой и невротическим, некрасивым страхом. И все же есть и у нас защитники преданнейших человеку тварей.

Позволю процитировать большой отрывок из книги дьякона Андрея Кураева «Почему православные такие?».

Отцу Андрею задают вопрос: «Правда ли, что собаку в дом пускать нельзя?».

И вот, что говорит отец Андрей:

«Это одна из самых распространенных сегодня приходских сплетен: «Если дом освящен – поселя-

Две девочки принесли больного щенка в церковь. На них немедленно набросились злые «смотрите-

ли». И когда они были выброшены из церкви, их утешила проходящая мимо женщина, сказав: «Не бойтесь, я не обижу Вашего щенка. Я не христианка».

Из частного письма, СПб, 2001

ется Господь, а если пустили собаку в дом, благодать Святого Духа уходит! У кого собаки живут в одном помещении с иконами, тот не должен допускаться к Причастию!» (Угодница Божия Пелагея Рязанская). Но богословских оснований для столь категорических мнений нет. Библия не учит о несовместимости собаки и благодати. Когда Ангел Рафаил сопровождал Товию, шла **и собака юноши с ними** (Тов., 5,17). И Ангела это не отгоняло и не смущало. (Св. Иероним так комментирует это место: «Собака, которая сопровождала их в пути, бежала впереди, будучи неожиданным вестником, она махала хвостом, выражая свою радость»).

Есть в Писании место, где собака оказывается символом блага: какое общение у волка с ягненком? Так и у грешника – с благочестивым. Какой мир у гиены с собакой? И какой мир у богатого с бедным? (Сир., 13,21–22).

И нигде в Библии собака не именуется нечистым животным (равно как и кошка нигде не относится к животным чистым)...

Святитель Фотий, Патриарх Константинопольский, пишет об именовании животных «нечистыми»: «Многое по природе очень хорошо, но для пользующихся становится большим злом, не из-за собственной природы, но из-за порочности пользующихся... Чистое стало отличаться от нечистого не с начала мироздания, но получило это разли-

чие из-за некоторых обстоятельств. Ибо поскольку египтяне, у которых израильское племя было в услужении, многим животным воздавали божеские почести и дурно пользовались ими, которые были весьма хороши, Моисей, чтобы и народ израильский не был увлечен к этому скверному употреблению и не приписал бессловесным божеское почитание, в законодательстве справедливо назвал их нечистыми – не потому, что нечистота была присуща им от создания...

Итак, миротворение Божие произвело все создания весьма хорошими и природа всего – самая наилучшая. Неразумное же и незаконное людское употребление, осквернив многое из созданного, заставило что-то считаться и называться нечистым, а что-то, хотя и избежало наименования нечистого, дало повод боговидцу предусмотреть другой способ пресечь их осквернение, чтобы тем и другим образом изъять из мыслей израильтян многобожие и добиться безупречности.»

Церковная история также позволяет молвить словечко в защиту собак: в 1439 г. во Флоренции проходил собор, заключивший унию католиков с православными. В последний день собора, когда и зачитывался сам акт об унии, у ног византийского (православного) императора лежала собака. И вот, когда начали читать этот документ, который с точки зрения Православия был предательским, пес залаял

Вот врачи, которые сочувствуют больному Лазарю, они вылизывают раны того, кто восклицает в своем бедствии: «Будь милостив ко мне, Господь!»

Св. Роман Сладкопевец

*Эти сострадающие животные
прибежали зализывать раны, тог-
да как ни один человек не соблаго-
волил вымыть и вычистить их.*

Св. Иоанн Златоуст

так, что никто не смог его остановить. Дело, кстати, происходило в храме. И пес был единственным в тот день и в том месте, кто возвысил свой голос в защиту Православия.

А вот добрый взгляд церковного иерарха (будущего Патриарха) на собак: «По городу масса собак, все самой подлинной камчатской породы, мохнатые и здоровые, На них наши сибиряки ездят зимой. Питаются эти достойные животные по-монашески рыбой и обнаруживают полнейшее равнодушие к переменам погоды. Я долго любовался на одного пса, который преспокойно почивал под проливным дождем, хотя всего два шага было до сарая. Пожалуй, и Диоген позавидовал бы этому собачьему стоицизму, хотя и носил почетное звание киника (кион, собака)» (Арх. Сергей Страгородский. «По Японии: записки миссионера».)

Так что не традиция, а невежественный модернизм стоит за противоположными наставлениями: «Если в частном доме живет во дворе собака, можно ли с ней общаться, гладить и кормить накануне своего Причастия? – «Накануне дня Причастия к собаке подходить не надо. Также гладить нельзя, а если погладили случайно, сразу надо мыть руки с мылом и сполоснуть святой водой. – А что если за день до Причастия дотронулся до собаки, то, помыв руки святой водой, можно ли причащаться?» – «Нет, причащаться нельзя» (Ответы архимандрита

Георгия на вопросы мирян...).

Неприязнь к собаке имеет не церковное, а языческое происхождение. «Собака по неясной причине обычна в семантическом ряду смерть-преисподняя-земля».

Мистические причины негативного отношения некоторых язычников к собакам неясны, а вот бытовые причины вполне понятны. От собаки несет «псиной». Собаки спокойно ложатся в грязь. Да, в традиционном хозяйстве места животных были распределены разумно и ясно: пес охраняет дом снаружи, кот изнутри. Но у наших квартир нет «приусадебных участков». Так что собаку приходится пускать внутрь.

И польза от пребывания собаки в современном доме бывает очевидной. Сегодня домашний пес стал средством ко вполне христианскому воспитанию детей. Ты просил щенка? Так и заботься о нем и иди с ним гулять!».

Столь же очевиден и вред от изгнания собаки «во имя веры». Если бабушка, настроенная на борьбу с собакой каким-либо «духовным наставником», приезжает домой и, пользуясь отсутствием дома детей и внуков, изгонит вон их любимого щенка, то, что потом будут думать ее дети и внуки о вере самой бабушки, о том «наставнике», что внушил ей эту «премудрость», и вообще о Православии?

Дьявол ненавидит собаку и боится ее, потому что она верна человеку.

Хильдегарда фон Бинген

Дай мне по благодати дар, который собака получила по природе: дар остаться верной Тебе в моей печали, дар не бунтовать; я желаю этого с большей страстью, чем желают Царствия Небесного.

Мехтхильда фон Магдебург

Ну да что тем ревнителям до слез детей и до судьбы их душ: они ходят гордые тем, что отстаивали «церковное Предание»! Причем – мнимое церковное. Церковь просто не стала спорить с этим языческим суеверием. Но по прошествии веков то, что Церковь просто терпела, вдруг стало выдаваться за то, к чему сама Церковь призывает!

И еще один интересный рассказ, связанный с собакой, находим в раввинистическом предании. Текст Книги Исход «...мяса, растерзанного зверем в поле, не ешьте, псам бросайте его (Исх., 22,31) здесь поясняется так: это награда от Бога псам за то, что те не лаяли во время ухода евреев из Египта».

Я обсуждала «собачью» проблему с одним еврейским богословом. Мы сетовали, что евреи все же не жалуют собак. Есть множество мест в Ветхом Завете, где о собаке говорится с величайшим презрением. Во Второзаконии, например: «Не вноси платы блудницы и цены пса в дом Господа, бога Твоего, ни по какому обету; ибо то и другое есть мерзость перед Господом, Богом Твоим» (Втор., 23,18). В 56-й главе книги Исаии находим о собаках следующее: «И это псы, жадные душою, не знающие сытости; и это пастыри бессмысленные; все смотрят на свою дорогу, каждый до последнего – на свою корысть» (Ис., 56,11). Мой умный, любящий собак собеседник попытался как-то оправдать подобные нападки. И мне был дан примерно такой ответ: в иудаизме (в

отличие от христианства) между Богом и человеком – пропасть. Собака же обожает человека. Любой: старый, злой, некрасивый, глупый, он для нее – все. Таким образом, и человек может соблазниться, станет думать о себе, как о божестве, что в иудаизме является самым страшным грехом.

Король Гарамант был взят в плен и продан в рабство. Двести его собак объединились в армию, пробрались во вражеский стан и, победив противника, спасли своего короля.

Оксфордский Бестиарий (1210)

Истинный моральный экзамен человечества, который лежит в основе всего остального, обнаруживает себя в отношении к тем, кто полностью зависит от нашей милости, а это – животные. На этом поприще человечество потерпело полное поражение, поражение настолько окончательное, что все остальные поражения являются лишь его последствиями.

Милан Кундера

ЖИВОТНОЕ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛ

Джейн Гудалл посвятила много лет своей жизни интенсивной работе с шимпанзе. В своей автобиографии она рассказывает о событии, которое стало самым главным в ее жизни. Май 1981 года. После смерти мужа Джейн возвращается в Гомбе, к своим обезьянам. Она не думает о каких-либо научных исследованиях, она просто хочет общаться со своими шимпанзе.

Началась гроза. Джейн уселась в потаенном месте, под пальмой. Она видит, как молодая шимпанзе наклоняется, чтобы закрыть своим телом ребенка. Видит другого, прижимающегося к матери младенца и еще одного, осторожно ползущего по ветке.

«Я потеряла всякое ощущение времени. Шимпанзе и «я» были одним целым. Мы были тихим, молчаливым единством. В шимпанзе были жизнь и дух. Мое «я» более не существовало. Шимпанзе и «я», земля, деревья и небо, казалось, слились друг с другом и стали чем-то единым».

Так дотошный исследователь и далекий от всякой романтики естествоиспытатель погружается в состояние, доступное лишь великим мистикам:

«В тот полдень случилось это: какая-то неведомая рука отодвинула портьеру и в какую-то секунду мгновения я смогла бросить взгляд сквозь это открытое окно (Goodall, Grund zu Hoffnung, Munchen, 2001).

Здесь описано парадоксально-благодатное «правило» христианства – чтобы обрести себя, нужно себя потерять (Мф., 10,39).

В животных – вспомним Мартина Бубера – мы встречаемся с совершенно иным и все же родным «ты».

Человеку, вечному бунтовщику и протестанту (как определял Макс Шелер) противостоит животное, всегда говорящее «да», принимающее Реальность даже тогда, когда от нее убегает. Человеку свойственно спрашивать о себе самом, становиться вопросом для себя самого. Самосознание отделяет человека от жизненного мира и от себя самого. Все более трагично звучит вопрос: кто я? зачем я? Вопрос классический. Вопрос о смысле жизни. И все менее остается надежды получить ответ на этот вопрос.

У животных же не было выбора (что, согласно преподобному Максиму Исповеднику, и есть настоящая свобода). Животные всегда знали, кому принадлежат и где находятся. «Вол знает своего хозяина, и осел свои ясли» (Иез., 1,3).

Тоска человека по собственному месту в жизни неведома животным. И осел, и вол счастливы, что являются необходимыми свидетелями великой мистерии боговоплощения, что икона Рождества Христова – это их икона. Животные воспринимают реальное без навязанной технологической ци-

Вполне возможно, эти несчастные (животные – Т.Г.), вынужденные существовать рядом с кровожадным человечеством, испытывают муку смертную, наблюдая за всеми нашими глупостями. Нам, именно из-за нашего примитивизма, попросту не дано завязать даже самого элементарного контакта с муравьями и бабочками.

Илья Бояшев
«Путь Мури»

В XVII веке протопоп Аввакум окропляет святой водой и кадит ладаном над больными курами после того как отслужил службу об их выздоровлении. Куры поправились. Аввакум не удивился. «Не впервые сегодня Христос совершает это. Уже Козьма и Дамиан помогали животным и лечили их силою Христовой: Бог всех любит: зверь и птица живут во славу Его».

Жан Бастер
«Песнь творения»

визацией цензуры. Как пишет Хайдеггер об истинной (в данном случае греческой) философии: «Зрение открывает краски, слышание открывает звуки. В самом чистом и первоначальном смысле вос-принимать (по-немецки *wahrnehmen*, правильно брать – Т. Г.) – это чистое «ноеин», неискаженное восприятие простейших условий бытия как такового («Бытие и время»).

Сознание, в котором преобладает абстрагирование и систематизация, уже замутнено. Человек многого добился благодаря этому сознанию, но и многое потерял. Он потерял непосредственное восприятие реальности. Животные же остаются в непосредственном восприятии реальности. Это не исключает наличие памяти, а также знание о будущем у животных. Каждый, кто по-настоящему общался со своим другом-зверем, знает об этом. Другим же можно, к примеру, почитать популярного ученого Руперта Шелдрейка, вновь открывшего жизненность живого, привычки живой природы, морфогенетические поля, святое пространство и святое время.

Животное может жить в чистом мгновении.

Здесь мне проще всего говорить о Бубе, моем временно усопшем псе.

Мой пес, не будучи религиозным, (ибо религия – это связь, а отношения животных с Богом непосредственны) был мистиком. Он жил в чистом

мгновении, в абсолюте настоящего.

Анри Лесо (1910–1973), глубоко познавший как индийскую, так и христианскую традиции, писал об истинном знании: «Нужно полностью погрузиться в настоящее. Заставить замолчать саму мысль о том, что есть настоящее». Православные отцы сказали бы то же: «Сосредоточиться на простоте бытия сейчас, не отвлекаться, не мечтать, не искать экстаза».

Мистика (очень непростым способом), но все же связана с нравственностью.

Многому и в нравственном плане обучил меня Буба. Эта дворняга до разрыва сердца любила встречу, научила меня настоящей радости. Мы играли. Например, исчезали в море за далеким горизонтом, а Буба готов был пожертвовать своей жизнью и плыл, загребая короткими лапами, рискуя умереть, заблудиться в чужих пространствах, но плыл. Не раз он был послан в служение, для утешения страдающим от депрессии людям. И вот его нет. И как будто нет и меня. Неужели не увидимся больше?

Животные на генетическом уровне помнят о рае, о любви, соединяющей всех, об отсутствии печали, болезни, вражды. Неужели же им не найдется места в грядущем, вечном раю? Тогда я, как и Бердяев, не приемлю этого скучного, холодного рая.

Животные воплощают такую силу утверждения, до которой далеко человеку.

Благословен Ты, Господь! Благословенны и все твари Твои!

Св. Франциск Ассизский
«Гимн солнцу»

*«И все твари Твои» - этим благо-
словением Франциск объясняет,
что перед лицом Всевышнего душа
понимает свое место – место
твари. Смиренная бедность души
освобождает ее от всяких упре-
ков и вопросов к Богу. Совершенно
естественно Франциск чувству-
ет себя ближе к твари самой
ничтожной. Существует много
верующих, поющих хвалу Боже-
ственной Трансценденции и имен-
но поэтому дистанцирующих себя
от сотворенного. Таким образом
они думают, что стали ближе к
Всевышнему У Франциска – ничего
подобного. Только вместе со всей
тварью, только побратавшись
с ней, он может хвалить Бога и
вступать с Ним в диалог.*

Элуа Леклер

У человека, живущего символическим, «момент истины» или столкновение с реальностью был, есть и будет редчайшим моментом. Обычным языком он неопишем, современные философы говорят о «чистой негативности», «дифференции», «*petit-a*», «вертикали» и т.д. Поэты, которым иногда удается соединить реальное и символическое (но только большие поэты), склонны прибегать к помощи звериного, неискаженного языка, умного крика и премудрого молчания твари.

«Встреча человека с животными потрясает серьезностью безусловного призыва; это реальность, затрагивающая самые глубинные слои человеческого существа, действительность, которая такова, какова она и есть на самом деле, и которая не спрашивает, приятна она человеку или нет» (Отто Больнов).

Настало время вспомнить о Гофманстале, о его гениальном «письме», которое было написано в начале XX века, но стало необыкновенно популярным в наше время, когда после «смерти человека» действительное, настоящее бытие являет себя в молчании тех, кто умнее, благороднее, ближе к Богу. (Текст письма дается в сокращении).

«Письмо от Филиппа, лорда Чандоса к Фрэнсису Бэкону». Оно написано, чтобы принести извинения перед своими друзьями, поскольку автор письма решил покончить с литературной деятельностью.

«Проще говоря: в то время я находился в состоянии какого-то опьянения и воспринимал жизнь как некое единство: между духом и телом не было пропасти, не было различия между цивилизованным и звериным, искусством и неискусством, одиночеством и обществом...

Одно напоминало другое, везде я находил себя и свое место. И вот я упал с высот своего радужного высокомерия в крайнюю степень малодушия и бессилия. И это стало моим постоянным внутренним состоянием. Но религиозные настроения, подобные этим, не имеют надо мной никакой власти. Это паутина, сквозь которую мысли мои летят прямо в пустоту, в то время как многие обретают в них возделанный покой.

Я не способен к употреблению и земных понятий, они ускользают от меня так же, как и возвышенные. Где я найду средства, чтобы изобразить эти странные духовные мучения? От меня убегают ветви, которых я касаюсь, и я не способен проглотить воду, которую подношу к губам.

Вот вкратце моя история.

Я совершенно разучился думать или говорить о чем-либо последовательно. Я не могу говорить ни о чем „вообще“. Мне почему-то неприятно произносить слова „дух“, „душа“ или „тело“. Но зараза распространилась и дальше. Даже в простых домашних разговорах мне не удавалось выдавить из себя

Природа и пение птиц – вот мои страсти. Они для меня и убежище. В мрачные часы, когда я с ужасом осознаю, что я никому не нужен, мне остается только искать свое подлинное лицо в лесу, в поле, в горах, на берегу моря, в кругу птиц... Божественны слова Рильке: «Музыка: дыхание статуй. Может быть: тихость картин. Ты – язык, там, где нет языка». Пение птиц воплощает эту мечту поэта. И оно, конечно, недостижимо для музыканта, который все же пытается его зафиксировать.

Оливье Мессиан

*Святые обнимают своей любовью
весь мир.*

Св. Силуан Афонский

какое-либо суждение, так что я вообще перестал говорить. С непонятной, трудно скрываемой яростью слышал я, как судачат: этому что-то удалось (или не удалось), шериф N – злой, а проповедник T – хороший.

Все это казалось мне до невозможности безосновательным, лживым и беспредметным. Все распадалось на куски, куски – опять на куски. Отдельные слова плавали вокруг меня, они смотрели на меня с упорством, и я должен был смотреть на них. В этом кружении меня затягивало в пустоту.

Какая-нибудь лейка, собака, лежащая на солнце, нищее кладбище, калека, – все это может стать для меня предметом откровения. Да это может быть и представление об отсутствующем предмете. Так, недавно мне поручили извести крыс в молочном погребе, насыпав туда достаточное количество крысиного яда. Все было во мне: гниlostное, наполненное слащаво острыми запахами яда зловоние подвала и режущие ухо крики умирающих, бьющихся о затхлые стены. Судороги бессилия. Обгоняющие друг друга вспышки отчаяния. Сумасбродный поиск выхода. Холодный взгляд ярости, когда две крысы столкнулись носом к носу у залепленной щели. Но почему я опять прибегаю к помощи слов, ведь я клялся не пользоваться ими!

Вы помните, мой друг, как изображает Ливий мгновение, предшествующее разрушению Alba

Longa? Как они бежали по улицам, которые никогда не увидят? Как они прощались с камнями той земли. Друг мой, я все время помнил об этом и о горящем Карфагене. Но здесь было больше. Здесь было божественное, животное. Это было совершенное присутствие, возвышеннейшее присутствие. В подвале была мать, окруженная вздрагивающими, умирающими детьми. Она смотрела не на них и не на угрожающие каменные стены, она смотрела в пустое пространство, т.е. через пустоту в бесконечность. Слышался хруст ее зубов. Я был подобен рабу, парализованному ужасом в созерцании каменеющей Ниобеи: на меня смотрела душа этого животного. Сверкнули его зубы, скрывающие чудовищный рок.

Здесь было нечто гораздо большее и гораздо меньшее, чем просто сострадание. Было невыразимое соучастие, я переселился в эти существа. Флюиды жизни и смерти, сна и бодрствования на какое-то мгновение все были собраны здесь.

Почему так?

И при чем здесь сострадание, если я порой нахожу под ореховым деревом простую лейку, случайно забытую там садовником. В такие мгновения какое-нибудь ничтожное создание – собака, крыса, жук, сломанная яблоня – мне кажутся прекраснее самой нежной возлюбленной, подарившей мне незабываемую ночь. Эти молчаливые и порой неживые соз-

В православии царит идеал равновесия и гармонии. Один из моих друзей подражает крику птиц и подражает так искусно, что птицы ему отвечают. Это кажется невинной забавой, но однажды, когда мы шли через афонский лес, сопровождающий нас монах сказал: «Пожалуйста, не делайте этого». «Но что же в этом плохого?» – спросил мой друг. Монах ответил: «Вы нарушаете божественный порядок».

Каллистос Вэр

У нас была корова. Когда она жила, из нее ели молоко мать, отец и я. Потом она родила себе сына – теленка, и он тоже ел из нее молоко, мы трое и он четвертый, и всем хватало. Корова еще пахала и возила кладь. Потом ее сына продали на мясо. Корова стала мучиться, но скоро умерла от поезда. И ее тоже съели, потому что она говядина. Корова отдала нам все, т.е. молоко, сына, мясо, кожу, внутренности и кости, она была доброй. Я помню нашу корову и не забуду.

Андрей Платонов

дания открываются мне с такой полнотой, с таким присутствием любви, что мое осчастливленное око не замечает ни одного неживого места во всем моем окружении.

Никто из вас не поймет, какое тихое блаженство испытываю я, когда вижу гнилые доски, под которыми обычно ищут червяков для рыбалки, когда я заглядываю сквозь решетку в душную комнату с низкой кроватью в углу, которая только и ждет чьей-то смерти или рождения. Вы не поймете, почему я так долго радуюсь безобразным щенкам или кошке, которая осторожно пробирается меж обломков цветочных горшков. Не поймете, что мой взгляд ищет среди этих нищих и неуклюжих предметов крестьянского быта нечто такое, чья невзрачная форма и никому не нужное существование, чья немая сущность смогут стать источником загадочного, невысказанного, безграничного восхищения...

Я сравниваю себя порой с сенатором Крассом, о котором говорили, что он так сильно любил ручную мурену – глухую, красноглазую, немую рыбу – что эта любовь стала сюжетом городских пересудов. И когда однажды, во время заседания сената, Домиций упрекнул его в том, что Красс оплакивал смерть своей рыбы, Красс ответил: «Я поступил так после смерти моей рыбы, как вы не поступали ни после смерти вашей первой, ни после смерти вашей второй жены».

Образ Красса иногда ночью всплывает в моем сознании и буравит его, как гвоздь, вокруг которого все бьется, пульсирует и кипит. Мне кажется тогда, что я сам нахожусь в брожении, выдыхаю пузыри, бурлю и свечусь. Все в целом похоже на лихорадочную мысль, только она непосредственнее, неуловимее, горячее слов.

Эти вихри не ведут, подобно словам, куда-то в бесконечное, они остаются во мне самом, в глубоком, мирном лоне.

Я чувствую, что я уже никогда в своей жизни не напишу ни одной книги – ни на английском, ни на латинском. Язык, на котором мне, наверно, дано не только писать и мыслить – не английский, латинский или итальянский. Это язык, на котором иногда обращаются ко мне немые вещи, и на котором я, очевидно, будучи уже в могиле, дам ответ неизвестному Судье».

Phi. Chandos, 1902. (Цитировано в сокращении из «Lebensbuch der Jahrhundertwende», Insel, 1987, 247–260).

Это письмо вдохновило многих современных философов, например, Слотердайка и Делеза.

Очевидно, что вдохновит еще и многих других.

Символический уровень теряет свою достоверность. Уже давно неясно, что такое «человек». Ясно, что символы лживы «в устах» даже самых невинных

Скажите, только честно, что вам больше по вкусу: голая ледяная земля, над которой зря восходит солнце... или – зеленая, населенная зверьми и птицами, с реками и озерами, полными рыбы, с подбирающим корешки человеком и, быть может, разумным дельфином, не пошедшим по нашему неразумному пути?

Андрей Битов
«Оглашенные»

Не надо думать, что наши домашние животные научились смотреть так выразительно благодаря нам. Только благодаря своей абсолютной непринужденности они умеют так смотреть на неживотных.

Мартин Бубер

младенцев. Теряется бинарная оппозиция (сырое-вареное, белое-черное и т.д.), теряется различие между полами (которое не только феминистками рассматривается как начало всякой лжи и угнетения), теряется единство понимания, и большинство самых общих понятий – справедливость, равенство, любовь, свобода (список будет бесконечным) – окончательно обесмысленны и требуют реанимационных объяснений.

Адорно, Левинас вообще запретили сочинять стихи и философствовать после Освенцима. Символическое потеряло силу из-за разбитости мира на куски, из-за неприсутствия когда-то животворящих слов и дел. Гофмансталь нашел свое «мирное лоно», проникнув в царство тех, кто в последней ненужности и нелепости несет «отблеск райской красоты». Автор письма зарекся писать и говорить, но с какой силой он выразил (в слове) суть животного-человеческого, а, значит, и Божественного – серьезного, настоящего бытия!

ТВАРЬ СОВОКУПНО СТЕНАЕТ

Отношение к ближнему («возлюби ближнего своего»), к Другому – основа христианской веры. Любовь – пусть это слово и кажется затасканным – является безусловной основой всякой великой культуры и цивилизации.

В основе всех нравственных отношений – асимметрия. Между мной и тобой нет равенства. Ближний-Другой всегда первичнее и важнее меня самого.

Французский философ Левинас писал, что самое тяжелое в человеческой жизни – знать о смерти другого, видеть другого страдающим и быть бессильным перед этим страданием. Отчаяние, чувство вины, сострадание тем сильнее, чем меньше мы способны разделить боль другого.

Чистое страдание, утверждает Левинас, передает себя только в модусе этого конкретного страдания, здесь нет смягчающей формы, интерпретации и оправдания, вытеснения и бегства.

Марина Цветаева, поэт великой боли, пишет:

«Я не более, чем животное,/ кем-то раненное в живот.»

Именно не более, потому что задет сам нерв жизни – живот-жизнь- животное.

Боль говорит о себе прямо, попадает в точку. Для нее нет слов («молчание животных»), она – образец

Дело в том, что «маленький скарабей», или всемирный пол, один и источает нежность на целый мир, льет свет любви на всю вселенную, он в самом деле – Скарабей – Солнце. Родство – от Скарабея...

Мир – один. От жука до Вифлеема. Не хотели ли еще египтяне сказать, что мир есть Скромность. Скарабей отчасти сюда указывал: все великое – от Незаметного. Что может быть меньше горчичного зерна: и из него вырастает дерево.

Василий Розанов

Когда человек становится просветленным, с ним происходят две вещи, причем одновременно. Первая – это Каруна, доброта, сострадание, вторая – Праджия, мудрость, два эти цветка расцветают в человеке.

Из буддийской традиции

минимализма. Нужно сказать, что во всех великих религиозных системах самое маленькое равняется самому большому, вспомним хотя бы евангельское – о горчичном зерне, что, будучи самым маленьким из всех зерен, вырастает в великое дерево.

Тайна страдания (жертвы) – основа любого преобразования и воскресения.

И нужно сказать, что животное более приближено к этой спасительной тайне, чем человек.

Почему?

Потому что страдания животного необъяснимы. Потому, что на животных нет первородного греха, и они страдают безвинно. «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» (Рим., 8,18–22).

Человек всегда в чем-то грешен. Как об этом сказано у апостола Павла: «Ибо мы уже доказали, что как Иудеи и Эллины, все под грехом, как написано: нет праведного ни одного... все совратились с пути, до одного негодны, нет делающего добро, нет ни единого» (Рим., 3,9–13).

Литовский философ Антанас Мацейна пишет о главном экзистенциале человеческого пребывания в мире. Со времен Хайдеггера принято считать, что этот экзистенциал – «забота». Но Мацейна идет

дальше, выходит за рамки онтологической анонимности. А это особенно важно в наше жесткое, бесчувственное и неживое время. Мацейна пишет: «Мы все бываем, жалуясь». То есть, все живое существует в этом мире, жалуясь. (А. Мацейна. «Драма Иова»). Жалость не есть простое беспокойство. Жалоба возникает только в пограничной ситуации, когда тварь видит свое бессилие преодолеть небытие.

Человек жалуется по-настоящему только тогда, когда не осознает смысла своего страдания. Осмысленное страдание не вызывает подобной жалобы. Ибо каждый из нас знает: «Все совратились с пути, до одного негодны». И только невинная тварь жалуется и страдает по-настоящему.

Великие мыслители (да и вообще все, кто не потерял способности сочувствовать) от безумия и нежелания «участвовать в этой жизни» могли лишь бессильно восклицать: «Человеческий род словно бы предал забвению то, что все, способное страдать от начала мира, обязано ему одному, роду человеческому, шестьюдесятью веками боли и страха, и что непослушание человека разрушило хрупкое счастье этих жалких тварей, испытавших на себе высокомерное презрение божественного животного» (Léon Bloy, *La Femme pauvre*, 1946).

Леон Блуа пишет дерзновенные слова: «Когда мы видим страдающее животное, та жалость, которую мы испытываем, живет в нас лишь потому, что так

Вне всякого сомнения, дельфины общаются в полном смысле слова: пока одно из беседующих животных говорит, другое молчит, внимая ему. Более того, в неволе, они начинают подражать речи знакомых людей.

Илья Бояшов
«Путь Мури»

В одно из воскресных утр мой знакомый сделал мне приглашение: «Давай пойдем в Рееберг и поохотимся там на птиц». Я ужаснулся, но не осмелился возразить из страха быть высмеянным. Итак, мы подошли к маленькому деревцу, на котором сидело и пело множество птиц. Они не боялись нас. Мой приятель, подражая индейскому охотнику, натянул струну. Следуя его приказывающему взгляду, я сделал то же, испытывая при этом чудовищные муки совести. В тот же момент зазвонили колокола ближайшей церкви, они вошли в сияние солнца и слились с птичьим пением. Для меня это был голос Неба. Я опустил лук и спугнул птиц, так что мой приятель не смог ничего сделать. И с тех пор всегда, когда колоколы страстной седмицы сливаются с солнечным светом

мы начинаем предчувствовать грядущее Освобождение. Нам кажется, что мы чувствуем – эта тварь страдает незаслуженно, она не получит никакой награды, потому что не может рассчитывать ни на какое иное благо, кроме настоящей жизни, и тогда это ужасающая несправедливость. Значит, нужно чтобы она страдала **ради нас** бессмертных, если мы не хотим, чтобы Бог был абсурдным».

В православной традиции мы находим ответ на этот вопрос. Если и не в учебниках богословия, то в опыте живого, спасительного общения святых и животных. Животные добровольно, даже охотно страдают ради нас, чувствуют наши проблемы – как физические, так и духовные – спешат на помощь, даже когда мы их об этом не просим.

Примеров – тысячи.

Вот, например, написанное в совсем недавние времена «Житие Голосеевской монахини Алипии».

«В Голосеевском доме обитало множество котов. С ними было связано нечто таинственное. Очевидно, они тоже пребывали на службе у матушки, деля с ней труды по исцелению ближних. Оптинский старец Нектарий говорил: „Кот спас Ноев ковчег“. Мать Алипия несла тяжелый крест, вымаливая больных, и звери ей в этом помогали. Природный мир дан человеку для гармонии. Любящий животных скорее выживет при травме, в реанимации: чувствуя, что ему плохо, четвероногие друзья подключаются на рас-

стоянии и посылают больному нежность свою...

Преподобный Серафим ставил свечи за всех, приходящих к нему. По тому, как горит свеча – быстро, ровно, падает, тлеет, – он все знал о судьбе посетителя. Вот и в матушкиной избушке происходящее с животными было как бы прообразом происходящего с людьми, причем хозяйка имела власть молитвенно изменять ситуацию к лучшему. Жил у нее котик, потом пропал. „Ушел в Лавру“, – сказала матушка. Вскоре зверька нашли растерзанным. Не поверила: „В Лавре он“, зная одной ей известную тайну про чью-то душу, злом не убитую. Другого кота нелюди повесили возле ее дома. Матушка плакала, не разрешала хоронить. Бездыханное тельце долго лежало поверх вещей. Старица ходила кругами: „Будет жить или не будет?“ Не решалась ли в эти дни судьба неведомого человека, приговоренного к казни, небесной или земной? Такие загадочные явления были не редкость в лесной избушке. Мертвые зверьки часто лежали здесь на полу или на подоконнике, что в традиции блаженных. Палестинский юродивый авва Симеон носил на поясе дохлую собаку. „Пес ты и с псами выпался“, – говорил он о себе. Коты у матушки были ученые: кто нуждался в помощи, к кому как на мед липли, а от иных, как ошпаренные, отскакивали. Когда бесы нападают на человека, врачи ставят диагноз – аритмия, в этих случаях котики были незаменимы...

и пробуждают голые деревья, я благодарно и взволнованно думаю о том, как однажды был научен заповеди: »Не убий!«

Альберт Швейцер
Из моей жизни и мысли

Ты меня спрашиваешь, говорил Плутарх, почему Пифагор не ел мяса животных, но я хотел бы поставить вопрос наоборот: Какой смелостью должен был бы обладать тот первый человек, который взял в рот кусок мяса? Как он не умер от ужаса? И как говорится в «Одиссее» (12), он без сомнения не мог есть мясо без дрожи. Как он мог преодолеть свою природу, чтобы приступить к этому завтраку? Как он мог зарезать овечку, которая лизала его руки? Но тот первый мог еще найти какое-то оправдание, которое целиком отсутствует у нас. Смотри, каким изобилием съестного мы окружены, сколько богатства нам дают поля и виноградники. И животные по-прежнему дают нам свое молоко, чтобы мы питались, и свою шерсть, чтобы одевались.

Жан-Жак Руссо, «Эмилия»

Матушкины котики были больные, с гнойничками, сухими лапками. Она вымаливала людей, и вражья сила, не имея власти подступить к ним, нападала на животный мир. Звери как бы принимали удар на себя. Такой порченный народ ходил, что, подключая на помощь зверушек, матушка истощала природу, и она мучилась» (из «Русская женщина и православие», Санкт-Петербург, 1996).

Лишь тот, кто способен к Любви, Служению, Жертве, может помочь другим, преобразовать этот мир, вернуть рай. По учению святых Отцов, это должен сделать человек. Но поскольку человек (уже во время грехопадения, не говоря о сегодняшних анти-временах) предал Бога и продолжает легкомысленно и цинично «создавать» технологическую «цивилизацию» (тело антихриста), то «вопиют камни», затопляются страны, сжимается воздух. Но животным дан был от Бога приказ – служить человеку и Богу и вне рая, идти с ним сквозь все преграды, не предавать, но верить, всему радоваться, за все благодарить. «...Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрое, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (1 Кор., 1,27).

В газете «Православный Петербург» теперь нередко можно найти удивительные свидетельства, непридуманные рассказы, истинно вдохновляющие примеры из жизни животных.

В 6-м номере 2007 года напечатан рассказ «Урод»,

который хотелось бы, почти не сокращая, поместить и в эту книжку. (Имя автора этого замечательного рассказа в газете не указано):

«Однажды Уродливый (так прозвали кота - Т. Г.) пытался подружиться с соседними собаками. В ответ на это он был ужасно искусан... Уродливый был почти что мертв. Он лежал, свернувшись в клубок, его спина, ноги, задняя часть тела совершенно потеряли свою первоначальную форму. Грустная жизнь подходила к концу. Пока я нес его домой, он хрипел и задыхался. Я нес его домой и больше всего боялся повредить ему еще больше. А он тем временем пытался сосать мое ухо. Я прижал его к себе. Он коснулся головой ладони моей руки, его золотой глаз повернулся в мою сторону, и я услышал мурлыканье. Даже испытывая такую страшную боль, кот просил об одном – о капельке привязанности! Возможно, о капельке сострадания! И в тот момент я думал, что имею дело с самым любящим существом из всех, кого я встречал в жизни. Самым любящим и самым красивым. Никогда он даже не попробует укусить меня или оцарапать или просто покинуть. Он только смотрел на меня, уверенный, что я сумею смягчить его боль.

Уродливый умер на моих руках прежде, чем я успел добраться до дома...

Впоследствии я много размышлял о том, как один несчастный калека смог изменить мои пред-

Как это печально: природа говорит, а человечество ее не слушает.

Виктор Гюго

*В деле спасения кондоров
важно не столько то, что мы
нуждаемся в этих орлах, но
то, что мы обязаны развивать
в себе человеческие качества,
необходимые для спасения
этих животных. Именно эти
качества нужны нам для нашего
собственного спасения.*

Иан Мак Миллан

ставления о том, что такое истинная чистота духа, верная и беспредельная любовь. Так оно и было на самом деле.

Уродливый сообщил мне о сострадании больше, чем тысяча книг, лекций или разговоров. И я всегда буду ему благодарен. У него было искалечено тело, а у меня была травмирована душа. Настало и для меня время учиться любить верно и глубоко. Отдавать ближнему своему все без остатка. Большинство хочет быть богаче, успешнее, быть любимыми и красивыми. А я буду всегда стремиться к одному – быть Уродливым».

Высшая любовь – это безумие, юродство (уродство) перед падшим миром и предавшими Бога людьми. И никогда не покинувшие рай животные, и воплощающие один из самых высоких типов святости – могучие и загадочные юродивые – несут на себе отблеск неземной, райской красоты.

Санкт-Петербург, 2008.

Часть третья

ОНИ НЕ ОСТАВИЛИ РАЯ.

«Нигде в Библии нет мысли о том, что Бог выгнал животных из рая.»

Р. Хагенгорд
(немецкий богослов и экзегет)

ЭТОЛОГИЯ И ЕЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ К РЕЛИГИИ

Человек в раю дает имена животным. Он признает в них свое Другое. Человек и животное – равноценные партнеры. Так, например, человек не дает имена растениям.

И человеку и животному в одинаковой степени приписывается библейское качество *паераес*, что не означает «дух» или «ум», но радость жизни. Власть бороться со смертью и желанием смерти.

Феномен «жизни» – это в библейском контексте – не просто биологическое свойство, но божественный дар.

«Ибо мои все звери в лесу, и скот на тысяче гор. И знаю всех птиц на горах, и животные на полях предо Мною» (Пс., 49,10–11).

За последние десятилетия человеческая наука очень преуспела в познании животного мира. И многие респектабельные ученые,

начавшие свой жизненный путь как равнодушные исследователи-агностики, вдруг увидели, какое чудо – внутренний и поведенческий мир животного.

Для Стивена Хенри (Henri) животное – образ истинной религиозности.

В противоположность человеку, который не знает своего места во вселенной, животное подчиняется установленному Богом порядку. «Вол знает властителя своего, и осел ясли господина своего» (Ис., 1,3).

Животные организуют свою экосистему лучше, чем человек. Они лучше приспосабливаются к жизненному миру, окружающему их.

Этологи уже давно деконструировали любые попытки жестко противопоставить инстинкт и обучение (как это было у Бергсона). Вернхард Ренш (Rensch) повесил над воротами своего питомника для животных изречение из «Упанишад» - *Tat-tvam-asi*. Что означает: »Это – ты». Ренш говорит, что животные могут обучаться, у них есть память, они способны к абстракции и обобщению, могут и планировать, и действовать с намерением.

Обычно, животное считалось «глупее» человека, ибо оно бессловесно, поэтому не может образовывать понятия. Но и Ренш и другие исследователи пишут, что образование понятий не зависит от способности к речи. Напротив, речь может возникнуть тогда, когда уже образовалось понятийное и символическое мышление. *Faustregeln* – действуй, потом думай. – Это и есть правило животных.

Мы могли бы определить мышление и так:

Человек или животное должны не только иметь духовное

представление об окружающем их мире, но и быть способными как-то изменить это значение и соответственно этому изменению по-новому действовать. И в конце времен, в разгар экологического кризиса мы видим, что именно гордыня, глупая и порочная жадность мешают человеку одуматься. Человек разрушает все возможные экосистемы. Сделав себя центром мира, он не соответствует ни изменениям мира, ни своему божественному предназначению – собрать все малые космические «логосы» в единый Логос, создать Царство Небесное на земле.

СТРАДАНИЕ ВАЖНЕЕ СОЗНАНИЯ

Иеремия Бентам (1784–1832) произнес очень верные слова: «Решающим является не то, могут ли животные говорить или мыслить, решающее – страдают ли они.»

Бентаму вторят современные мыслители. А.Р. Дамазио: «Вот разгадка к тайне сознания: я чувствую, следовательно, я существую». (Antonio Damasio «Ich fühle – also bin ich» 2002) Г.Рот: «Чувствовать, мыслить, действовать – так мозг управляет поведением.» G.Roth, «Fühlen – Denken-Handeln. Wie das Gehirn unser Verhalten steuert» 2001.

Но философия, от Платона до Гуссерля, мало доверяла эмоциям, вытесняя их в гетто «животного» и «телесного».

Был, правда, не долго длившийся бунт романтиков, возвысивших сердечность, т.е. чувство, и «опустивших» мещанский разум. Но гордыня человеческой мегаломании взяла реванш в насквозь рационалистических философских системах Фихте, Гегеля & Со.

Наука 20-го века перестала заниматься исключительно телом. Все эмоции она возвратила в мозг, но там они занимают нижние нейронные слои, те, благодаря которым мы можем соединиться с нашими «низшими предшественниками». Чувства и сознание различны, но у них – одна основа. Это, может быть, последнее слово ученых.

Однако все громче звучат голоса, повторяющие: «Чувства руководят рассудком, и это хорошо, потому что наши условные чувства – это ничто иное, как концентрация жизненного опыта».

«Я» – спикер правительства. Оно интерпретирует то, что совсем не знает» (G. Roth).

Правда, уже Фрейд говорил то же самое, открыв бесконечную значимость бессознательного. А в постмодернистское время Жак Деррида, деконструировав мир логики и мужекратии, приступил еще раз к деконструкции «человеческого, слишком человеческого» и объявил, что он «есть животное» («Животное, которым я являюсь» - «L'animal que donc je suis», Paris, 2006).

АЛЬТРУИЗМ ИЛИ ЭГОИЗМ?

Почему-то считается, что только люди способны к благородному самопожертвованию. Но и у животных мы встречаемся с альтруизмом. И совсем не так редко, как думаем.

Серые дрозды (*turdoides squamiceps*) поистине жертвенные птицы: когда все едят, один из членов стаи сидит в стороне, хотя он сам очень голоден. Когда люди дают ему пищу, он мгновенно, с жадностью ее проглатывает. Эти дрозды передают пищу дальше. Бесшумно уничтожают змей, угрожающих стае, спасают своих товарищей, вытаскивая их из сетей, активно участвуют в высиживании и воспитании птенцов из соседних гнезд.

Для таких именитых ученых, как Jane Goodall, Marian Stamp Dawkins, Gerti Duecker, Konrad Lorenz, Bernhard Rensch и др. нет сомнения, что у животных есть такие инструменты познания, как «бритва Оккама», «экзальтация», «внезапность открытия».

Для общения высших приматов характерны «когнитивная эмпатия» и «культурная жизнь» - через имитацию, преподавание и совместную деятельность.

Peter Bieri показывает, что тайна сознания связана с переживанием. Состояния сознания «чувствуются» и связаны с внутренней перспективой переживающего существа.

И уж сегодня никто не будет оспаривать тезис, что эмоции – это основа для развития сознания. Они тесно соединены с логикой выживания.

БЕЗ ТЕНИ «Я»

Исследователи поведения животных нашли у них одно благородное преимущество: в сознании животных нет «тени Я».

Dieter Henrich пишет: нужно вначале говорить о сознании, лишенном Я, о сознании чисто предметном, предшествующем всяким целенаправленным движениям и всякому Я.

Хенрих называет это сознание «пред-рефлексивным доверием – себе – самому» и оно существует в явном виде у животных (см. R. Hagencord. Gott und die Tiere. 2008).

Классический бихевиоризм (как и теория рефлексов Павлова) отрицают состояние «доверия-себе-самому». Бихевиоризм не прав.

Другой исследователь поведения животных Eberhard Winterhager говорит о том, что у животных есть большое преимущество: у них отсутствует «тень Я». Поэтому их сознание первозданно. «Тень Я» отсутствует у детей и у высших приматов (E. Winterhagen, «Das Sich-Haben des Subjekts», 1977).

Винтерхагер обнаруживает такое же сознание и у собаки. Уже у собак организации сознания способствуют социальные контакты.

Вначале у них есть просто «поле сознания», его способность воспринимать. Потом, в следствие накопления жизненного опыта, сознание все больше расширяется.

Восприятие животным объекта должно быть точным – иначе не выживешь. И каждый раз при этом восприятии что-то меняется в сознании животного. Вначале это просто процессы обмена, вызывающие телесные эмоции. Они – через мозг – пре-

вращаются в чувства и в свою очередь действуют на тело и на поведение животного.

Мозг тогда должен регистрировать эти изменения на втором уровне и тем самым отвечать на вопрос – кому это посылается?

Итак, животные – это не просто машины, которые раздражаются, но животные вырабатывают адекватные способы поведения и поэтому заранее «проигрывают» в своих головах в рамках экологического, социального и эмоционального разума определенные жизненные ситуации.

Если человеку, наконец, удастся сбросить «очки культуры» и усвоить «животный взгляд на мир», то и сами человеческая культура и мораль предстанут перед человеком в другом свете. Они же не упали с неба. В животном же мы все еще продолжаем видеть себя самих.

Ученые, долгое время «исследовавшие» повадки животных, сегодня приходят к оригинальным выводам: животные уже достигли того, к чему только стремится человек.

Дитер Хенрих: самопреодоление – вот «царский путь самопознания и истинный способ самообретения.» Мысль о «без-Я-ейном» основании самосознания центральна, она свойственна философии Востока. «Только в пограничных ситуациях медитации может человек понять, что такое состояние пустоты чистого сознания.» Так думает Хенрих, потому что не знает о православии, о том, что не только в дзен-буддизме, но и в православной аскетике человек освобождается от шизофрении и самости (тени Я).

Так, даже в среде современных ученых, преодолевается пропасть, которую воздвиг человек между собой и животным, оправдывая свое жестокое по отношению к твари поведение.

АТМОСФЕРА РАЯ

Животное страдает и страдает вдвойне.

Во-первых, потому что оно страдает невинно.

Во-вторых, потому что не может рассказать о своих страданиях, объяснить их. Рассказанное страдание – уже только наполовину страдание.

Страдания животных столь непостижимы, что, созерцая их, даже самые далекие от Библии философы приходят к мысли о страшном моменте грехопадения.

Хоркхаймер и Адорно в «Диалектике разума» пишут: «Любое животное заставляет нас задуматься о чудовищной катастрофе, которая произошла когда-то, в доисторические времена.» Они как бы вторят Книге Бытия, повторяют мысли св. Макария Великого и Симеона Нового Богослова – ужасная катастрофа человеческого грехопадения принесла страдание и смерть совершенно невинным животным.

Но эта уязвимость и беззащитность животного наводит и еще на одну мысль: животное способно к настоящему послушанию.

Безмолвное принятие страдания и смерти («Яко агнец был веден на заклание и перед лицом стригущего его безгласен» - Исайя) говорит о пассивности более пассивной, чем любая пассивность (выражение Левинаса). Эта пассивность относится к жизни как к дару. И такое отношение – самое правильное, соответствующее истине отношений между Творцом и тварью.

Бог страдал так, что никто из нас не способен и представить огромности принесенной Им жертвы – крестной смерти Сына.

После Его страданий мы не можем ответить...ничем. Мы не можем быть достаточно благодарны Богу. Как об этом не устает писать Рене Жирар, Его дар – абсолютная жертва, Он стал Последним «козлом отпущения» (не зря «козлом», не случайно «агнцем»), и после этого не могут уже появиться «враги», возникнуть зависть, насилие, месть, идеология. Бог лишил человечество возможности выискивать нового козла отпущения. Но человечество продолжает – со все большим остервенением – убивать, паразитировать, ненавидеть. А невинный агнец уничтожается ныне уже не как жертва, а в режиме «обыкновенного фашизма» - индустриальным, быстрым и дешевым путем.

Только животные (да еще и святые) понимают, кажется, что дар Божий абсолютен, что мы не можем Его отблагодарить. Эта асимметрия и выливается в смирение, с особую скрытость животных.

И дар Бога молчаливо отражается в их красоте. «Они несут на себе отблеск райской красоты». (Леон Блуа). И человек сегодня уже не может сказать с презрением о собаке, с ужасом о волке и со страхом о тигре. Он постепенно (но слишком поздно) начал понимать, что собака вернее его, тигр свободнее, волк более способен к социальным связям. Даже сыграть истинные человеческие добродетели теперь уже могут лишь животные: «Голубая бездна» (дельфин – волшебный мир подсознания и свободы), «Два брата» (тигрята, поражающие своим доверчивым, открытым отношением к жизни) и т.д.

Человек уже давно не «звучит гордо». Огромный удар по человеческому нарциссизму был нанесен открытием того, что высший тип обезьяны на 99% состоит из тех же молекул, что и

человек. Лишь 1% отделяет человека от животного. И сегодняшний, последний человек должен очень постараться, чтобы попробовать определить, что такое эта пресловутая «человеческая исключительность».

Судя по нашей истории, особенность человека в том, что он все время нарушает меру, переходит границы. Особенно в отрицательном – человек изощреннее в обмане, разрушении, воровстве, убийстве. Подлее в предательстве. Особенность человека – хюбрис, чрезмерность.

Правда, была и есть слабая надежда на другой тип отсутствия меры. Среди людей жили и незаметно живут святые, переходящие меру не в ненависти, а в любви (хотя это по определению и невозможно).

И именно святые находят общий язык с животными, возвращают человечеству герменевтику рая. Поль Клодель задал себе вопрос: «Что такое язык Бога». И ответил: «Это молитва человека». Можно также спросить: «Что такое язык животного?» И, вероятно, можно ответить: «Это связь, возникающая между животным и святым, атмосфера рая».

Животные не участвовали в Вавилонском столпотворении. Они не виноваты в разделении языков, в тотальном непонимании, воцарившемся после падения Вавилонской Башни. Люди, умеющие общаться лишь через посредника, нуждающиеся отныне в переводчике. Вот последствия человеческой гордыни – возникновение огромного количества паразитирующих структур, не созидających, а только спекулирующих.

Но произошло событие Пятидесятницы. На головы одиннадцати апостолов в иерусалимской горнице спустился Святой

Дух. Он сошел на людей в виде голубя. Мы видим это на православной иконе. Огненные языки Духа соединили апостолов в Церковь. Они были пьяны от радости, восторга и открытия – их понимают совсем разные группы людей, всех наций и рас. Их арамейский – без перевода – понимали все.

Церковь образовалась именно тогда. Можно сказать, что Церковь – единственное место, где не нужен перевод. Это единственная не-паразитирующая структура в человеческом обществе. Святой Дух (и его тихий голубь) ничего не боится и никого не презирает. Все исполняет и везде присутствует. Он охватывает своим животворящим пламенем не только иерусалимскую гору, но и весь мир – внизу иконы Пятидесятницы изображен старик. Это – космос. Голубь – наверху, космос – внизу. Церковь едина в бесконечном и неподвижном движении любви. Пятидесятница, сошествие Святого Духа, образование Церкви – это возвращение к райским, безгрешным, полным творчества, света, восторга отношениям.

За последние пятьдесят лет спекуляция, посредничество окончательно вытеснили мир реальный, мир созидания и творчества. Экономический и финансовый кризис – только слабый намек на кризис реальный. Ложь вошла в самое сердце человеческой цивилизации, поэтому и встал вопрос о гибели не-лгущих стихий, не-лукавающих животных, не-торгующей земли.

ГЕРМЕНЕВТИКА РАЯ

В раю не было «кожаных риз». Святые отцы под «ризами» понимают не только кожный покров. Человек «прикрывается» и всегда хитрящим, самооправдывающимся разумом. Ризы – это и моральные табу, и цензура, и социальные запреты и все «конструкции» цивилизации, делающие человека больным. Человек, выпав из рая, не понимает Бога, другого человека, себя самого.

В раю же царила открытость. Райская герменевтика не нуждалась в переводчике. В раю все животные «преисполнены очей». Поскольку животные в каком-то высшем смысле слова и сейчас живут в раю – ведь в Библии ничего не сказано о том, что они оттуда изгнаны – они мудры и многоочиты. От человека, покрытого «кожей» неврозом и условностей, остались только глаза (да и то не у всех). И эти глаза могут превратить лицо, а за ним и все тело в икону. Не зря в православной традиции говорится, что у святого «все тело, как око». Но, согласно святым отцам, животные, по приказу Бога последовали за человеком и до сих пор служат ему. Они несут на себе печать преданности и верности, они служат человеку даже когда он их мучает и истязает, они обладают особой Божьей интуицией, предчувствуют будущее, находят потерянное, могут лететь, странствовать неизвестно куда и безошибочно возвращаться назад. У них и другая земля, и другое Небо.

Человек излечивается от раздвоенности и прочих болезней своего застарелого аутизма, когда остается наедине с природой, вписывается в ее жизнь. Человек возвращается к всепонимаю-

щей гармонии рая. Эта тоска по раю свойственна в особой степени русской душе. Мы часто находим ее у самых глубоких наших страдальцев и писателей. Всего чаще у Достоевского: « Мышкин не от церкви, а прямо от Бога, от ангельской красоты мира, вошедшей в больную душу и отразившейся в ней. Скорее всего, именно молчание разума помогло заре и водопаду сделать свое дело... Я думаю, что Мышкина вылечил не Шнейдер, а покорность заре, состояние не-мысли, из которого рождались точки просветления (*сатори*) .Можно это выразить и в христианских терминах: духовная нищета облегчила приход благодати, еще не усвоенной, не проникшей в каждую клетку тела и не утвердившейся в нем, но уже достаточно сильной, чтобы иметь в душе свет и радость...

Вспышка совершенного единства с Чем-то. Самое главное – духовная нищета, в которую может войти все.

В опустошенной от суеты ума, в «идиотской» душе Бог принимает детей своих, как евангельский Отец блудного сына...» (Григорий Померанц, в «Синтаксисе», 9-1981, Париж).

Не зря самые безумные христианские святые – юродивые – любили животных. Хотя животных любили все отшельники и святые, но юродивые безумцы связаны со звериным и райским миром особо таинственной, непостижимой связью.

ВОПРОС О СМЕРТИ. ЗАБЫТИЕ ЖИВОТНЫХ.

В сегодняшнем западном обществе не принято говорить о смерти. Как заметил Мишель Фуко, этот вопрос – совершенное табу, гораздо большее, чем вопрос о сексуальности.

Еще в 18-19 веках смерть была окружена церемониями, была значительным событием. Сегодня же смерть – больше не передача власти. Каждый умирает в одиночку. Абсолютно интимно. Не защищено.

Смерть сегодня разъединила людей, но соединила человека и животного.

Да, «смерть Бога» повлекла за собой и смерть человека и, окончательно обезоруженный, атеистический ум западных мыслителей соединяет человека и животного в их конечном, смертном бытии. Смерть теперь накрепко связывается с животностью.

Вспомним Гофмансталя, его знаменитое «Письмо» Лорда Шандоса, о том, что более он «не будет писать, говорить, что он любит «молчаливые вещи», не принадлежащие миру сему, ненужные, оставленные. «Какое-нибудь ничтожное создание – собака, крыса, жук, сломанная яблоня – мне кажутся прекраснее самой нежной возлюбленной... Эти молчаливые и порой неживые создания открываются мне с такой полнотой, с таким присутствием любви, что мое ошастливленное око не замечает ни одного неживого места во всем моем окружении.»

Литература 20-го века совершила переход от метафоры к метаморфозе. Вспомним о кафкианском «насекоме», о «червяках-шелкопрядах» Бланшо, о «крысах» Гофмансталя.

Бланшо, Кафка, Шульц, Гофмансталь, Есенин (в русской традиции гораздо больше примеров, но читатель сам вспомнит знакомые всем имена) не просто наблюдают за жизнью и смертью щенят, червяков, крыс, волков – они всей душой переселяются в их мир, который не доступен абстрактному пониманию.

Современные философы объясняют подобную «партиципацию» исчезновением антропоцентрической картины мира (см. статьи М. Girard, G. Michaud в журнале *Lignes, Humanite/Anima-lite*; fevr.2009). Произошла последняя деконструкция. Преодолен карно-фало-лого-центризм.

Человек преодолен символически. Смерть тоже. Она больше не приходит. Животное – это в том числе и тело, которое носит человек, о котором ему напоминают в момент смерти.

Для любого живого создания все люди – нацисты, для животных вся земля – одна сплошная Треблинка. Эта мысль сегодня пришла на смену – лучше сказать - продолжила мысль Адорно: После Освенцима нельзя писать стихи. Можно только молчать. Поэтому молчат животные. Поэтому молчат люди, скрывая от себя это молчание зверей.

«Банализация зла», о которой говорила Ханна Арендт, - это не просто удивление по поводу безразличного отношения нацистов к чужим страданиям. Зло банализировалось гораздо раньше. Оно – в безразличии огромного большинства человеческих особей, пожирающих мясо невинных животных, знающих об ужасах массового выращивания и индустриального истребления кур, телят, индюшек, поросят и многих других – и закрывающих глаза на эти ужасы. Знающих о бессмысленных «научно-лабораторных» издевательствах над невинной тварью и не протестующих, пере-

водящих разговор на другую тему, опускающих глаза.

Человек привык думать: животное не знает, что такое смерть (очень хорошо знает, не хуже, а лучше человека!), животное не умирает, а «поддыхает».

С самой античности философы относились к животному как к обиженному судьбой существу. У зверя что-то отсутствует. У него нет логоса, нет политики, рук, смеха, нет богов, нет смерти. Да, это главное – животное не думает и не говорит о смерти. Но когда мы видим, как кричит и рыдает мама-шимпанзе при виде своего умершего ребенка, можем ли мы утверждать, что животные нечувствительны к смерти?

Эти человеческие предрассудки все более и более разоблачаются перед лицом чудовищных преступлений сегодняшних людей, все знающих, но деградировавших в своем жалком комфорте, не способных даже слышать об истине, тем более действовать по справедливости.

Забытие животного – это самая сущность того, что можно назвать «трагедией Запада», которая в наши дни стала трагедией всего мира.

Рассказ Исаака Зингера «Забойщик жертв» важен для нашего разговора о смерти и воскресении.

Речь идет о еврее, который ритуально убивал скотину. Он буквально обезумел от вида страдающей твари. Мессия не сможет искупить грехи мира до тех пор, пока не кончатся страдания твари. Они должны иметь право на Воскресение. Все телята, все рыбы, все летучие мыши, все бабочки. «Даже в червяке, ползущем по листику, сияет искра Божья. Когда режут какую-либо тварь, убивают Бога». Кошерный забойщик полностью иденти-

фицировал себя со своими жертвами. Бросил свою невыносимую работу. Пытался уйти в религию. Но не мог видеть Торы, так как она была в кожном переплете. В конце рассказа он кончает самоубийством, топится.

Западный, не знающий православия читатель, покинет вместе с кошерным живодером поле библейской религии и попробует обратиться к буддизму или джайнизму.

Но у нас, в восточном христианстве (особенно в русской религиозной традиции) жива мысль о воскресении всей твари. Жива и идея апокатастасиса.

Апокатастасис – восстановление, возвращение в исходное состояние. В древности о подобном спасении твари говорили Ориген, св. Григорий Нисский, Дидим Александрийский, Диодор Монсуэтский.

В русской религиозной традиции – вспомним Достоевского – эта мысль вдохновила и дерзновенного Николая Федорова, призывавшего воскресить предков, и многих более поздних религиозных философов: Н. Лосского, отца Сергия Булгакова, прот. Иоанна Майендорфа, Е. Ковалевского, Павла Евдокимова, Оливье Клемана. (Чтобы назвать только некоторых).

«Никто и ничто не пропадет в мире, все бессмертно, все существа подлежат воскресению». «Согласно персонализму, не только человек, но и каждый электрон, каждая молекула, всякое растение и животное, даже каждый листок на дереве есть существо, которому открыта возможность, поднимаясь на более высокие ступени жизни, стать действительно личностью и вступить, наконец, в Царство Небесное» (Н. О. Лосский, «Бог и мировое зло», Москва, 1994, стр. 379).

О том, что и природа, и стихии, и звезды, и животные умеют любить и славословить Бога, а значит, несут в себе начатки личного, бессмертного бытия, писал софиолог отец Сергей Булгаков:

«Прежде всего, как следует понимать отношение к Богу...тварного мира? Есть ли он мертвое, безжизненное и неспособное к любви вещество, которое и Бог сотворил, как таковое?» Конечно же – нет. «В слове Божиим мы встречаем многократное указание о том, что тварь *хвалит* Господа и, конечно, *любит* Его, как бы ни уничтожалась эта любовь в сравнении с ипостасной: «Небеса поведдают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь. День дни отрыгает глагол и ночь нощи возвещает разум. Не суть речи, ниже словеса, их же не слышатся гласы их. Во всю землю изыде вещание их и в концы вселенная глаголы их» (Пс., 18,2–5). Но, может быть, скажут, это язык поэтических образов, не больше? Тогда надо привести тексты, где Дух Божий через Слово Божие обращается к неодушевленной (но отнюдь не мертвой) твари с прямым призывом хвалить Бога, т.е. любить Его: «Хвалите Его, солнце и луна, хвалите Его, все звезды света, хвалите Его, небеса небес и воды, которые превыше небес...огнь и град, бурный ветер, исполняющий слово Его...» (Пс., 148,1–9). Далее вспомним дивную песнь трех отроков из 3-ей главы Книги пророка Даниила, которую церковь ликующе воспекает пред Гробом Господним на вечерне Великой субботы, где вся тварь призывается благословлять Господа, т.е. свидетельствовать свою любовь к Нему: небеса, воды, солнце и луна, звезды, дождь и роса, огнь и вар, студ и зной...и пещеры и Иордан, и моря...» (Монахиня Елена. «Профессор прот. Сергей Булгаков», Москва 2003. стр. 309).

ПЕЧАЛЬ ЖИВОТНЫХ

Многие писатели и мыслители, поэты и философы сострадали животным, отмечая их особо меланхолическое состояние.

Und doch ist in dem wachsam warmen Tier
Gewicht und Sorge einer großen Schwermut.
Denn ihm auch haftet immer an, was uns
oft überwältigt, die Erinnerung,
als sei schon einmal das, wonach man drängt,
näher gewesen, treuer und sein Anschluß
unendlich zärtlich. Hier ist alles Abstand,
und dort wars Atem. Nach der ersten Heimat
ist ihm die zweite zwitterig und windig.

Рильке говорит, что мы видим, как тяжело животному, его снедает тоска и великая звериная печаль – от того, что животное вспоминает о нежном мире рая, где все «было дыханием». В раю не было холода и отчуждения.

Во многих древних и не очень древних традициях мир животного как-то связывали с миром мертвых, столь же молчаливых, столь же скрытых в темноте своих вечных снов.

Процитирую из «Истории Франции» Мишле:

«Животное, темная тайна! ... Бесконечный мир снов и беззвучных страданий! Взгляните непредвзято на их кротость и задумчивость, удивитесь той симпатии, которую самые развитые из них испытывают к человеку. Не вспомните ли вы при этом о детях, заколдованных злой феей, мешающей им оторваться

от первых снов колыбели, не напомним ли они вам обреченные души, души униженные, отмеченные фатальным заклинанием? ... Но поскольку они как бы уснули, они в качестве награды допущены к царству снов, и таких снов, о которых мы себе и представить не можем. Мы созерцаем светлый лик мира, они – затемненный. И кто знает, не является ли второй более значительным, чем первый?»

Шопенгауэр, особо любивший животных, бесконечно восхищался своей собакой: «Какая непостижимая тайна заключена в каждом животном! Посмотрите на первое попавшееся на глаза животное! Посмотрите на Вашу собаку! С какой радостью, с каким доверием она живет! Как будто собака была всегда такой юной, новой, сильной, как будто бы это первый день ее существования и последнего дня для нее никогда не будет, и в ее глазах – неувядаемость, несокрушимость, изначальная сила, вдохновляющая ее.»

Но тот же Шопенгауэр говорил, что глубокие люди всегда жалели животных, потому что в нашем мире они страдают больше всех. Кроме всех страданий, обусловленных «человеческой» цивилизацией, они страдают и от того, что как бы «закрыты в жизнь».

Обречены на нее.

Эта мысль повторяется в философии Адорно. Для Адорно человек может выйти за пределы жизни благодаря разуму, животное же «обречено на жизнь». Язык тесно связан с разумом. А животные – в общем представлении – молчат. Чтобы понять и «освободить» их, нужно научиться особому способу перевода.

МИССИЯ ПЕРЕВОДА

И здесь мы подходим к еще одному образу животного страдания. Элиас Каннети писал: «Животные не знают, что мы им дали имена». Дать имя для христиан значит - приблизить, персонализировать живое существо. В имени – тайна жизни и смерти. Дав имена животным, Адам стал (как пишут святые Отцы) их епископом. Животные превратились в наших братьев, друзей, партнеров.

Но есть и другая, отличная от христианской, традиция. Она представлена еврейской мыслью. В новейшие времена она развивается Теодором Адорно и Вальтером Беньямином. Человек назвал животных, как он хотел (Бог при этом был Смотрителем). Животные немые, ибо они – страдающая часть истории. Они названы, запечатлены, завоеваны.

Проблема перевода встает у Адорна как проблема возможного ответа твари человеку, ее освобождения. Ту же мессианскую задачу ставит перед собой и Вальтер Беньямин.

В своей книге о Густаве Малере Адорно комментирует его песнь «Летнюю смену», а также проповедь св. Антония Падуанского рыбам. Он пишет: «Музыка усваивает поведение животных, как будто бы, идентифицируясь с их закрытым миром, она ищет способ смягчить проклятие, упавшее на животных». Она дает голос тем, у которых нет голоса, звуками воссоздавая их жесты и повадки, музыка встревожена, она рискует вновь выйти вонне с благоразумием зайца... Есть музыка, которая способна передать молчание животной жизни».

Еще с большей страстью размышлял о «переводе» Беньямин. Он называл переводом опыт, в котором мы имеем дело не просто с передачей содержания или стиля. Перевод – это выражение жизни произведения, которое находит свою зрелость в руках переводчика.

«Любая манифестация жизни может быть воспринята как язык». Главное здесь – среда (*media*).

Перевод – это «переход» с одного языка на другой благодаря серии последовательных метаморфоз. Непрерывный поток этой коммуникации движется сквозь всю природу, от самых примитивных существ вплоть до человека и Бога.

Следовательно, всякий высший язык может быть рассмотрен как перевод низших.

Зачем вообще переводить. Переводить нужно, потому что природа и ее животные пронизаны молчаливым языком. И мы не знаем, живет ли меланхолия благодаря этому безмолвию или безмолвие благодаря печали, печали из-за факта получения своего имени.

У Беньямина мы находим следующую мысль: перевод должен быть подчинен метафизическому развороту и гиперболизации, которая придает ему смысл утешения и квазиискупления. Беньямин помнит апостола Павла: «Ибо знаем, что вся тварь совокупно стонет и мучится донныне» (Рим., 8,22). И дав ей, твари, язык, мы хоть как-то искупим свою огромную перед ней вину.

ВОССТАНИЕ ИСТИНЫ ПРОТИВ ЛЖИ

В Центре Помпиду была большая выставка «Крик плоти». Посвященная Фрэнсису Бэкону.

Подобно тому, как Пикассо деконструировал Мане, Бэкон перевернул, разоблачил, обнаружил лживую, лицемерную природу моральных, политических, эстетических и религиозных «истин», которые превратили нашу цивилизацию в одну сплошную бойню.

На этой тотальной бойне все в больших и больших количествах для жалкого комфорта убивают самых невинных, оставшихся верными Богу и людям существ.

Триптихи Бэкона, изображающие истекающих кровью, распятых животных, столь достоверны, что на них больно смотреть. Они – манифест, больше – крик нашего времени. И поражаешься, как, сохраняя отстраненность взгляда истинного художника, удалось Бэкону быть столь искренним. Более, чем искренним: передать боль в модусе боли. После этого можно лишь молчать и покинуть этот «свет».

Вспоминаю Фрэнсиса Бэкона, когда в очередной раз смотрю присланные мне зоозащитниками фотографии. Искаженное мукой лицо (не поворачивается язык сказать «морда») цепляющийся за прутья узкой клетки обезьянки. Распятые, окровавленные коты и собаки, сошедшие с ума, на полвека заключенные в узких клетках медведи, миллионы замученных крыс и мышей, кровавый скелет кролика и норки, песка и лисицы. Тьмы цыплят, летящих в бройлере адскими кругами, теленок, подвешенный с

самого рождения, не знающий и никогда не узнающий, что такое земля и трава на ней.

Крик все еще живой жизни. Список преступлений гордого собой человечества и его всепожирающей «науки». Шествие Анти-христа, разглагольствующего о мощи прогресса.

Страдание животных – живота, т. е. жизни – жалит нас в самое сердце. Оно оказывается сегодня в центре самых главных проблем «цивилизованного» мира. Это восстание бытия против видимости (репрезентации), восстание истины против лжи.

КТО АЛЬТРУИСТИЧНЕЕ?

Долгое время защитники исключительности и морального превосходства человека говорили о том, что человек отличается от животного своим альтруизмом.

Однако не только каждодневный опыт общения с домашними тварями, но и открытия последних лет (веков) доказали, что животные не менее человека способны жертвовать всем для другого.

Кроме того, животные способны понять страдания не только особей собственного вида, но и других животных, и, конечно, человека.

В отношении к человеку, грубо использующему животное, истязаящему и убивающему его, животное дает нам образцы недостижимой жертвенности, доходящей до доверчивого перед человеком благоговения.

Именно наше время, когда, наконец, стало ясно, что человек звучит не «гордо», а скорее наоборот, что быть человеком стыдно, вдруг обратило наш взгляд на тварей, служивших и служащих человеку «даже до смерти».

Но уже Чарльз Дарвин (оставим в покое в данный момент все споры вокруг его теории «происхождения видов»), не колеблясь, писал о героизме животных и их способности к настоящей любви.

«Собака, будучи в агонии, искала ласки своего хозяина. Каждый и не раз слышал о том, что, будучи объектом вивисекции, собака лизала руки экспериментатора. И сколь бы знаменитым и

гениальным ни был этот ученый, каким бы каменным сердцем он ни обладал, до конца своих дней он будет мучиться угрызениями совести, вспоминая об этой собаке» (Ч. Дарвин «Происхождение человека и половой отбор», 1874).

ЖИВОТНЫЕ КАК УДЕРЖИВАЮЩИЕ

Перед концом света в мире оскудеет любовь. Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Орфей и Эвридика не могут быть виртуальными, цифровыми, смехотворно несерьезными. Но именно такими они стали сегодня. На фоне последней человеческой комедии, во всю мощь непридуманной жертвенности, сияет нам любовь не забывших о рае зверей.

Они, живя, как все мы, в опутанном бесовством разрушения, цинизма и аутизма мире, ни на капельку не растеряли райской любви. Божий эрос в них только возрастает. Сегодня это стало очевидным для всех. Поэтому и множатся полчища сатанистов, уничтожающих невинных тварей, растут интернетские сайты с советами, где и как побольше убить собак, замучить котов, а охота на беззащитных звериных детенышей стала главным удовольствием и гордостью новых царьков в современной России.

Животные еще живут. Они «впрыгивают» в сегодняшнюю цивилизацию, проявляя доверие, надеясь на понимание, ожидая дружбы, поддержки, любви. Как тут не вспомнить апостола Павла к Коринфянам: «Любовь долготерпит, любовь милосердствует, не ищет своего... всему верит, на все надеется.»

Все это, утерянное человеком, возвращается к нему через тех, кого он приручил.

Даже тупые и холодные ученые, производящие опыты над звериной плотью, с презрением и равнодушием не слышащие и не видящие животных мук, даже «ученые» стали замечать, что их объекты «живые».

Это было нормой научной этики и ее правилом: не любить. Первые статьи об обезьянах известнейшей сегодня Джейн Гудолл не были опубликованы потому, что она давала в них обезьянам имена собственные. А это было «подщечиной» научной объективности. Любое изучаемое животное не имело права не только носить имя, но и быть мужского или женского пола. Все звери получали клеймо анонимного, неживого «оно». «Познать объективную истину» - означало резать по живому, испытывать на выносливость, вызывать инфаркты, отравлять химикатами (испытывая новые лекарства), заражать вирусами и практиковать прочие садистские штучки.

Даже эти «труженики науки» лет двадцать тому назад вдруг стали замечать, что их объекты живы и испытывают боль. Более того, прошедшие серию болезненных опытов, навсегда заключенные в Гулаг узких пространств собаки (и не только они) высказывали доверие и любовь к своим мучителям. Прощать и любить животные точно умеют лучше нас.

Так кто же создал кого? Кто сегодня со-работник Бога и принял на себя всю ответственность за вытоптанный райский сад?

Ответственными со-работниками Бога стали животные, попавшие, вслед за человеком и из-за человека, в последнее, проклятое, адское время, в сужающееся пространство и ускоряющееся время Кали-Юги (прошу понимать восточный термин, как метафору).

Ибо человек ныне не просто теплохладен и не замечает страдания, он переполнен жестокостью, рвущейся наружу, он так жалок, что самоутверждается любым путем, в полном отчаянии и бешенстве уничтожая самых слабых. Разумеется, слабых только

в этом, перевернутом, осатанелом мире. Но там, где растет беззаконие, переизбыточествует и любовь.

Париж, 2009.

Приложение I

Жак Деррида
ЖИВОТНОЕ, КОТОРЫМ Я ЯВЛЯЮСЬ
(Jacques Derrida «L' animal que donc je suis», Paris, 2006.)

Мысли из книги

Взгляд животного. Доброжелательный и беспощадный. Это взгляд визионера или прозорливого слепца, как будто мне стыдно быть голым перед животным, но мне стыдно и стыдиться быть голым. Зеркало стыда, которое стыдится за самого себя.

(Так ощущает себя Жак Деррида, находясь в ванной перед взглядом своего кота.)

Откуда этот стыд?

Стыд, потому что ты гол, как животное. Значит, специфическое животного – это не чувствовать, что голое, не различать между добром и злом.

Впрочем, животные, не знающие, что они голые, и не являются поистине таковыми. Они не голые, потому что они голые.
(18)

Животное находится около меня. Оно до меня.

Здесь на меня смотрят с точки зрения другого абсолюта, и ничто (никто) мне не даст такой возможности быть ближним или соседом, как в те моменты, когда я вижу себя голым под взглядом кота.

Я существую в качестве того, кто идет после животного, кто находится рядом с животным.

Когда оно отвечает на свое имя, оно не делает это в качестве «вида», в качестве бытия котом, еще менее в качестве просто «животного». Это правда – я его идентифицирую в качестве кота или кошки. Но еще до этой идентификации оно приходит ко мне как *это* незаменимое живое существо, которое однажды вошло в сферу моего существования, в то место, где оно может меня встретить, меня увидеть, увидеть, что я вижу себя голым.

И уже ничто не уничтожит во мне убеждение, что речь идет о бунтующем против всякого концепта существовании. А также о существовании смертном, поскольку оно получило имя, которое его переживет. Оно означает возможное исчезновение. И я тоже исчезну.

Но стыд этот больше, потому что я в комнате не один.

Однако, вместо того, чтобы выгнать кошку, я тороплюсь обмануть свой взгляд. Я хочу уничтожить неприличие момента и прикрыть свою наготу. Или укунить себя за язык, спрашивая: «Кто?» Мы все здесь безумцы. Я не знаю, как ответить на вопрос, кто я такой. (26)

Можно ли ответить на вопрос, что я есть, если это связано с «я есть, потому что я после животного» Или: »Я есть, потому что я есть рядом с животным».

Бездонный взгляд животного позволяет мне понять, что такое бездна человеческого. (27)

И под взглядом животного, в момент обнаженности, все может произойти со мной. Я как ребенок, готовый к апокалипсис-

су. **Я и есть этот апокалипсис.** Я – первое и последнее событие конца, откровение и приговор.

Я есть апокалипсис, я идентифицирую себя с ним, я бегу за ним, вслед за ним, за всей зоологией.

Когда проходит момент высшей страсти и я обретаю мир, я спокойно могу говорить о животных Апокалипсиса, посещать их в музее, видеть их на живописных полотнах. Посещать в зоопарках, читать о них в Библии или говорить в книге.

Декарт, Кант, Хайдеггер, Лакан, Левинас. Их дискурс глубок и силен.

Но, кажется, их никогда не рассматривало животное, когда они были голыми. Животное, обращенное к ним. Они превратили животное в теорему, они смотрели на животное, а не животное смотрело на них.

Они скопом отрицали всех животных, в той же степени, в какой ничего не знали о них.

Это вообще свойственно человеку – человек прежде всего озабочен собой и ревниво относится к своей исключительности.
(32)

В Библии человек дает имена животным (Второй рассказ из Берешита).

Это не просто Адам, сделанный из глины. Это *Иш* без *Иша*. Это мужчина, который еще одинок. Он дает имена животным, созданным до него.

В первом библейском повествовании бог создал мужчину и женщину. Животные получили имена от женщины и мужчины. И Бог дает приказ господствовать человеку над зверьми.

Наименование животных произошло до сотворения женщины, *иша*, т.е. до того, как человек почувствовал себя голым.

Наименование животных остается под контролем, под взглядом Яхве Элохима, который, однако, не вмешивается в действия человека. Он оставляет человеку свободу давать имена по собственному усмотрению. Но Он смотрит со смешанным чувством руководителя и любопытствующего. (35)

Бог наблюдает за Адамом, Он и создал его по своему образу, чтобы Адам тоже господствовал, доминировал, приручал. Господствовал над животными, созданными до него. Бог хочет видеть человека в действии. Так, чтобы он господствовал над животными, а те не видели его.

Человек создал после животного, это «после» не принадлежит времени, время только после него и возникает.

Для того, чтобы видеть, означает одновременно бесконечность видящей власти и конечность Бога, не знающего, что будет с Ним, когда появится язык. Это время до времени всегда вызывало у меня головокружение.

Когда я вижу кошку, я слышу, как она (или Бог) спрашивает: обратиться ли ко мне, назвать ли меня? Как он назовет меня, этот голый человек?

С тех времен, со времен **до первородного греха**, когда животным были даны имена..., поставленные мной вопросы, чувства, которые я испытывал перед маленьким немым существом и мое желание избежать присваивающей проекции, - все это привело меня к догадке – я не способен интерпретировать безмолвный взгляд животного, его голос. (36)

По Хайдеггеру, печаль (*Traurigkeit*) – у животных от того, что они не имеют доступа к бытию сущего. Потому что они безмолвны – «*alogon*». Согласно Бенъямину, печаль идет от этой немоты, но главное – от того, что животное **получило свое имя**.

Животное не может назвать себя самого, оно не может дать ответ. Чувство этой лишенности, этого недостатка – вот, в чем великое страдание природы. Человек должен искупить эти страдания, нужно произвести переворот в сущности природы. Из чего следует, что природа печальна – не потому, что нема. Наоборот – великая печаль природы делает ее молчаливой.

И прежде всего печаль природы от того, что ей дали имя. «Быть названной» - говорит Бенъямин, - означает «быть смертной». Именно потому имя дается во спасение, оно хочет обеспечить ее, природы, выживание. (38)

★ ★ ★

В течение последних двух столетий изменилось соотношение между человеком и животным.

В течение этих двух столетий традиционные формы отношения к животным подверглись сомнению. Были накоплены огромные сведения о животных. Зоологические, этологические, генетические и пр. Познания многое изменили.

Возникло индустриальное выведение животных, чего и не могли себе представить в прошлом, возникли дерзкие генетические эксперименты, индустриализация того, что можно назвать производством мяса как продукта питания, возникло массовое искусственное осеменение.

Животное теперь сведено к объекту сверхвысокого, активного воспроизведения мяса для кухни. Человек не пренебрегает ни использованием гормонов, ни генетическими скрещиваниями, ни клонированием. Все служит лишь человеческому удовольствию.

Но человек делает все, чтобы скрыть свою жестокость, чтобы вообще забыть о том, что можно назвать геноцидом в отношении к животным. И, действительно, геноцид животных существует – мне сдавливают дыхание при мысли о том, какое количество видов исчезает ежедневно по вине человека.

Однако, говорить о геноциде надо с пояснением: уничтожение видов, конечно, идет полным ходом, но существует также и организация искусственного выживания, inferнальная, погружающая животных в такие условия жизни, которые человек в прошлом назвал бы монструозными. Как будто бы вместо того, чтобы бросить весь народ в газовую камеру или крематорий, медики или генетики (например, нацистские) решили организовать искусственное осеменение, чтобы потом подвергнуть новые поколения все той же участи, бросить все в тот же ад генетических экспериментов, экстерминации при помощи огня или газа. В тех же бойнях. (46)

Против этого ужаса (о котором уже знают все) и по сей день выступают лишь маленькие группки маргиналов, защитников прав животных. Человечество в целом предпочитает не замечать проблемы.

Из философов один из первых востребовался Бентам. Нужно изменить саму форму вопроса о животных – заключил он. Во-

прос не в том, может ли животное мыслить, говорить и т.п. Вопрос в том: страдает ли животное? (48)

Вопрос касается пассивности. «Могут ли они страдать?» открывает другое – «Могут ли они не мочь?» Возможность страдания – это более не возможность. Это возможность без мощи, невозможная возможность.

Здесь объединяющая нас с животными конечность жизни, смертность, возможность разделить эту возможность немощи, страх перед хрупкостью и хрупкость этого страха. (49)

Два века длится борьба за милосердие. Хотя у этой войны нет возраста, сейчас она достигла своей критической фазы. Думать об этой битве – не только наш долг, ответственность, но и необходимость, от которой сегодня никто не может спрятаться. Животное смотрит на нас и мы, голые, перед ним. И, может быть, мысль начинается именно здесь. (50)

В одно и то же время отношения между животными и людьми и очень близки, и разделяемы пропастью. Они не могут быть никогда окончательно объективированы...

И ясно, мы никогда не будем иметь права принять всех животных за вид, который называется «животное», животное вообще. Каждый раз, когда кто-то говорит «животное», желая обозначить этим словом любое живое существо, исключая человека, каждый раз субъект этой фразы признается в своей глупости. И это – «я говорю глупость»- должно подтвердить не только животность, которую он отрицает, но и его активное участие в этом отрицании, непрекращающуюся, хорошо организованную, настоящую войну видов. (53)

«Животное» - какое слово! Это слово, которое позволили себе выдумать люди. Они его выдумали, чтобы объединить большинство живущих в один концепт: животное, говорят они.

Таким образом они оставили только за собой, людьми, право на слово, на имя, на глагол, на атрибут. Все рассмотренные нами философы – от Аристотеля до Лакана, от Декарта, Канта, Хайдеггера, Левинаса – все они говорят то же самое: у животного нет языка. Или, точнее, животное не может ответить. Оно не может еще очень многого, к чему способен человек.

От Декарта до Лакана животным отказывается в способности лгать, хитрить, замечать следы. (55)

Итак, место животного (а не животных) строго очерчено девственным лесом, зоологическим садом, территорией охоты и рыбной ловли, пространством приручения. Это судьба всех живущих, которые не признаются человеком похожими на него, его близкими, его братьями. И все это несмотря на то, что животных существует невообразимое количество и пропасть отделяет ящерицу от собаки, акулу от ягненка, попугая от шимпанзе, верблюда от орла.

Я прерываю список и призываю на помощь праотца Ноя, чтобы никто не был забыт в его Ковчеге. (56)

Мы обязаны соединить животное и автобиографию. Признаюсь в том, что я давно уже одержим мыслью создать личный bestiарий, который был бы и моим раем. Как пригласить, принять у себя такое количество животных? Нужно создать – я мечтаю об этом – пространство бесконечного гостеприимства и бесконечного принятия.

Как это сделать? – Прежде всего, отказаться от басни. Басня – это антропоморфизм, морализаторство, приручение. Это дискурс только о человеке, точнее о животном в человеке, но только для человека и внутри человека.(56)

Не все философы согласны в том, каким образом определяется граница, отделяющая человека как такового от животного как такового, но все философы без исключения думали, что данная граница едина и неделима. А по ту сторону границы – огромная гомогенная группа животного как такового. Там – все животное царство, исключая человека. Право философа – это попросту право «здорового смысла». Но это право – одна из самых больших глупостей человека.(64)

★ ★ ★

Между Каином и Авелем – мертвое животное. Животное прирученное, жертвенное.

Старший брат Каин, будучи земледельцем, т.е. оседлым, видит, что отец отказывается от его жертвы – плодов земли и предпочитает первенцев животных – жертву Авеля.

Уже когда человек давал имена животным, он выказывал свою власть над ними. И, забегая вперед, можно утверждать, что за этим неминуемо последуют жертвы живого животного Богу.

Убийство Каином брата Авеля – это вид некоего второго первородного греха, и на этот раз грех связан с появлением животного (с первым грехом явился змий) – ибо вначале Авель убил животное, чтобы принести его в жертву Богу.

Убийство Каином Авеля - непростительный, очень тяжелый грех. (67)

Он заплатил за него: во-первых, он должен был бежать. Но он боится, что тот, кто его встретит, убьет его. Он стыдится. Он приговорен к стыду и скрытости. Каин блуждает, как дикое животное, всеми гонимый. Но Бог предлагает этому скитальцу свою защиту. Бог говорит, что отомстит семь раз (не более и не менее) тому, кто тронет Каина. Можно заметить, что Бог как бы стыдится, что предпочел животную жертву (Авеля), как будто Бог сочувствует животному.

Убийца брата своего, обнаружив второй первородный грех, обнажил голость своего лица, потерянного перед ним.

В человеческой истории не раз повторяется мысль об обнаженности и о взгляде животного на человеческую голость. Вспомним миф об Эпиметее и Прометее. Сначала человек получил огонь и технику, чтобы «компенсировать» свою обнаженность, но лишь потом искусства и политику, честь, гордость, справедливость, чтобы поддерживать и создавать в своих городах гармонию и дружеские связи.

Беспорядочное слияние всех тех, кто, не являясь человеком, живет, фиксация их одной категорией, одним понятием «животного» – это не просто мыслительная ошибка, не просто отсутствие бдительности или запутанность разума, это также и преступление, первое преступление против животных.

К этому можно добавить, что любое убийство, любое нарушение заповеди «не убий» относится у нас только к человеку, и нет других преступлений, кроме «преступлений против человека». (73)

★ ★ ★

Животные способны к чувству вины. Они прячутся или поджимают хвост, если сознают, что что-то натворили. Они прячутся и тогда, когда больны, им явно кажется, что агонию нельзя показывать, прячутся, когда умирают.

Говоря другим языком, всякое «спрятаться» (в опыте охоты, соблазна, вины) связано с возможностью стыда, даже там, где этот стыд совершенно никак не связан с половыми органами.

★ ★ ★

Рене Декарт написал в 1638 году письмо. (Годом позже своих размышлений о методе). Он написал об обезьянах и попугаях, об «автоматах», которые во всяком случае никогда не ответят, даже «если они и произносят слова, подобно нам:

»Они не могут *свидетельствовать* (я подчеркиваю это слово) о том, что они думают и что говорят.

И это *свидетельствует* (опять подчеркиваю) не о том, что у животных меньше разума, чем у людей, но что они вообще не имеют разума. Но *достоверно* и то (я еще раз подчеркиваю), что самая развитая обезьяна или самый умный попугай даже в малом не сравнятся с самым слабоумным ребенком или с ребенком с поврежденным мозгом. И их душа совершенно другой природы, чем наша.

И нельзя путать слова с естественными движениями, которые *свидетельствуют* (я опять подчеркиваю это) о страстях и могут быть имитированы как машиной, так и животным. Ни в

коем случае нельзя думать, что животные говорят, хоть мы и не слышим их языка.» (Discours de la méthode, 5. partie). (109)

Я хочу обратить ваше внимание на слово «свидетельство». Это центральное слово для того, что мы называем «автобиографией», ибо она часто выступает в качестве свидетельства. Любая биография выступает в качестве свидетельства, я говорю или я пишу о том, кто и что я есмь. Как я живу, вижу, чувствую, осязаю, думаю. И с другой стороны, всякое свидетельство – это автобиографическая истина, я обещаю говорить истину, потому что я ее пережил, перечувствовал, передумал и т.д. Декарт утверждает, что попугаи не могут «свидетельствовать» о том, что они думают и что говорят и, с другой стороны, не могут вывести это свидетельство в качестве доказательства.

Декарт заключает: «Это не говорит о том, что животное менее разумно, чем мы, но что оно вообще не имеет разум.» (110)

Вопрос ответа – это ответ вопроса. Картезианское животное (как и животное Канта, Хайдеггера, Левинаса, Лакана) не способно отвечать на истинное вопрошание. Оно не умеет задать вопроса. (Вопроса логического, разумного, вопроса о бытии и другом).

Декарт резко противостоит вегетарианской традиции античности, этике Порфирия.

Порфирий говорил, что животное может слышать и отвечать. (Порфирий «О воздержании»)

Υρακοίη значит многое. Я понимаю, я слышу, я отвечаю как вопросу, так и на приглашение, и на приказ.

Я присутствую. – Это и первый жест автобиографии и «вот я» истории и закона. А животное Порфирия, даже если оно не-

мое, способно к тому, что я делаю, когда говорю *уракойо*. Оно способно сделать то, что я хочу, чтобы оно сделало, даже если оно не говорит об этом.

«Рассказывают, говорит Порфирий, что некоторые немые животные более готовы ответить на призыв своего хозяина, ответить так, как не сделает этого и самый близкий друг. Вспомним мурену Грассиуса, которая отзывалась на свое имя и которая внушала ему такие сильные чувства, что он оплакивал ее смерть, смерть же трех его сыновей тронула его гораздо меньше. (111,5). Плутарх пишет иначе: больше, чем смерть трех его жен. (120)

Это *cogito ergo sum* не имеет ничего общего с самоутверждением жизни, с «я дышу», что бы значило «Я живу, я одушевлен, я животное. (*animal*). Чисто феноменологическая логика, т.е. логика эпохальная, показывает, что я не могу заключить от «я дышу» к «я есть», если я не буду одновременно подозревать: я думаю, что я дышу, значит, я есть. Значит, для Декарта важно не то, что «я дышу», а то, что «я думаю, что я дышу» Абсолютная уверенность для Декарта может исходить только из «я мыслю».

Для Декарта «я дышу» не убеждает. Когда кто-то говорит «я дышу, значит, я существую», если собственное существование хотят вывести из дыхания, то все равно ни к чему не приходят, ибо вначале нужно доказать, что кто-то дышит, но это как раз невозможно, поскольку еще не доказано существование кого-то. (Письмо... март 1638).

Итак, несомненность существования, самопозиция и самома-нифестация «я существую» ни в коей мере не зависят от бытия-в-жизни. Но только от мысли, а она не определяется, как дыхание жизни.

Путь от Декарта до Хайдеггера – это путь нейтрализации жизни. (120)

Я хочу показать, что Декарт, Хайдеггер, Левинас и Лакан разделяют между собой несколько аксиом, лучше сказать, предрассудков. Все они думают, что в отличие от нас, людей, животное не говорит и не отвечает, что оно способно лишь общаться знаками, зафиксированными на программу. (Это не язык). Никто из этих философов не учитывал, что существует огромное количество животных видов. Никто не относился всерьез к тому факту, что человек охотится, убивает, ест, истребляет, приносит в жертву животных, используя их, заставляя их работать. Что человек совершает над животными опыты для пользы человека.

Кроме Лакана, никто из них не задумывался над сексуальностью животных. Никто из них не включал в свою мысль данные науки, новейшие сведения из этологии и приматологии.

Вот в чем неправы эти философы:

1. Я мыслю, следовательно, я существую, - говорил Декарт.
2. «Я мыслю» Канта – это трансцендентальная апперцепция, сопровождающая наши репрезентации. И это отсутствует у животного.
3. Хайдеггеровское *Da-Sein* (тут-бытие) определяется как деконструкция картезианской субъективности. (Речь идет о Тут-бытии, укорененном в *Je-meinigkeit*, всегда моем.)
4. Субъект Левинаса – это тот, кто общается с другим, с ближним, гостем, братом. Но этим другим не может быть лишенное этики животное, которое не имеет лица.
5. Сюжет Лакана говорит о логике подсознания и в этом слу-

чае речь идет только о человеке. Не случайно Лакан ссылается на Декарта.

И еще один общий «прокол»:

Никто из этих философов не думает о возможности взгляда животного. Никто не затрагивает проблему обнаженного предстояния перед животным или проблему стыда между животным и человеком. Еще в большей степени, чем Декарт, они говорят о «животном» как о единственном существе и существе, противостоящем нам, людям. Все их примеры с животными до невозможности бедны и направлены на то, чтобы подчеркнуть общую идентичность животного, а не структурные различия между различными типами животных. (126)

★ ★ ★

(О Канте.) Одним словом, неразумное животное лишено достоинства, некой внутренней ценности, которая бесценна или ценна сама по себе. Для животного же есть цена, как и для всякого средства, которое не может стать целью само по себе. Отсюда возможная жестокость чисто практического разума.

Некоторая жестокость уже отмечает дискурс Канта, когда он говорит, что чувственность нужно пожертвовать моральному разуму.

Но эта жестокость против жертвы может быть столь страшной, неукротимой и свирепой, когда речь идет о животном, что некоторые – к ним принадлежит и Адорно – называют ее чистым насилием, даже садизмом. Логика Канта связана с логикой Маркиза де Сада – они говорят об одном и том же. В философии

музыки Адорно говорит о подозрительной неясности кантианского «достоинства». Достоинство приписывается Кантом только моральному самоопределению, это чисто человеческая привилегия. Это включает в себя господство человека над природой и на самом деле (уточняет Адорно) направлено против животных.

Да, речь идет о войне и о ненависти, и кантианство включает в себя картезианство, которое еще оставалось просто безразличным в отношении животного-машины.

Я думаю, что картезианство – со всем своим механическим равнодушием – принадлежит к иудео-христианско-мусульманской традиции войны против животного, войны жертвенной, столь же древней, как и книга Бытия. И никакое этическое благородство не способно скрыть это насилие. Существующие ныне формы экологизма или вегетарианства также не могут положить конец агрессивности, хотя, конечно, они предпочтительнее того поведения, против которого направлены. (140)

Иначе говоря, принцип чистого практического разума, этического проекта, по Канту, – это принцип ненависти, жестокости, преступности. В конечном счете, в его основе – смерть и убийство. Эта криминализация практического разума подтверждает факт войны между видами. И человек практического разума остается звериноподобным в своей защитной и репрессивной агрессивности и своей убивающей эксплуатации живого.

Можно сказать, что в человеческом «нравственном волеизлиянии», волеизлиянии извращенном, скрыта настоящая злобность.

Несомненно, это то, что привело Ницше к написанию его «генеалогии морали».

Наконец, можно сказать, что эта извращенность, это другое или это подсознание картезианского «я мыслю», другой, который мыслит обо мне, это другой, который с самого начала владеет «я мыслю», сопровождающим все мои мысли.

Поэтому, когда мы обращаемся к Левинасу или Лакану, мы должны спросить себя: достаточно ли того, что мы говорим о другом или о подсознании? Нет, не достаточно. Мы должны говорить об антропологическом предрассудке картезианской закваски, т.е. об эпи-прометео-иудео-христианско-ислаимизме.

★ ★ ★

Адорно констатирует, что Кант не оставляет места ни для какого сострадания. Для Канта, пишет Адорно, нет ничего более ненавистного, более отвратительного, чем воспоминание о сходстве между человеком и животным. Это для него табу во всех смыслах слова и прежде всего религиозный запрет, запрет прикосновения к нечистому. Ненависть к табуированному животному становится общей чертой идеализма и трансцендентализма.

Адорно идет еще дальше – для идеалистов-систематиков животное – то же самое, что евреи для систематиков-фашистов.

Зло, нанесенное животному, это – мужское зло, зло человека как «*homo*», но также, как *vir*. Зло для животного – это мужчина. (Le mal de l'animal, c'est le mal.)

Конечно, были и охотницы Дианы и воительницы-амазонки, но никто не будет оспаривать того факта, что в основном и в целом – в корриде, в мифологической бойне и во всем другом) именно мужчина побеждает животное, с самого начала такое

поручение Бог дал именно Адаму. Этот феномен я именую карнофаллогоцентризмом. (144)

✱ ✱ ✱

Левинас подчиняет субъект радикальной гетерономии. Он говорит, что субъект – это «*l'hôte*», гость (гость бесконечного, потустороннего). Этот этический субъект, это лицо остается лицом человеческим. Таким образом животное выводится за пределы этического. Это-то как раз и удивляет, ведь мы имеем дело с одержимостью другим и бесконечной другодностью. Если я ответственен за другого, то животное – это другой вдвойне, это радикально другой. (147)

И я в долгу перед этим другим и этот долг могущественнее любого закона.

Но кажется, что для Левинаса животное – это вовсе никакой не другой.

Левинас написал множество страниц, посвященных обнаженному и незащищенному человеческому лицу. Но он ни разу не писал о лице животного. У животного вообще нет лица. У него нет этого обнаженного лица, которое смотрит на меня с такой силой, что я забываю о цвете его глаз.

У животного нет лица, нет даже и кожи (в том смысле, который Левинас вкладывает в эти слова).

John Llezelyn еще в 1986 году задал Левинасу несколько вопросов: Есть ли лицо у животного? Можно ли прочесть «Не убий» в глазах животного?

Вот, что ответил Левинас:

«Я не знаю, в какой момент Вы имеете право говорить о лице. Человеческое лицо абсолютно отличается от всего остального и только внезапно мы открываем лицо животного. Я не знаю, есть ли лицо у змеи. Я не могу ответить на этот вопрос. Здесь нужен специальный анализ.» (148)

★ ★ ★

Но декларировать, что он (Левинас) не знает, где «начинается лицо», значит, признать, что ты по существу не знаешь, что такое «лицо», что вообще значит это слово. Заповедь «не убий» Левинас вообще переносит с шестого на первое место Декалога, эта заповедь – эпифания лица. Но Левинас говорит только об убийстве человека.

И в этом пункте Левинас остается хайдеггерианцем. Как Декарт и как Кант, он воспринимает существование как «я мыслю». Как Хайдеггер, он говорит о «бытии-к-смерти». Он не говорит о существовании как о жизни. Хайдеггер избегает слов «человек» и «жизнь», когда говорит о «тут-бытии».

Животное у Левинаса не умирает. Оно остается в стороне от этики святости, от этики личности и лица.

Левинас пишет, что свойство смерти – это без-ответственность. Мертвые не отвечают. Без-ответственность животного означает то, что оно никогда не сможет ответить. Животное одновременно лишено и силы, и права на ответ, следовательно, и ответственности. Животное лишено и ответа и неответа, оно даже не труп, поскольку не знает о смерти. (151)

Почему это презрение к животному нас больше смущает именно у Левинаса, чем у Декарта и Канта, например? Поскольку великим принципом иудаизма является именно принцип жизни (*torat haim*), хотя и он никогда не мешал ритуалам жертвенного заклания животных.

Левинас известен прежде всего как мыслитель Другого. Другой, смотрящий на меня, - это человек. Но есть еще более другой, еще более далекий. Это – зверь. Левинас почему-то не догадывается до этого.

Животное остается для Левинаса тем, чем оно было во всей философской традиции: машиной, которая не говорит, которая не знает, что такое смысл, которая может только имитировать «означающее без означающего». (156)

★ ★ ★

Лакан.

Лакан пишет о пчелах: у них существует язык «знаков». Это не человеческий язык. Кажется, что пчелы отвечают на послание, но в действительности это не так. Они не отвечают, они «реагируют». Они только подчиняются фиксированности программы. Человек же отвечает другому, отвечает на вопрос другого. Лакан, следовательно, типичный картезианец. (169)

У животного есть воображаемое, но нет символического. Животное (по Лакану), следовательно, – пленник воображаемого. Лакан считает, что животное может что-то скрыть, но не может

скрыть того, что оно скрывает. Оно может замести следы. Но не может замести того, что замело следы.

Животное не способно понять, что такое смерть. Оно не может свидетельствовать о смертности. Как и Хайдеггер, Лакан считает: животное никогда не умирает. Поэтому оно не знает скорби смерти, похорон, ритуалов вокруг умерших. О них Левинас и говорит как об «означающих».

Возможность «уничтожить след» делает человека господином положения. Она связана как с его преждевременным рождением, так и с комплексом кастрации. Говоря языком библейским, она связана с первородным грехом. (176)

Но спросим себя – действительно ли животное не может скрыть скрытое?

Лакан явно ничего не знает об открытиях этологии, у него нет и личного опыта наблюдения за поведением животных.

Но во всем этом, без сомнения, заложено зерно догматического антропоцентризма. В основе лежит довольно-таки смутное предположение (фактическая невозможность) различать «скрытость скрытого», «обман обмана» от просто «обмана».

Я думаю, что симптомология и психоанализ должны были бы говорить вот о чем:

За всякой «скрытостью скрытости» лежит просто «скрытость», и ничего больше. Скрытость всегда уже имеет дело с «другим», значит, она заранее имеет дело с «скрытостью скрытости».

Для Левинаса и Лакана ясно одно – у животного отсутствует другой как таковой. (182)

★ ★ ★

Хайдеггер неоднократно критиковал и пытался преодолеть лишенный онтологической перспективы, мертвящий рационализм Декарта. Но в вопросе о животном он остается таким же картезианцем, как и все предшествующие философы.

У Хайдеггера человек живет в мире и обладает им. Животное же лишено мира, но не совсем. Животное «бедно» мирскостью. Камень не находится в миру и лишен мирскости совершенно.

Так Хайдеггер «унижает» животное, в другом месте говоря, что животное не умирает. (Ибо не живет). (198)

★ ★ ★

Здесь конец семинару и книге Деррида.

Да, глухими и слепыми, бесчувственными и унылыми выглядят мэтры европейской философской мысли. Деррида, слава Богу, один из первых мыслителей, признавших достоинство, красоту, глубину, ум, душу, дружость и реальность животного. Хотя это только начало, поэтому книга Деррида написана в контексте скорее негативном, в рамках деконструкции. Но деконструкции смелой, открывающей неслыханно новые горизонты для мысли, наполненной любовью и состраданием.

Приложение II

Русско-Французкое Общество
Защиты животных
Председатель Екатерина Каврайская
12, rue de Rivoli 75004 Paris France
Вице-председатель Татьяна Горичева
183, rue Championnet 75018 Paris France

Его Святейшеству Патриарху Московскому
и Всея Руси Кириллу

Париж, 6 ноября 2009 года

Ваше Святейшество!

К Вам обращается группа православных и католиков из Франции.

С чувством глубокой тревоги и озабоченности мы решили написать Вам. Нас как христиан, живущих в эпоху экологических катастроф и преступлений, напрямую касается проблема роста жестокости и неуважения к жизни в России, разрушения Божьего Творения, нехристианского отношения к природе и животным. Массовая вырубка лесов, браконьерство, чудовищное истребление животных, способами запрещенными во всем мире, происходит по всей России.

Вы знаете, что все христианские конфессии активно призывают к спасению Творения и Твари (например, Константинопольская церковь почти каждый месяц организуют конгрессы, собрания, посвященные страданию Твари и ответственности человека за гибель Творения). А со стороны Московской Патриархии мы не знаем ни об одном выступлении или акции в защиту умирающей природы и страдающих животных.

Мы просим Вас обратиться к русскому народу с призывом осознать ответственность перед лицом разрушения, исчезновения жизни.

К нашему великому сожалению всей Европе стали известны позорные факты жестокого истребления животных даже в центрах русской святости:

В 1999 году из-за визита Патриарха в Новодевичьем монастыре был совершен отстрел кошек.

23 мая 2006 года в Марфо-Мариинской обители расстреляли давно живущих там собак.

27 октября 2007 года эконоом Свято-Сергиевой Лавры приказал уничтожить десятки кошек, живущих при монастыре.

Список, увы, можно продолжить.

Уже несколько лет существует Федеральный Закон о жестоком обращении с животными. Он разработан специалистами, однако г-н Путин, будучи еще и.о. Президента, почему-то наложил на него вето. И недавно, очевидно лоббированный мафией, Закон снова не прошел в Думе. Просим Вас обратиться к политической элите, Думе, убедить их принять наконец этот Закон и ни в коем случае не принимать новый Закон об охоте, подготовленный к апрелю 2010 года.

Христиан Европы потряс проект этого Закона, жестокий и циничный. Он разрешает не охотиться, а просто истреблять зверей, например, беременных самок и имеющих детенышей, неспособных к самостоятельному существованию. По новому закону при добыче медведицы обязательно убийство всех ее медвежат. И т. д.

Позвольте Вам процитировать письмо сербского богослова Павле Рака: «Мы являемся друзьями России. Нас привлекает великая, гуманная русская культура. Мы не верим, что сегодняшние законы выражают дух России, той России, которую мы любим. В законе об охоте есть статьи, которые в 21 веке напоминают кошмарный сон».

Просим Вашего благословения на нашу деятельность по защите Живого, Ваших молитв и, зная, как быстро и мудро Вы реагируете на самые жгучие проблемы сегодняшней реальности, просим Вас призвать священство, монашество и мирян проявить любовь и сострадание к твари «стенающей и мучающейся доныне» (Рим.8–22).

Рабы Божьи Татьяна, Екатерина, Павел, Ирина, Мария, Беатрис, Эмили, Кристоф и другие.

Татьяна Горичева – современный православный мыслитель. Родилась в 1947 г. в Ленинграде. Изучала философию в ЛГУ. В 1980 г. была выслана из России за организацию женского христианского движения. Училась в Иезуитском Институте в Германии и в Православном Сергиевском институте в Париже. Известна во всем мире благодаря многочисленным выступлениям и публикациям. Стали бестселлерами и переведены на десятки языков несколько ее книг. «Опасно говорить о Боге» (23 переиздания на немецком) – наиболее известна.

Последние годы Т. Горичева посвящает всю себя защите «самых беззащитных», она вице-председатель Русско-французского общества защиты животных.

Смерть идеологий поставила человечество перед единой и главной проблемой – сохранить жизнь, которой становится все меньше и меньше. Время не терпит. Нельзя подобно священнику и левиту в евангельской притче о самарянине проходить мимо тех, кого ограбили, изранили, замучили. Сегодня на Западе и на Востоке, на Юге и Севере человечество имеет дело с одной общей виной: жертвами человеческой ненасытности, жажды удовольствий и комфорта стали наша земля, вода, воздух, деревья, животные... Творение Божье. Невинные твари. Эта книга – одна из первых попыток православной экологии.